

ГУМАНИТАРНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том 3
Спецвыпуск **2001**

Дискуссия об идеологии охраны дикой природы

Редакционная коллегия:

Александров Д.А., Россия, кандидат биологических наук
Борейко В.Е., Украина, главный редактор
Грищенко В.Н., Украина, кандидат биологических наук, главный редактор
Данилина Н.Р., Россия
Левченко В.Ф., Россия, доктор биологических наук
Дежкин В.В., Россия, доктор биологических наук
Морохин Н.В., Россия, доктор филологических наук
Никольский А.А., Россия, доктор биологических наук
Поликарпов Г.Г., Украина, доктор биол. наук, академик НАН Украины
Прохорова И.А., Россия, кандидат социологических наук
Симонов Е.А., Россия
Уинер Д., США, доктор исторических наук
Штильмарк Ф.Р., Россия, доктор биологических наук
Шукуров Э.Д., Кыргызстан, доктор географических наук

Адрес редакции:

Украина,
02218, г. Киев,
ул. Радужная, 31-48

Address:

Raduzhnaya str. 31-48
02218 Kiev
Ukraine

e-mail: kekz@carrier.kiev.ua

Электронная версия журнала: <http://www.ln.com.ua/~kekz/human.htm>

Humanitarian Environmental Magazine

Volume 3 • Supplement • 2001

Discussion on ideology of conservation of wilderness

Edited by V.E. Boreyko & V.N. Grishchenko

Международный экологический журнал
Учредитель — Киевский эколого-культурный центр
Регистрационное свидетельство КВ 4345 от 3.07.2000 г.

Издатели — Киевский эколого-культурный центр,
Всемирная комиссия по охраняемым территориям МСОП (**WCSPA/IUCN**)

Журнал издан при поддержке Фонда МакАртуров
Редакция журнала благодарит Дугласа Уинера за материальную помощь

Компьютерный набор — Е.Д. Яблоновская-Грищенко, О.А. Яцеленко
верстка — В.Н. Грищенко

Обложка — северные олени, рис. С.А. Лопарева

- © Гуманитарный экологический журнал, 2001
- © Киевский эколого-культурный центр, 2001
- © Всемирная комиссия по охраняемым территориям МСОП, 2001
- © Humanitarian Environmental Magazine, 2001
- © Kiev ecological and cultural centre, 2001
- © World Commission on Protected Areas IUCN, 2001

Этот выпуск журнала мы полностью посвящаем обсуждению современной идеи дикой природы, которая в настоящее время является основополагающей в современной англо-американской экофилософии и идеологии природоохраны, а в странах СНГ и Восточной Европы практически не известна. Мы надеемся, что эта идея значительно обогатит отечественное природоохранное движение, долгое время задыхавшееся в узких рамках марксизма и материализма, расширит ценностную ориентацию и природоохранные мотивации.

Номер открывается пространным эссе В.Е. Борейко “Современная идея дикой природы”, в котором в более-менее полном объеме даны представления и зарубежных экофилософов, теологов и культурологов по отношению к дикой природе, подробно рассказано об американской практике защиты участков дикой природы, а также высказаны некоторые рекомендации по совершенствованию отечественного заповедного дела.

Все дальнейшие публикуемые в номере работы представлены как попытка обсудить, развить или покритиковать идею дикой природы. Специалисты различных наук — зоологи, ботаники, географы, экологи, теологи, философы, социологи, филологи, экономисты, представители научных, общественных и государственных природоохранных организаций России, Украины, США и Канады высказывают диаметрально противоположные точки зрения от горячей поддержки до прямого неприятия идеи дикой природы. Мы рады, что в нашей дискуссии приняли активное участие такие известные не только в России, Украине, а и за рубежом современные классики заповедного дела как доктора биологических наук В.В. Дежкин, А.А. Никольский, С.М. Стойко, Ф.Р. Штильмарк, а также культурологи: доктор филологических наук Н.В. Морохин и кандидат географических наук М.Е. Кулешова.

Завершает спецвыпуск “Гуманитарного экологического журнала” подготовленный В.Е. Борейко обзор классических американских работ по идее дикой природы, а также список литературы по данной теме.

Современная идея дикой природы

В.Е. Борейко

Киевский эколого-культурный центр

Украина, 02218, г. Киев, ул. Радужная, 31-48, e-mail: kekz@carrier.kiev.ua

Что такое современная идея дикой природы

“...низких истин нам дороже нас возвышающий обман”.

А.С. Пушкин

Без новых идей и концепций мы обречены вновь и вновь повторять старые ошибки. Нам необходимо создать новые мифы, чтобы в третьем тысячелетии сохранить биосферу. Одной из таких свежих и перспективных идей является идеал дикой природы как Совершенно Иного, создание культуры дикой природы.

Это великая пан-культурная идея, к которой рано или поздно придут все народы. Если в какой-либо культуре пока еще нет концепции дикой природы, то это лишь дело времени. Возможно культура, которая не имеет ее, пока не смогла ее открыть, принять или не нуждается в ней. Как политическая идея, как культурный идеал понятие “дикая природа” моложе, нежели относительно новое понятие прав человека.

Вопрос дикой природы (этой особой сверхприроды, “элиты” природы) — более философский, чем биологический.

Достаточно знать, что дикая природа существует, гарантирована в этом мире, видеть ее не обязательно. Особенно в наше время, когда будущее защищено больше, нежели прошлое.

Дикая природа — постоянная и важная часть цивилизации. Но она не ресурс, дикая природа — это самоценность, начало, первопричина всего, первосоздание, начальная точка эволюции. Дикая природа является центром, источником абсолютной

реальности, энергии жизни, бытийной силы. Дикая природа — это высшая природа. Она пропитана необузданной силой и духом, она своевольна и не поддается контролю. Дикая природа — сердце духовного мира и главное пространство жизни.

Дикая природа не входит в наш разум, если не преображена предварительно культурной формулой. Американцы первыми пришли к пониманию, что дикая природа — это Совершенно Иное, отличное от человеческого существования бытие, которое мы должны ценить прежде всего за ее неповторимость. Дикая природа красива, загадочна, дика, свободна, божественна и нравственна. Ее можно считать святилищем подлинности и оригинальности, убежищем чистоты. Это современный сад Эдема.

Современная идея дикой природы состоит в том, что дикая природа является чем-то большим, чем просто ресурс или важный компонент экологических систем. Дикая природа — это особое священное пространство, Совершенно Иное, независимое государство, существующее вне человеческого контроля, ущемляемое человеком меньшинство. Дикая природа имеет свою внутреннюю ценность, свои интересы, свое достоинство, свою цель и моральные права на существование и свободу. Дикая природа — не злая, она моральна, красива и религиозна. Существование дикой природы хорошо само по себе, а уничтожение или контроль над ней являются неправильными по своей сути. Согласно современной идее дикой природы, мы должны любить, ценить, уважать и защищать дикую природу ради нее самой, а не ради потребностей человека. Современная идея дикой природы восстанавливает древнее понятие священности участков дикой природы, расширяет рамки демократии до за-

Журнальный вариант. См.: Борейко В.Е. Современная идея дикой природы. Киев: КЭКЦ, 2001. 117 с.

щиты моральных прав, свободы, автономии и независимости дикой природы и ее видов. Нынче дикая природа стала впечатляющим, широко используемым символом заботы об участках слабоизмененной человеком природы, мощным двигателем заповедного дела, ярким и понятным девизом для постиндустриального общества. Дикая природа — это культурный идеал.

Она пробуждает индивидуальное восприятие и преобразует его в духовный опыт, в метафизическое понимание мира. Идея дикой природы учит состраданию, покорности и сочувствию. За ней — великое будущее.

Не может быть финиша без старта, хорошего без плохого, света без тьмы. Соответственно, дикая природа логически и метафизически необходима для полного и глубокого понимания цивилизации. Нельзя понять цивилизацию, когда нет концепции дикой природы.

Перед дикой природой следует молча преклониться. А ее защита должна идти параллельно с преобразованием нашей души. Ибо теряя дикую природу, как сказал американский эколог Пол Шепард, — мы теряем последний шанс вернуться в себя.

В поиске дикой природы

К сожалению, в отечественной терминологии нет точного определения, что подразумевается под термином “дикая природа”. Попробую сослаться на зарубежную интерпретацию. В утвержденном в 1964 г. Конгрессом США Законе “О дикой природе” сказано: “Областью дикой природы в противоположность тем объектам, где человек и его деятельность господствует над ландшафтом, настоящим признается область, где земля и ее живое сообщество не испытывает препятствий со стороны человека, где сам человек является посетителем, который не остается”.

Область дикой природы далее определяется этим законом как участок неразработанной федеральной земли, сохраняющий свой первозданный характер и влия-

ние без постоянных улучшений или человеческого обитания, который защищается и управляется так, чтобы сохранить его природное состояние, и который в общем выглядит как испытавший в первую очередь влияние сил природы с существенно незаметным отпечатком человеческой деятельности.

Согласно американскому законодательству, область дикой природы должна иметь по меньшей мере пять тысяч акров земли (2 000 гектаров) или достаточный размер, чтобы сохранить ее в нетронутом состоянии, а также “может содержать экологические, геологические и другие характеристики, имеющие научную, образовательную, пейзажную или историческую ценность”.

Существенной характеристикой участка дикой природы является его величина. Американский природоохранник Роберт Маршалл подразумевал под участком дикой природы территорию такой величины, чтобы ее невозможно было пересечь без каких-либо технических средств передвижения за один день. Олдо Леопольд сформулировал свой стандарт — способность региона дикой природы “поглотить” двухнедельное путешествие (2 тыс. кв. километров). В отчете американской Комиссии по рекреации внешних ресурсов 1962 г. “дикая природа” определена как территория земли площадью более 100 000 акров, на которой нет общественных дорог.

Можно сказать так: место, где постоянно живет цивилизованный человек, является территорией, где нет дикой природы, и наоборот.

Символом дикой или свободной природы становятся крупные хищники — дикие львы, тигры, медведи, орлы. Без этих животных дикая природа всего лишь пейзаж. Как правило, “окультуривания” дикой природы они не выдерживают. Другой важной характеристикой дикой природы является ее отдаленность.

Под определения “дикой природы” могут попасть альпийские и субальпийские гористые области, пустыни, тундра, арктические области, подводные участки, пеще-

ры. С некоторой натяжкой — старовозрастные леса, заросшие дельты крупных рек, большие болота, речные каньоны, участки свободного воздуха. Даже утренний туман может образовать кусочек дикой природы.

Конечно, совсем дикой природы, полностью независимой от влияния человеческой цивилизации, в настоящее время не существует. Однако при помощи особого научного приема — идеализации, понятие “участок дикой, свободной природы” можно распространить на довольно значительное число природных территорий, существенно не измененных человеком. Ведь могут же математики оперировать понятием “точка” и “окружность”, физики — “идеальный газ” и “несжимаемая жидкость”.

Поэтизируя понятие “дикая природа”, можно сказать, что участок дикой природы — это такое место, где никто не знает, где начинаются горы и где кончается небо.

Американский природоохранник Майкл Кохен полагает, что дикая природа может иметь по крайней мере пять толкований:

- 1) как существительное или прилагательное (имя или качество);
- 2) как образ или изображение (символ);
- 3) как идеология (где она вписывается в систему ценностей);
- 4) как представление (как ее передает литературная или политическая риторика);
- 5) как правовое определение (“Закон о дикой природе” как общественное соглашение и инструмент).

По моему мнению, дикую природу можно толковать как 1) участок земли; 2) правовое определение; 3) культурный мир; 4) идеологию и философию; 5) качество природы.

На четвертом международном Конгрессе дикой природы было принято несколько расширенное определение дикой природы: “Участок дикой природы — это обширная природная территория, защищенная законодательно и обладающая достаточными размерами, чтобы сохранить нетронутые природные элементы, которые могут служить физическому и душевному благополучию. Это территория, где допускается небольшое или ненастойчивое человеческое

вторжение, так, чтобы естественные процессы продолжали эволюционировать”. Это определение, в отличие от терминологии американского “Закона о дикой природе”, разрешает присутствие коренных народов (скажем, охотников-собирателей), чьи традиционные культуры легко “ходят” по земле, оставляя незначительные следы пребывания. Четвертый Конгресс также добавил, что участками дикой природы могут считаться специально восстановленные до дикого состояния некогда культурные земли.

Западное традиционное негативное отношение к дикой природе

Известный американский историк Линн Уайт обвинила христианство и иудаизм в двух экологических грехах: в провозглашении человека покорителем дикой природы и десакрализации дикой природы. И она во многом права. В Библии термин “дикая природа” встречается около 300 раз и все его значения являются отрицательными. Как в Ветхом, так и в Новом Завете это словосочетание относится к местам неиспользованной человеком природы, где обитали дьяволы и демоны. По большому счету современная идея дикой природы является чуждой Библии.

Долгое время дикая природа представлялась европейцам местом бедствий, недостатков, глубоких страданий и смертельных опасностей. Значимой характеристикой дикой природы было отсутствие в ней прямой полезности.

Владимир Даль определил слово “дикий” как в “природном виде состоящий, не обработанный человеком, неручной, необузданный, своенравный, суровый”.

К сожалению, в традиционной западной культуре исторически имеется очень мало моделей и традиций, которые ценят дикую местность или говорят о том, что природная дикость может позитивно влиять на людей (чего не скажешь о восточной традиции обожествления дикой природы).

Отношение к дикой природе как к пустырю, неудобью, бесполезному и эстетически неценному месту, которое обязательно

нужно было использовать, покорить, улучшить, возделывать, украсить — являлось доминирующим и в СССР.

“Отвратителен дремучий бор, невозделанные степи, неиспользованные водопады”, — писал в 1923 г. литературовед С. Третьяков.

“Пусть выжжена, вырублена будет тайга, пусть вытоптаны будут степи. Пусть будет так и так будет неизбежно”, — призывал лидер сибирских писателей В. Зазубрин на I съезде писателей Сибири в 1926 г.

Подобное негативное мифопоэтическое отношение к дикой природе идеологически обосновывало уничтожение участков свободной природы, видов фауны и флоры. Даже в наше время большинство людей, к сожалению, смотрит на дикую природу с подозрением, в лучшем случае признавая только ее экономическую и научную ценности.

Томас Бирч высказывает еще и такую идеологическую причину действий по уничтожению дикой природы: “...мы фундаментально существуем в состоянии войны с любыми и всеми непохожими на нас субъектами и явлениями. Возможно, это есть самая центральная догма нашей руководящей идеологии или узаконенной истории о необходимой манере отношений с “иными”. Таким образом, на практике это означает, что “иное” следует подавлять или в случае необходимости искоренить. Эта мифология типична для основного направления западной культуры...”

Для большинства наших соотечественников дикая природа — это, к сожалению, то самое “иное”, которое нужно покорить или изменить.

И откуда имеются такие точки зрения — рано говорить о победе природоохранной идеологии.

Спасение дикой природы — в создании ее положительных мифопоэтических образов, в популяризации идеи дикой природы.

Дикая природа как идеология

Считается, что идеология — это ряд идей, которых придерживаются отдельные

люди или народы. Она предполагает 1) элемент ценности; 2) элемент актуальности; 3) элемент веры.

Современная идея дикой природы, концентрируя в себе ценности дикой природы (в первую очередь неэкономические), веру в дикую природу как священное пространство и актуальность скорейшей защиты дикой природы превращается в особую идеологию природоохранного сообщества. Эта идеология концептуально противостоит не только политике уничтожения, рационального использования участков дикой природы или так называемого “устойчивого развития”, она противостоит многим современным модным доктринам, например, Пан-Европейской стратегии сохранения биологического и ландшафтного разнообразия, ибо в ней приоритетными ценностями являются виды, а также эстетически и культурно ценные ландшафты, а не вся дикая природа. Главным в идеологии дикой природы лежит стремление остановить любое использование дикой природы.

В этой связи сторонники современной идеи дикой природы занимают крайне левый фланг природоохранного сообщества, идеологически противостоя всем пользователям (экономическим и неэкономическим) дикой природы. Создание природоохранных организаций, придерживающихся идеологии дикой природы, мне видится важнейшей задачей современного природоохранного движения, ибо это позволит значительно усилить его левое, радикальное, и наиболее действенное крыло.

Дикая природа как идеал и культурный миф

Я рассматриваю миф не как “сказку”, “вымысел” или “фантазию”, а так, как рекомендовал Мирча Элиаде — как “священную традицию, первородное откровение, пример для подражания”, как одну из реальностей культуры. Подобно поэзии, миф — тоже истина, или ее эквивалент, и с истиной научной или исторической он не спорит, а дополняет их, — считает российский культуролог В.М. Пивоев.

В отличие от идеологии миф отличается тремя важными аспектами. Во-первых, он укореняется в самых глубинах души, он более постоянен и дает человеку фундаментальный образ его состояния и мира в общем. Во-вторых, миф носит менее “доктринный характер”, он более расплывчат индивидуально — это частично эмоциональность, частично страстное реагирование, частично святое чувство. В-третьих, миф обладает более сильной способностью активизирования, тогда как идеология более пассивна.

Дикая природа, как до конца рационально неосвояемое и непостижимое понятие, может быть представлена в качестве благоговейно принимаемого, то есть мифологизирована. Подобными понятиями являются понятия государства, народа, нации и т. п.

Постепенно, к началу 20 века человечество открыло для себя новый экологический миф — миф дикой природы, как природы “безгреховной”, чистой, божественной и красивой. Это — своего рода переделка библейского мифа об Эдемском саде.

В дикой природе границы между человеческим и нечеловеческим, между естественным и сверхъестественным всегда казались менее определенными, чем в любом другом месте. Именно поэтому ранние христианские святые и мистики часто подражали уходу Христа в пустыню, поскольку стремились сами получить опыт видений и духовных испытаний, которые Он перенес. Можно было встретить дьяволов и подвергнуться риску потерять свою душу в таком месте, но можно было встретить и Бога. Для некоторых эта возможность была достойна любой цены.

Величественные ландшафты дикой природы являлись редкими местами, где у человека было больше, чем где-либо, шансов мельком увидеть лицо Бога. Бог был на вершине горы, в пропасти, в водопаде, в грозном облаке, в радуге, в закате.

Недаром первые американские национальные парки сохраняли прежде всего дикую величественную природу, до 1940 г. не прославлялось ни одно болото, и по сей

день в США нет национального парка в травянистых равнинных местностях.

В китайской и японской ландшафтной живописи более чем тысячу лет назад последователи синто обожествляли дикие леса, безлюдные горы, шторма и ливни, исповедовали перед ними религиозное благоговение.

Позже эта тенденция стала отмечаться и на Западе. Святой Франциск Ассизский одним из первых среди средневековых христиан показал пример восхищения дикой природой. Подобного взгляда придерживался в середине 16 века и швейцарский натуралист Конрад Гесснер. Жан-Жак Руссо, Петрарка, Вордсворт оказали огромное влияние на появление любви и уважения к дикой природе в европейских странах.

Любопытно, что если проезжающим регион пика Дербишир в Англии вплоть до 18 столетия предлагалось держать шторы своих экипажей задернутыми, дабы не пугаться уродливости и дикости пейзажа, то уже в 19 веке это место слыло среди поэтов и художников одним из самых живописных.

Присхождение взгляда о том, что дикая природа имеет особую ценность как противовес цивилизации, связано с европейским романтизмом во второй половине 18 столетия. Это была идея “величественного в природе” Бурка и Канга.

Ее поддержала в Северной Америке группа писателей Восточного побережья в начале 19 столетия. Символическое положительное значение термина “дикая природа” начало возрастать, когда американские националисты стали пропагандировать дикость американской природы как особенно ценную характеристику национального наследия, а также как что-то отличное и уникальное по сравнению с европейскими культурными понятиями.

“Трансценденталисты” 19 столетия Эмерсон и Торо, а ближе к концу века — Мюир продвинули эту идею еще дальше, и настоящий “культ дикой природы” в США зародился в начале 20 века. Общество дикой природы учреждено там в 1935 г., а “Закон о дикой природе” принят в 1964 г.

Переоценка дикой природы среди европейцев и американцев проходила в первую очередь благодаря росту культуры. Примерно об этом, но по другому поводу сказал автор “Русского леса” Леонид Леонов — “Люблю природу дикую, а людей культурных”.

Согласно экокфеминизму, дикая природа — это женский образ. И, так же как женщина, дикая природа находится под суровым контролем и эксплуатацией со стороны мужчин. Поэтому экокфеминистки призывают к освобождению не только женщин, но и дикой природы, для них это две стороны одного процесса. Ибо и женщины, и дикая природа нуждаются в любовном, уважительном отношении. В этой связи культ дикой природы аналогичен культу девы Марии, с чистой и непорочностью которой трудно сравниться другим женщинам, — полагает австралийский экокфеминист Вэл Пламвуд.

Резкая переориентация по отношению к дикой природе, как природе “безгреховной”, изначально невинной, позволяет нам задуматься о зачатках новой природоохранной идеологии, найти свежие веские аргументы в защиту природы.

Дикая природа, в конце-концов, это образ мышления, состояние ума, идея и даже миф.

Дикую природу можно рассматривать как качество, определяемое в контексте личных ощущений, чувств и выгодных преимуществ. Она обладает сознанием и душой.

Чувства к ней, как правило, рождаются там, где нет дикой природы — в крупных городах, университетских центрах. Сельские жители, живущие по соседству с дикой природой, чаще всего ее не ценят и не понимают.

Как утверждает американский историк Вильям Кронон, поразительная власть дикой природы состоит в том, что изумление перед ее лицом не требует волевого акта, оно само навязывает его нам.

Учиться почитать дикую природу — значит помнить и признавать некоторые моральные принципы — справедливость,

благожелательность, рациональность и автономию. Они определяют наше моральное поведение по отношению к дикой природе. По мнению экокфеминиста Роджера Пейдена принцип справедливости требует, чтобы мы действовали справедливо, отстаивая интересы всех ее частей. Принцип благожелательности предлагает признавать и увеличивать общую ценность в дикой природе. Принципы рациональности и автономии требуют избегать принудительно или обманным способом навязывать свою волю дикой природе, уважать автономию дикой природы и способность диких видов флоры и фауны самим определять ход их собственных жизней.

Создание мифа дикой природы крайне важно для ее защиты. Ибо только новый миф, как правильно полагает американский историк Дуглас Уинер, способен произвести достаточно глубокие поведенческие изменения в достаточно массовом масштабе. Мифы могут обособлять, умиротворять или объединять, стимулировать, вдохновлять, вызывать иные полезные реакции. Экологический миф побуждает к действию в защиту природы, создает экологическую картину мира и является духовно-психологической опорой для природоохранников. Экологический миф — неисчерпаемый арсенал идеальных ценностей дикой природы. В конечном счете защитникам природы никак не обойтись без него при современном низком уровне экологического образования населения. Каждая эпоха нуждается в своих мифах, в том числе экологических.

Дикая природа и девственная природа. Степени дикой природы

Довольно часто дикую природу отождествляют с природой девственной. Эти оба эпитета используются как синонимы. Но дикая природа не есть девственная природа. Девственность, как и беременность, не имеет степеней. Нельзя быть “немножко беременной”. По видимому, в настоящее время девственной (первозданной) природы на

Земле не существует. Во-первых, человек сейчас глобально влияет на все без исключения участки Земли, во-вторых, во многих местах древние человеческие цивилизации в той или иной степени изменили девственную природу.

Что же касается дикой природы, то она имеет много степеней изменчивости, так как всегда является изменчивой. И эти изменения происходят во многих формах. В отличие от термина “девственная природа”, термин “дикая природа” не может быть использован как абсолют. Подобно температуре и скорости это вопрос “степени”. Понятие “дикая природа” где-то сродни понятию “тишины”. Как таковой абсолютно дикой природы не существует, как и нет полной тишины. Вместе с тем, как справедливо заметил американский писатель Уоллес Стегнер — “лучше раненая дикая природа, чем вообще никакая”.

Дикая природа — это природа, сохранившая “дикий”, естественный тип воспроизводства, саморегуляцию за счет внутренних связей. Как считает сотрудник Киевского эколого-культурного центра, преподаватель биофака Киевского университета, к. б. н. А.В. Подобайло, окультуренная природа для своего поддержания требует энергетические затраты со стороны человека. Дикая природа остается сама собой независимо от нас и не требует от людей каких-либо энергетических затрат. Как справедливо полагает киргизский эколог Э.Д. Шукуров, дикая природа (ненарушенные экосистемы) может иметь три степени: 1) ненарушенные нетронутые; 2) ненарушенные естественные; 3) ненарушенные со слабым использованием.

Имеется также переходная стадия между природой дикой и природой окультуренной. Как утверждает Э.Д. Шукуров — это “сильно измененные человеком естественные экосистемы, но сохранившие заметные элементы дикой природы, или в основных чертах воспроизводящие естественные природные циклы”. Эти участки полудикой природы нельзя сбрасывать со счетов. При полном заповедании со временем они мо-

гут “одичать” и пополнить число территорий дикой природы.

Природа полудикая может иметь, по мнению этого автора, две степени: 1) слабонарушенные участки полудикой природы со слабым экстенсивным использованием; 2) слабонарушенные участки полудикой природы с сильным экстенсивным использованием.

Естественно, возникает вопрос о методике определения степеней дикой природы. И здесь, мне кажется, вполне приемлемым, в первом приближении, может стать предложение Э.Д. Шукурова: “Предлагается в основание членения, в соответствии с его задачами, положить сочетание естественных и антропогенных процессов и состояний. Тогда все выделы уложатся в шкалу между совершенно нетронутыми, полностью сохранившимися “дикими” типами самовоспроизводства экосистемами и полностью созданными человеком и неспособными к самовозобновлению. Если условно оценить “естественность” и “искусственность” от 0 до 10 баллов, то можно выстроить встречные числовые значения возрастания — убывания этих признаков. Их сочетание дает исчерпывающий ряд возможных балльных оценок выдела.

“Естественность”

10; 9; 8; 7; 6; 5; 4; 3; 2; 1; 0

“Искусственность”

0; 1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10

В итоге мы имеем комплексные выделы с баллами “естественность”/“искусственность” 10/0; 9/1; 8/2; 7/3; 6/4; 5/5; 4/6; 3/7; 2/8; 1/9; 0/10 — всего 11 типов.

Таким образом, задача сводится к характеристике каждого из 11 типов выделов и их идентификации на местности”.

Опираясь на вышесказанное, можно дать экологически более точное (в сравнении с американским) определение термину “дикая природа”.

Природа дикая (свободная): 1) обширные, с чистым воздушным пространством, удаленные от современного культурного (нетуземца) человека и ненарушенные его деятельностью участки земли (включая

акватории), где сохранилось местное биоразнообразие, включая хищников, и полноценные экологические и эволюционные процессы. На этих участках дикая природа воспроизводится естественным путем, по “дикому” типу, сохраняя саморегуляцию за счет внутренних связей. На нее человек влияет лишь как биологическое существо или только опосредованно через глобальные изменения мира. Дикая природа не бывает статической и может иметь несколько степеней изменчивости. Дикая природа — это земля (вода) с собственной волей, и ценна сама по себе. Дикая природа вызывает у человека чувства священности, свободы, загадочности, вдохновения и восхищения;

2) место, наделенное силой воли и духом.

Какие еще имеются синонимы определению “дикая природа”? Их четыре:

1) “нетронутая природа” — местность, где человек не препятствует природным силам;

2) “природа, где не ступала нога человека” — местность, где человек не ходил вообще;

3) “дикая земля” — местность, противоположная той, где существуют творения рук человека;

4) “свободная природа” — продукт деятельности только естественных сил с возможными следами рук человека, которые в общем не заметны.

Под охраной же дикой природы я понимаю защиту, в первую очередь, ее свободы, независимости, естественности и автономии.

Критика идеи дикой природы

Американский природоохранник Мишель Суль полагает, что существует несколько основных направлений критики идеи дикой природы.

Первое исходит от коммерческих структур, взявших на вооружение идеи рационального (мудрого) использования природных ресурсов. Они провокационно связывают дикую природу с природой девственной (первозданной), а затем утверждают, что та-

кой природы не существует, что, мол, она давно изменена современным человеком. А если это так, то можно и должно рационально эксплуатировать природные ресурсы в заповедниках и национальных парках.

Ответ этим оппонентам может базироваться на различиях в смысловом понятии “дикая” и “девственная” природа, о чем было сказано выше. Конечно, некоторые участки дикой природы имеют меньшую степень “дикости”, но это не значит, что по этой причине их можно уничтожить.

Второе направление критики исходит от сторонников этического обращения с животными. Они ставят права индивидуальных животных выше права видов, экосистем, дикой природы в целом. Так, например, они выступают против отлова одичавших домашних свиней в гавайских лесах (вида, чуждого данной экосистеме), где эти пришлые животные уничтожают дикую природу Гавай.

В данном случае аргументация сторонников дикой природы может базироваться на идее, что любая система всегда имеет большую ценность, чем отдельная часть. Дикая природа Гавай является системой (пусть даже подпорченной человеком), а разбежавшиеся из загонов домашние свиньи — не только ее частью, а вообще посторонним элементом, и значит, не могут цениться выше экосистемы Гавай.

Третье направление критики исходит от социальных экологов. Они заявляют, что небольшие туземные народы, живущие в Африке, Австралии, Америке или Сибири, и сделавшие дикую природу своим домом, являются ее наилучшими хозяевами. Поэтому как таковой дикой природы не существует. На самом деле это не так. Природа эволюционировала по своим законам миллионы лет. Изменения же, произведенные в ней туземцами, необыкновенно малы, несущественны. Туземный человек влиял на дикую природу как существо биологическое, нежели социальное. По силе своего воздействия, к примеру, на сибирские леса племена манси никак не сравнятся с современной цивилизацией. Поэтому тер-

ритории, где обитали или еще обитают племена, ведущие в основном охотничье-собирательский образ жизни, могут считаться участками дикой природы.

К вышеизложенным направлениям критики можно добавить следующие, о которых не упомянул Мишель Суль. Это миф о ноосфере, наиболее популярный в бывшем СССР и странах СНГ. Его основоположники Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден, В.И. Вернадский верили, что человеческий разум, превращаясь в планетарную геологическую силу, приведет к упорядоченной природной и социальной действительности, создаст новую сферу — сферу разума. Другими словами, из биосферы, благодаря человеку, возникнет ноосфера. Я не буду подвергать критике учение о ноосфере (это замечательно сделал современный российский философ В.А. Кутырев в своей книге “Естественное и искусственное: борьба миров”), замечу только, что научно управляемая дикая природа также невозможна, как дикая жизнь в зоопарке. Учение о ноосфере не только глубоко утопично, оно антиэкологично, так как не предполагает существование независимой, отличной от человека дикой природы, и ее диких, неуправляемых процессов. Человеческий разум и “дикость” природы — понятия несовместимые.

Дикая природа — это то, что развивается самостоятельно и не нуждается в “ноосферной” подсказке со стороны. Мы не должны “возделывать” дикие земли, а обязаны давать дикой природе идти своим путем.

К пятому направлению критики можно отнести некоторые заявления, что мол заповедание дикой природы предполагает “замораживание” предыдущего состояния, поддержание его таким, когда “белый человек” появился на сцене.

Такая интерпретация идеала дикой природы является идиотической. Ни один эколог не интерпретирует дикую природу в статическом, девственном, застывшем состоянии. Дикая природа — это земля с собственной волей и заповедая ее, мы позволяем ей развиваться самостоятельно.

К шестому направлению можно отнести

ти поборников той или иной религиозной конфессии, например, православия. Они выступают против обожествления дикой природы. Однако не стоит противопоставлять веру — церкви. Нужно с уважением относиться к внутреннему опыту человека, считающего дикую природу святой.

К седьмому направлению можно отнести точку зрения, что идея дикой природы увековечивает в конечном счете деструктивное отделение людей от природы. С этим также нельзя согласиться. Если несколько процентов территории Земли будет предоставлено дикой природе — что в этом “деструктивного”? Да, человеку туда вход воспрещен, но это вынужденная мера, и как показывает практика, иначе дикую природу не сохранить. Ибо все природное, к чему прикасается человек, теряет свое совершенство.

Восьмым является миф, что якобы идея дикой природы поработает аборигенные народы.

На самом деле, как показывает исторический опыт, столкновение не с природой, а с современной цивилизацией поработает, а то и губит аборигенные народы.

В-девятых, некоторые подвергают сомнению, является ли дикая природа чем-то реальным или просто творение человеческого ума.

В начале данного эссе я уже ответил на этот вопрос. Действительно, абсолютно дикой природы скорее всего на Земле уже нигде не найти. Абсолютно дикая природа — творение человеческого ума. Но относительно дикая природа существует реально.

В-десятых, некоторые критики идеи дикой природы полагают, что мифопоэтизирование природы, одарение ее любовью, красотой, нравственностью стирает границы между реальностью и фикцией, действительностью и мифом.

По моему мнению, мифопоэтизирование природы происходит всегда. На одно и то же звездное небо разные народы в различные времена смотрят по-своему. По большому счету картина природы является произведением искусства. Гораздо хуже, если к дикой природе будут относиться как

к неудобью, дьявольскому месту, пустоши, которую надо “окультурить”, чем как к месту сакральному, самоценному, способному вызвать у людей природозащитные мотивации, чувство благоговения, уважения и восторга.

В-одиннадцатых, бытует мнение, что идея дикой природы способствует разделению людей на богатых и бедных. Для первых, мол, существуют неиспорченные дикие земли с чистыми реками и синим небом, для вторых — загрязненные и отравленные территории.

Это не так. Согласно идее дикой природы, неиспорченные дикие земли существуют ради самих себя, ибо имеют внутреннюю, независимую от человека ценность. А не ради богатых, бедных людей или их будущих поколений.

В-двенадцатых, бытует мнение, что национальные парки — выдумка и каприз западной цивилизации. Однако история подтверждает, что это не так. В евроазиатской России с конца 19 века начали создаваться заповедники практически без влияния американцев. Существование специальных заповедных природных зон поддерживается законами двух великих мировых (не западных) религий — ислама и индуизма. Заповедные объекты имелись у разных стран и народов. Сейчас национальные парки активно создаются во всем мире.

В той или иной степени, все эти направления критики используются, чтобы оправдать человеческую гегемонию, экспансионизм и превращение последних участков дикой природы в городской или сельский ландшафт для нужд человека.

Свобода, автономия и независимость дикой природы как особого государства

Свобода, автономия и независимость — важнейшие свойства дикой природы как особого, независимого государства иной цивилизации, живущего по своим законам. Русский философ Н.О. Лосский писал, что судьба высших ценностей и святынь связа-

на с таким началом как свобода. Дикая природа не может быть ни прирученной, ни дрессированной.

Согласно философскому определению, свобода — это способность действовать в соответствии со своими интересами и целями. Под свободой (эксвободой) дикой природы понимается прежде всего ее самостоятельная воля, способность к самоопределению, к действию, к обладанию правом а также свобода выбора, способность к творческому усилию. Дикая природа — это природа, находящаяся в своевольном, неконтролируемом состоянии. И охранять ее нужно потому, что это свободный, реальный мир, вместительный трех с половиной миллиардов лет свободной органической эволюции.

Кроме всего прочего, территории дикой природы — это места реализации свободы диких животных и растений, и они должны охраняться как “резервуары экологической свободы”.

Не менее важной характеристикой дикой природы является ее автономия. Под автономией понимается право самоуправления, свобода воли, собственная закономерность, определяемость какого-либо явления его внутренними законами. Под автономией дикой природы понимается свойство дикой природы существовать по своим внутренним законам самостоятельно, способность поддерживать себя. Перефразируя и дополняя И. Канта, можно сказать, что автономия дикой природы есть свойство дикой природы быть самой для себя законом.

С понятиями свободы и автономии дикой природы тесно связана ее независимость. В данном случае это означает свойство, которое характеризует отношения человека и дикой природы, при которых последняя не подчиняется человеку и его законам.

Дикая природа как Совершенно Иное

Концепцию “Совершенно Иного” ввел в философский обиход в своей классичес-

кой работе “Идея святого”, опубликованной в 1917 г., известный немецкий историк религии Отто Рудольф. В 1980-х годах американские экофилософы придали этому термину экологическую окраску, обозначив им сущность дикой природы.

По Отто Рудольфу “чувство “Совершенно Иное” держится или случайно возникает благодаря предметам, которые из-за естественной таинственности странно воздействуют и поражают людей. У нас нет ничего, с чем “Совершенно Иное” можно сравнить. Можно было бы возразить, что “Совершенно Иное” является пока просто для нас непонятым. Но тогда, как только еще не понятое, но понимаемое, оно называлось бы “проблематичным”. В нашем же случае таинственный предмет неосязаемый и непонятный не только потому, что мы осознаем его в каких-то определенных пределах, но и потому, что мы здесь наталкиваемся на нечто “Совершенно Иное”, которое из-за необычного вида и своей необычной сущности несоизмеримо с нашим существом, из-за чего мы в оцепенении отшатываемся. “Совершенно Иное” недоступно пониманию и непостижимо. Оно кажется безрассудным и идет вопреки здравому смыслу. Это даже больше, чем парадокс.

Это “Совершенно Иное” не принадлежит сфере нашей действительности, а какой-то абсолютно другой, которая в то же время и возбуждает бурный интерес в душе. По мнению Отто Рудольфа, “Совершенно Иное” — не только непостижимая, недоступная нашему пониманию категория, но и приводящее в замешательство, ослепляющее, тревожащее, противопоставляющее само себя в противоположности и противоречии.

Дикая природа — это Совершенно Иное, отличное от человека. Дикая природа — это уникальный эволюционный эксперимент с непредсказуемым результатом. Она — лучшая часть Земли, ибо свободна от человека и его “произведений”. В ней скрыт не только хаос, но порядок и совершенство. Помимо физического порядка, в дикой природе имеется и порядок мораль-

ный. Красота дикой природы говорит о ее моральном содержании, недаром для Джона Мюира красота дикой природы и ее моральность являлись одним и тем же.

Как полагает американский географ и философ Линда Грэбер, — “области дикой природы — это земные версии порядка и совершенства”. Генри Торо утверждал, что дикая природа — это не что иное, как цивилизация, но другая, чем наша.

Свободная природа — это то место, где мы осознаем наше начало и нашу принадлежность, где мы учимся понимать, уважать, любить и помнить. Здесь время смешивается с вечностью.

Дикая природа обладает созидательной дикостью снаружи, в отличии от дикости внутри, которую имеет человек, обреченный на саморазрушительное поведение.

Дикую природу как Совершенно Иное можно символически представить в виде черного квадрата — известного полотна русского художника-абстракциониста Казимира Малевича, который он определял как первофигуру, знак иного бытия, целиком свободного от цивилизации.

Дикая природа как святое пространство

Ничто не является подлинно священным, незыблемым как железо.

Древние.

Дикое место! Такое же святое и очарованное...

С. Кольридж.

И сказал Бог (Моисею): не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая.

Исход, III. 5.

Природа дикая одновременно священна. В своем обсуждении диалектики чистого и практического разума Кант утверждает,

что вера в идею Бога является необходимым условием моральной жизни. Он утверждает, что идея Бога является существенно важной для моральных законов. По аналогии с этим Роджер Пейден предлагает рассматривать дикую природу как трансцендентальную сущность, когда вера в идею дикой природы также становится необходимым условием существования морали. Участки дикой природы обладают высшей ценностью, где ввиду мощного подъема творческой теургической энергии свободно совершается акт творения. Именно такие священные территории становятся центром Вселенной, и от их благополучия зависит благополучие самого мира.

По отношению к дикой природе человек ощущает свое полнейшее “ничтожество”, чувствует, что является “не более, чем живым существом, или, если говорить словами Авраама, с которыми он обратился к Господу: “Я прах и пепел”. Именно это “другое, радикально и полностью отличное”, по мнению двух выдающихся исследователей религии — немецкого ученого Рудольфа Отто и румынского Мирчи Элиаде, в основном и вызывает чувство священного.

Таким образом, участки дикой природы, как Совершенно Иное, попадают под категорию священных. Кстати, на этот феномен обратил внимание еще Жан-Жак Руссо, заявив, что “святость лежит в неукрашенной природе”, а также американский путешественник Эствик Эванс, записавший в 1818 г.: “Существует нечто в самом имени дикой природы, которое очаровывает ухо и успокаивает дух человека. В нем содержится религия!” Дикая природа — священное место, такое же святое как и церковь, то есть ее следует почитать как святыню. Но в отличие от церкви стараться не посещать.

Вся же остальная территория Земли, измененная человеком (городские и сельские пейзажи) является светской, несвященной, вульгарной.

Нам нельзя касаться священного, запрещается как пространственное, так и временное смешивание этих двух миров. Мы

должны научиться рассматривать участки дикой природы как святую землю, охраняемые морально святилища дикой природы. В этом и состоит зов дебрей, зов дикой природы — моральный призыв, моральное требование мира свободной природы.

Мне кажется, что интерпретация участков дикой природы как сакральных мест должна найти поддержку у населения. Так, по данным социологических исследований группы московских ученых под руководством Д.Н. Кавтарадзе и А.С. Мартынова, проведенных в 1990-х гг. в России, 54,6% опрошенных считают, что природа священна сама по себе; 25,9% — природа священна, поскольку создана Богом, 11,1% — природа имеет большое значение, но она не священна. Затруднялось ответить — 8,2% респондентов.

Примерно такие результаты были получены нами в 1999 г. при анкетировании 200 жителей города Киева и Киевской области. С утверждением, что участки дикой природы являются священной территорией согласились 74% опрошенных, 15% были не согласны, 11% затруднились ответить.

Среди десяти предложенных вариантов ответа на вопрос “Почему нужно охранять дикую природу?” ответ “Потому, что она священна” оказался по популярности на втором — третьем месте среди десяти вариантов.

Подобные результаты были получены при анкетировании 200 жителей Львова и Львовской области. Утверждение, что участки дикой природы являются священной территорией поддержали 72%, 14% — возразили, и столько же не имело твердого мнения. Охранять дикую природу потому, что она священна считает необходимым 13% опрошенных, и среди десятка предложенных вариантов он занял четвертое место.

Несколько иные результаты были получены учеными Днепропетровского университета, которые летом 2000 г. по заданию Киевского эколого-культурного центра опросили 1221 человека в различных регионах Украины. Из 12 предложенных респон-

дентам ценностей дикой природы религиозная ценность заняла 8 место.

Дикая природа — это метафора беспредельной божественной возможности, находящейся за пределами человеческого сознания. Это часть веры. Вместе с тем в религии природоохраны священность дикой природы почитается не ради постороннего божества, а ради самой природы, ради так называемой “воли земли”.

Американский экофилософ Джей Хансворд писал, что так как индоевропейские народы приписывали дикой природе самоценность, “то они выделили большие пространства или полосы земли под священные рощи или святилища дикой природы.

Дикая природа, рассматриваемая таким образом, показывает, что земля обладает божественным предназначением, что дикость связана с творением, и что дикая природа дает абсолютное признание внутренней ценности. Этот религиозный контекст в большой степени просмотрели ученые, убежденные, что культуры за пределами древней Греции и Рима и основного направления западной цивилизации были настолько обеднены и заняты дикарской борьбой с той же дикой природой за выживание, что они не могли развить значительных культурных отношений и идей”.

Русский геолог и поэт А.В. Львов писал:

Я кланяюсь всему, боготворю природу,
То звездам гимн пою, то морю, то горам
И солнца радуюсь особенно восходу —
Природа для меня — один обширный храм...

Человеку как духовному существу, присутствие почитание высшего начала, благоговение перед святыней, преклонение перед безмерно великим. “Духовное возвышение, любовь к святыне представляет собой незыблемый фундамент человеческого бытия”, — считают российские философы М.М. Мантатов и О.В. Доржигушаева. Такой святыней может стать для нас дикая природа. Придание святости дикой природе помогает избавиться от господства над ней. Мы научимся охранять дикую природу, когда станем на нее молиться и уважать как Совершенно Иное.

Не обязательно всем бывать в дикой природе и ощущать ее священность, порой достаточно в это верить. Так, я никогда не был на Байкале, но верю, что он священен. Верить в священность дикой природы — означает относиться к ней с осторожностью, благоговением, защищать, спасать от уничтожения, не получая ничего взамен.

Признание священности дикой природы увеличивает ее общую ценностную оценку за счет такой очень почитаемой различными народами ценности, как религиозная, что помогает избавиться от идеологии господства над природой.

В отличие от различных религий, в которых дикая природа (или ее часть) являются священными для достижения каких-либо религиозных целей (например, установления контакта с божеством), в религии природоохраны дикая природа священна ради себя самой.

Очень опасно допускать, чтобы священность дикой природы становилась инструментальной ценностью. Ибо в нашей коммерческой культуре священное может моментально получить торгашескую основу, что будет грозить дикой природе уничтожением.

Культ дикой природы

— *Сколько дикой природы нам
нужно для вдохновения?*
— *А сколько нам нужно симфоний Моцарта?*

Дикая природа считается в США одним из центральных символов американской национальности. Марк Сагофф, американский философ и юрист писал о праве своих сограждан на сохранение дикой природы как части их истории и культуры: “Это право наших граждан на их историю, на знаки и символы их культуры делает сохранение дикой природы настолько же важной для американской нации, как и сохранение таких институтов, как суд присяжных и народное образование. Убери дикую природу и ты лишишься возможности быть американцем”.

По его мнению “сохранение дикой природы является обязательным и для нашей культурной традиции, для наших национальных ценностей, для нашей истории, и, следовательно, для нас самих”.

Другой американец, писатель Уоллес Стегнер, добавил: “Мы безусловно лишимся многого как нация, если дадим умереть дикой природе”.

Американцы поступают мудро, в целях природоохраны обращаясь к различным культурным и духовным ценностям, ибо только наука или экономика не в состоянии защитить дикую природу. Они призывают не только ценить или любить дикую природу, но и уважать, гордиться, почитать ее, даже благоговеть перед ней, испытывая почтительное изумление и страх, смешанный с почитанием.

Как не согласиться с Холмсом Ролстоном III, предложившим принять “Декларацию свободы для сохранившейся дикой природы” (что-то наподобие воззвания об освобождении черных рабов, подписанное президентом США А. Линкольном в 1863 г.). Это должен быть призыв к людям уважать дикую жизнь и дикую природу.

Дикая природа навевает момент правды. Она — постоянная и реальная часть мира, человеческие же структуры, — вроде городов, — искусственные и преходящие.

Дикость и дикая природа

Дикость есть независимость от законов, порождающая необузданность нрава.

И. Кант.

Дикость — одна из главных ценностей дикой природы. Холмс Ролстон III пишет: — “Нам нравится природное смешение последовательности и свободы; где слово “дикий” созвучно слову “свободный”, где свободной может быть дикая река или ястреб в небе. Своим великолепием, непокорностью и загадочностью, само слово “дикий” является одним из наших важнейших слов, определяющих ценность. Попросту

говоря, в диких объектах мы находим смысл (...).

Дикая природа имеет автономию, которой нет в искусстве. И мы должны предоставить ей возможность следовать своим путем, оставив ее в покое. Так же нам следует принимать во внимание ценности, которые не мы создали (...).

Что до меня, то я считаю жизнь морально атрофированной, когда уважение природного и дикого отсутствует. Никто не может считаться человеком с моралью, если не уважает целостность и достоинство того, что мы называем дикой природой” (...).

Дикость — это настоящее “Иное”, — считает американский экофилософ Томас Бирч, она является ценностью “Иного”. Ей нельзя приписывать экономическую ценность, поскольку она порождает много того, что бесполезно, что не может быть использовано. По мнению Бирча “поддержание состояния “Иного” требует сохранения радикальной открытости, или поддержания того вида безоговорочной свободы, которая позволяет проявляться полной спонтанности и продолжающегося участия в создании нового (...). Насколько следует дать волю лесному пожару или эволюции насекомых? Мы не можем этого знать. Дикость логически не поддается систематизации. Не может существовать естественных законов дикости”.

Дикость — это свойство, способность свободной природы оставаться в диком состоянии. Оно нецивилизованное и неконтролируемое качество. “Дикое — это самое жизненное”, — сказал Г. Торо. Дикая природа — это место. Дикость — это качество. Английский философ Джейн Беннет считает, что “дикость является неисследованным, неожиданным и необъяснимым чуждым измерением чего-либо”.

Дикость не ограничена и не ограничивает, так же как тишина не определяет и неопределена. Она похожа на легкий туман, который тянется по земле. Дикость — это то, что приходит и уходит. Дикий олень, выделяющийся на фоне деревьев, исчезает так же внезапно, как и показался, и невоз-

можно определить, ушел ли он в лес, или его приняло окружение. Как только отмечают границу дикого, оно уходит.

Сущность дикости — перемена. “Дикость не имеет слов... Ее ненаписанные страницы простираются во всех направлениях”, — сказал поэт Томас Транстремер. Как только мы позовем дикость, она исчезнет. Она исчезнет в кустах, ее унесет ветер. Иногда навсегда. Быть диким — значит появиться и исчезнуть.

Очень хорошо, что в дикой природе существуют такие неуправляемые и дикие явления как землетрясения, вулканы, ураганы, половодья и лесные пожары. Эволюция — тоже есть дикость сама по себе.

Американский экофилософ Эдвард Грамбайн полагает, что термин “дикая природа” (англ. “wilderness”) отличается от термина “дикость” (англ. “wildness”). Он пишет, что “дикость... как “процесс и сущность природы” является источником ресурсов и самого человеческого существования. Она является производящей структурой, каркасом, внутри которого все существа населяют Землю. Дикость с трудом поддается определению. Хотя она пронизывает саму жизнь, легче указать на ее присутствие, чем определенно “показать на нее пальцем”.

В то время как дикая природа в западной культуре чаще всего является каким-либо местом, дикость подразумевается силой или “правилами игры”, стоящими за горизонтом, “всем управляющей реальностью, которая находится выше всех наших планов и созданий”.

Процесс эволюции является диким. Эта дикость отвергает возможность триумфа над природой со стороны механического мировоззрения промышленной цивилизации. Даже ядерная зима... все же едва ли сможет полностью уничтожить регенеративную силу дикости (...).

Дикая природа и дикость пересекаются там, где река, гора, медведь или цветок бросают в нас искру осознания и озабоченности, которое помогает разбить стену между людьми и природой ...”

Дикость не просто является спасением мира, она представляет собой сам мир.

Экофилософ Джей Хансфорд писал: “Дикая природа (англ. “wilderness”) буквально означает метафизическую “волю земли” (англ. “wild of the land”) в первобытной индоевропейской мысли. Можно полагать, что представление о том, что существует “воля земли” означает, что дикая природа является своенравной и неконтролируемой. Конечно, термин “дикая природа” передает идею чего-то неуправляемого, подлинным значением “воли земли” являются внутренний волевой акт и ценность, свободные от человеческого инструментализма и контроля. “Воля земли” приписывает дикой природе самоценность”.

Конечно, дикость таит в себе опасность для человека, риск. Но уничтожьте риск, и вы погубите дикость. Мы должны научиться ценить и уважать свободную природу не только за ее нравственность, красоту и интеллектуальное разнообразие, но и за ее дикость, вызов и противодействие. За что-то великолепное, что мы не создали, и что мы не понимаем.

Однако уважение к дикой природе отличается от любви к дикой природе. Поскольку хорошие действия по отношению к ней являются этически обязательными вне зависимости от наших чувств к свободной природе.

Если что-нибудь дикое исчезнет из природы, мир тем самым уменьшится.

Как полагает американский эколог и экофилософ Грегори Эплет, дикость является функцией как свободы, так и естественности и поэтому изменяется при увеличении или снижении свободы и естественности. Где свобода и естественность выражены самыми высокими показателями, находится область дикой природы.

Нужно ли улучшать дикую природу?

Любовь к природе возникает из того лучшего, что в нас заложено. Мы любим ее как

град Божий, несмотря на то (а скорее как раз потому), что в этом граде нет жителей.

Ралф Эмерсон.

В работах ряда современных экологов (в том числе советских и постсоветских) порой высказывается мнение, что дикую природу можно и нужно улучшать. Да, они поддерживают идею охраны дикой природы, но с небольшой оговоркой (часто ссылаясь на утопическую теорию “ноосферы” В.И. Вернадского), что кое-что в дикой природе все-таки нужно подправить. Где-то акклиматизировать нужных зверей, где-то немного “добавить” красоты в пейзаж, где-то уменьшить количество хищных животных. Причем такие “улучшающие” дикую природу изменения санкционируются даже в некоторых заповедниках. Ученые, призывающие улучшать дикую природу, ссылаются на якобы известные им законы природы, из чего следует, что дикой природе после таких небольших “косметических” улучшений ничего плохого не будет. Даже наоборот.

Что касается природы окультуренной, лишенной “дикости”, такие улучшения, конечно, нужны. Однако подобное утверждение ни в коем случае нельзя отнести к природе дикой. Фауна и флора, улучшаемые и управляемые научно, и фауна и флора, управляемые и улучшаемые природой — это противоречивые понятия, логическая нелепость.

Как справедливо считает американский экофилософ Холмс Ролстон III, ценности, присущие дикой природе и созданные спонтанно и бессознательно, никогда не могут быть улучшены сознательно, человеческим управлением, ибо само это “управление”, по определению, несовместимо с понятием дикой природы. Для животных природа — готовый продукт, они адаптируются к ней путем естественного отбора, люди же создают свой мир искусственно. В дикой природе бурлят спонтанные эволюционные и экологические процессы, и любое челове-

ческое вмешательство, несмотря на всю благость намерений, будет вторжением, так или иначе прерывающим эти процессы, и является, следовательно, неприродным. “Культура, — как пишет Холмс Ролстон III, — это постэволюционная фаза нашей планетарной истории”.

Архитекторы дикой природы и человеческой цивилизации различны. Поэтому любые наши попытки улучшить дикую природу на самом деле ее портят.

В качестве примера можно привести попытку улучшить картину Шишкина или симфонию Чайковского. Пусть даже при помощи самых передовых технологий. Никогда нельзя ничего сделать лучше мастера. Тем более такого гениального как дикая природа.

Дикая природа не может одновременно улучшаться и оставаться дикой и свободной. Одно из двух: или она дикая и свободная, или она управляется (улучшается) человеком, но уже — не дикая. Короче говоря, дикая природа не нуждается в человеке.

По мнению финского экофилософа Ирйо Сепанмаа, дикую природу во многом воспринимают ценной и прекрасной потому, что используется критерий подлинности. Когда мы знаем, что объект подлинный, то отвергаем предложения по его изменению. Подлинный объект в природном состоянии обычно всеми уважается. Подлинность означает отсутствие постороннего вмешательства, фальши. В подлинности проявляются результаты длительного естественного развития. Если же человек даже немного “улучшает” природу, то она теряет свою подлинность, а, значит, и ценность.

“Уважение того, что согласуется с дикой природой, также проявляется и в таких вещах, как неприятие нами чуждых данной местности растений; их роскошь считается преувеличенной, показной. Единственное место, где мы можем их одобрить — это четко определенные сады”, — считает Сепанмаа.

Его мысль продолжает американский экофилософ Юджин Харгроув: “Попытка манипулирования природой, даже предпри-

нятая из эстетических побуждений, неблагоприятно изменяет природу с эстетической точки зрения. В историческом аспекте, манипуляция природой (даже с целью улучшить ее) всегда рассматривается как попытка подчинения или доминирования”.

В любом случае, попытки “улучшения” дикой природы будут не естественными, природными, а привнесенными извне, основанными на моделях человеческих желаний, стремлений, интересов и удовлетворений.

Вы хотите улучшить дикую природу?

Я не думаю, что это можно сделать.

Она священна.

Ее нельзя улучшить.

Если вы вмешаетесь в нее, то все разрушите.

Если вы будете обращаться с ней как с объектом, вы потеряете ее.

(Перефразируя Лао-Цзы).

Что вернее: “сохранять” или “защищать” дикую природу?

Со времен пионеров охраны природы у нас принято говорить об “охране” дикой природы. Под этим подразумевалась “консервация”, “сохранение” участков дикой природы при помощи заповедания. При этом понималось сохранение конкретного дикого пейзажа и определенного биоразнообразия в данном времени. Ради этих целей даже в заповедниках проводились специальные биотехнические или лесотехнические мероприятия, поддерживающие состояние того или иного участка дикой природы. Сохранение подразумевает прекращение изменений. Однако природные перемены нельзя предотвратить. Дикая природа не стабильна. В экосистемах изменения также естественны, как и неизбежны. В отношении природных процессов дикой природы вернее применить слово “защита”, а не “сохранение”. Мы должны защищать от человека не только дикую природу, но и ее свободу, выражающуюся в эволюционных и экологически спонтанных процессах. Возможно, эти жизнеподдерживающие си-

стемы и являются главной ценностью дикой природы. Защищая дикую природу от человека, мы не должны ей мешать развиваться по своим собственным законам. Мы не можем сохранить дикую природу как сохраняют клубнику — собранную, сваренную и закрытую в банки. Сохранять (защищать) дикую природу — означает защищать ее автономию, независимость и свободу.

Дикая природа и заповедное дело

В настоящее время существует три основных идеологии заповедного дела.

1. Ресурсизм

Ресурсизм предполагает “рациональное использование природных ресурсов” в целях получения “наибольшего блага для наибольшего количества людей в течение наибольшего времени”. По мнению его сторонников только рынок объективно определяет достоинство и ценность участков дикой природы. Согласно ресурсизму, данная природа может быть изменена, улучшена или в какой-либо личине сведена к окружающей среде. Для сторонников ресурсизма дикая природа не священна, не имеет внутренней ценности, целей, не обладает правами. Они против принципа абсолютной заповедности. Вместе с тем, ресурсизм поощряет создание некоторых видов охраняемых природных территорий, например, охотничьих заказников с целью воспроизводства подорванных популяций охотничьих животных для их хозяйственного использования.

2. Классическое заповедание

Сторонники классического заповедания, в отличие от ресурсистов, стоят на более прогрессивных экологических позициях. Они видят природу как экосистему, где целое больше, чем сумма частей; утверждают, что природные системы являются координирующими областями в природных иерархиях. Однако все же, классическое заповедание можно приравнять к поверх-

ностной экологии, не многим более чем инструментом для поддержания человеческой цивилизации.

Несмотря на то, что сторонники классического заповедания явно расширяют свои оценочные критерии дикой природы (в сравнении с ресурсистами), они продолжают аргументировать важность охраняемых природных территорий их полезностью для людей. Например, филиал Карпатского заповедника “Долина нарциссов” должна быть сохранена, потому что будущие поколения людей будут наслаждаться ее красотой. Сторонники классического заповедания против прямого хозяйственно-губительного использования дикой природы (рубка леса, добыча полезных ископаемых, создание водохранилищ и т. д.), но не возражают против научного, эстетического, религиозного, рекреационного и иного освоения. В своей парадигматической основе классическое заповедание, по мнению американского экофилософа Макса Оелшлегера, остается сугубо антропоцентрическим, поскольку согласно этой идеологии дикая природа опять же существует для удовлетворения интересов человека, а не сама для себя.

Из наших отечественных ученых ярким поборником идеологии классического заповедания является известный российский деятель заповедного дела, доктор биологических наук Ф.Р. Штильмарк. Парадоксальный дуализм его позиции состоит в том, что, с одной стороны, всегда рьяно протестуя против хозяйственного освоения заповедников, он, тем не менее, твердо уверен, что природа заповедников должна охраняться ради ее научного использования. То есть, все равно, как средство для достижения человеческих (пусть не хозяйственных, а научных) целей. Иначе говоря, дикая природа сторонниками классического заповедания ценится потому, что она полезна для людей.

Сторонники классического заповедания не утверждают, что дикая природа имеет внутреннюю ценность, свои цели и обладает моральными правами. Большая часть из

них не считает дикую природу священной. Принципы приверженцев классического заповедания часто неуверенны и противоречивы: они поддерживают стремление к абсолютной заповедности в заповедниках, однако поощряют там отстрел животных в научных целях, тушение пожаров, возникших по природным причинам, экотуризм, студенческие практики.

По сути, позиция сторонников классического заповедания саморазрушающая, ибо согласно их взглядам, интересы дикой природы уступают интересам человека, а значит, заповедники всегда могут быть упразднены согласно изменившимся интересам людей.

Парадокс их позиции состоит также в том, что разрешая использовать дикую природу заповедников для науки, экотуризма, экопросвещения, студенческих практик и т.п., они способствуют превращению природы дикой в природу окультуренную. Ведь любое, пусть самое незначительное использование территорий дикой природы в любом случае создает угрозу для их существования.

Люди должны понять, что главная ценность дикой природы заключена в ее естественности вне нужд человека. Дикая природа тем ценнее, чем она независимее от нас.

3. Экоцентризм (этика дикой природы)

В отличие от сторонников классического заповедания, поборники новой природоохранной идеологии 21 века — экоцентризма (этики дикой природы) — видят дикую природу священной, имеющей внутреннюю ценность, обладающую моральными правами. Экоцентристы настаивают, что человеческие ценности не исчерпывают всех временных ценностей, ибо понятие ценности включает в себя гораздо больше, чем упрощенное удовлетворение человеческих интересов. Для сторонников экоцентризма защита дикой природы понимается ради нее самой. Поэтому они поддерживают создание таких охраняемых природных тер-

риторий, где дикой природе предоставляется полная свобода, без какого-либо научного, рекреационного, образовательного или религиозного освоения.

Позиции сторонников этики дикой природы, в отличие от поборников классического заповедания, не страдают дуализмом.

Существует два смысла слова “заповедание”: большинство современных усилий по заповеданию следует первому — сохранению вещей. Экоцентристы поддерживают второе значение — сохранение процесса.

Они поддерживают принцип стремления к абсолютной заповедности в заповедниках, и также выступают категорически против добычи в заповедниках животных и растений в научных целях, проведение там экотуризма, студенческих практик, различных регулировочных мероприятий, тушения пожаров, возникших по природным причинам. Экоцентристы не согласны с рыночным оцениванием ценностей дикой природы. По их мнению, само право дикой природы на существование уже достаточное обоснование для заповедания. Пусть создаются особые заповедные объекты, где внутренняя ценность дикой природы считается основной. Там должно быть запрещено любое, пусть даже косвенное использование природы: и экотуризм, и наука, и экопросвещение, и даже охрана. В радиусе не меньше 100 километров должны быть закрыты все загрязняющие производства.

В этом плане мне симпатично мнение американского философа Джека Тернера: “Почему бы не выделять обширные области дикой природы, где мы ограничиваем все формы человеческого вмешательства: никаких природоохранных стратегий, никакой спроектированной области дикой природы, никаких дорог, никаких троп, никакого спутникового наблюдения, никаких полетов на вертолетах, никаких новейших радиопередатчиков, никаких измерительных приборов, никаких фотографий, данных глобальной системы навигации, никаких баз данных, наполненных сведениями о местоположении каждой грани вершины

горы, никаких путеводителей, никаких топографических карт. Пусть любая среда обитания, которую мы можем сохранить, как можно больше вернется к своему собственному порядку. Пусть область дикой природы снова станет белым пятном на наших картах”. Я с ним согласен. На этих территориях не нужно никакого хозяйственного, религиозного, культурного, научного освоения.

В заповедниках же должны осуществляться следующие основные этические принципы заповедного дела:

1. Принцип приоритета внутренней ценности дикой природы. Все инструментальные ценности дикой природы — хозяйственная, научная, эстетическая, религиозная и др. — вторичны. Дикая природа заповедников ценится прежде всего сама по себе, а не как средство для достижения целей человека.

2. Принцип стремления к абсолютной заповедности. Любой заповедник должен стремиться к абсолютной заповедности как наиболее свободному и полноценному существованию дикой природы в современном мире, что позволяет осуществлять ей свое эволюционное предназначение.

3. Принцип благоговения перед жизнью. Любая жизнь на территории заповедника находится под охраной. Добывание видов флоры и фауны в любых целях, в том числе научных, строго запрещается.

4. Принцип увеличения добра, ничего не получая взамен. Сохранение дикой природы путем заповедания есть увеличение добра в мире. Любое вторжение в заповедник есть зло. Все решения, касающиеся заповедника, должны оцениваться с точки зрения “правильно — неправильно”, а не “выгодно — невыгодно”.

5. Принцип свободы от человеческого вмешательства. Дикой природе в заповедниках должно быть позволено все. В заповедниках все, кроме человека, имеет право на свободную жизнь и саморазвитие. Потеря свободы уменьшает, ограничивает способность природы к творчеству.

6. Принцип восстановления справед-

ливости. После нанесения вреда дикой природе в заповеднике необходимо восстановить равновесие справедливости человека с природой. Например, увеличить территорию заповедника.

7. Принцип священности заповедной территории. Участки дикой природы, охраняемые в заповедниках, являются священным пространством. Принцип священности заповедной территории требует торжественного почитания заповедника как храма. Использование дикой природы заповедника как ресурса является формой греха.

8. Принцип приоритета моральности в заповедном деле. Заповедное дело, в первую очередь, морально, а уже потом рационально.

9. Принцип ограничения науки. Наука антагонистична дикой природе своим стремлением покорить мир, подчинить его уму и воле человека. Для естествоиспытателя не существует ничего святого, ничего невозможного, чувство благоговения перед природой исчезает — она становится для него лишь объектом экспериментирования. Поэтому наука в заповедниках должна быть ограничена.

* * *

Что же касается незаповеданных участков дикой природы, то доступ туда должен быть законодательно ограничен.

Ибо ценность свободной природы во многом состоит именно в том, что природу посещает мало народа. Дороги оскверняют ее, а толпы уничтожают.

В этом плане интересен опыт США, где в 1964 г. был принят по настоящему революционный “Закон о дикой природе”. Он качественно усилил защиту свободной природы. Была создана национальная система участков дикой природы, отводимых навечно как ценные экологические территории, используемые только для ограниченного примитивного туризма.

Следует подчеркнуть, что в 1992 г. Международной союз охраны природы принял новую категорию охраняемых территорий МСОП, куда в качестве особой категории “1б” введена сравнительная новая форма

охраняемой природной территории (практикуемая в ряде стран и, в частности, в США) — “территория дикой природы” (Wilderness Area). Согласно определению — это “обширный по площади участок суши (включая акватории) с дикой или минимально измененной природой, не имеющий постоянного населения, сильно удаленный от основных зон урбанизации и освоения, сохраняемый в целях поддержания на неограниченно длительное время базовых параметров биосферы, хода естественных природных процессов и ненарушенных (натуральных) экосистем; используется для проведения научных исследований, мониторинга, жестко лимитируемой и преимущественно безмоторной рекреации; в строго ограниченных — экологически обоснованных — масштабах допускается использование ресурсов местным (аборигенным) населением”.

Главный критерий подбора таких участков — наличие дикой природы. Внутри них не должно быть проезжих дорог с твердым покрытием, сами территории — удалены от “вида и шума человеческих поселений”. Такие участки дикой природы могут быть обозначены как среди уже существующих заповедных объектов — национальных парков, резерватов, так и вне их, например, в государственных лесах.

К 2000 г. в США под систему участков дикой природы отведено около 105 млн. акров. На них полностью прекращена хозяйственная деятельность, гидростроительство. Опрос, проведенный в США в 1998 г., показал, что две трети избирателей поддерживают охрану участков дикой природы. Подобный подход позволяет довольно быстро и в масштабах всей страны взять под учет и охрану государства многие имеющиеся еще не заповеданные территории ненарушенной человеком природы. В 1973 г. подобный Закон о дикой природе принят в Канаде.

Все то, что на сегодня сохранилось от дикой природы, и это не более 10 процентов территории планеты, должно оставаться неприкосновенным и войти в вечность. К

сожалению, пока эти последние 10 процентов защищаются не столько согласием, восхищением или сознательностью человека, а географической случайностью недоступности.

Сохранению оставшихся уголков дикой природы будет способствовать контроль над численностью человеческого населения Земли, а также поощрение частников сохранять на своих землях участки дикой природы. Так, еще Джон Рескин предлагал выдавать землевладельцам премии за содержание земли в “состоянии природного изыщества”.

Повышение значимости нематериальных и внутренней ценностей очень важный момент. Что важно в заповедном деле прежде всего потому, что когда их присутствие на охраняемых территориях будет признаваться не только специалистами-естественниками, но и другими социальными группами, это увеличит шансы сохранения дикой природы. С другой стороны, мировой опыт сохранения ненарушенных природных территорий на основе прагматических подходов давно показывает свою недостаточность и неэффективность.

Заповедное дело нуждается в особой этике дикой природы. Этике, которая научит человека отказываться от навязывания своей воли заповедной природе, заставит благоговеть перед ней и ощущать как священное пространство. Этике, которая потребует уважения автономии дикой природы и способности диких видов самим опеределять ход их собственных жизней.

Как справедливо отмечает работник Башкирского заповедника А.М. Волков, “... заповедное дело в целом является деятельностью, обладающей объективно высокими моральными стандартами. Цели и мотивы заповедания — не только прагматические, но и духовные, этические и эстетические. И заповедное дело должно последовательно и системно строиться так, чтобы вся деятельность заповедной системы ... не противоречила тем духовным ценностям, ради сохранения которых она создавалась”.

Автор предлагает в Закон об особо охра-

няемых природных территориях ввести новую категорию “ООПТ особого духовного значения”. “Логика отнесения конкретной ООПТ к территориям особого духовного значения может быть такой: если в обществе обнаруживается сравнительно большая общественная группа, воспринимающая данную территорию как источник духовных ценностей, то это — достаточное основание для отнесения подобной территории к ООПТ особого духовного значения. Следует заметить, что это, скорее, дополнительный статус, который может присваиваться другим ООПТ, а не особый вид заповедного объекта,” — полагает А.М. Волков.

Автор поддерживает предложение профессора А.А. Никольского о прекращении жестоких методов исследований на ООПТ (или по крайней мере на территориях особого духовного значения).

Неизбежную гибель животных в результате деятельности человека (на дорогах, тропах, электролиниях, ЛЭП и т. п.) в заповедниках, заказниках, национальных парках следует минимизировать, изготавливая специальные переходы для животных на дорогах, сетки на лампах и т. п. Необходимо потрудиться над разработкой и внедрением таких методов учета и инвентаризации, которые исключили бы уничтожение на ООПТ животных и растений.

В частности, по мнению А.М. Волкова, следует пересмотреть отношение к сбору и уничтожению растений на территориях ООПТ при гербаризациях, укосах, спиливании модельных деревьев и т. п. Растения — тоже живые существа и имеют такое же право на жизнь, как животные и люди. И именно на ООПТ должна выполняться эта высокая этическая норма”, — справедливо подитоживает А.М. Волков.

В фантастическом романе американского писателя Клиффорда Саймака “Заповедник гоблинов” рассказывается, что на Земле будущего рядом с человеческой цивилизацией существует заповедник для странных существ — гоблинов. Они были совершенно бесполезными для людей, однако

являлись ценностью сами по себе, и поэтому охранялись в заповеднике.

...А почему, собственно говоря, благородная идея “заповедников для гоблинов” должна быть фантастикой?

Заповедание государством участков дикой природы — процесс довольно трудоемкий и длительный. По видимому, параллельно может быть начат другой процесс — добровольное ограничение на использование незаповеданных участков дикой природы. Оставаясь юридически незаповеданными, они тем не менее будут защищаться благодаря их охране, неиспользованию местным населением.

Выбор участков дикой природы

*Горе тем, кто сблизит
дом с домом, поле с полем,
пока не останется места,
кроме как на краю света!*

Пророк Исая.

Я твердо убежден, что пришло время брать под охрану не только те природные участки, на которых обитает большое количество редких видов, не только тех, что имеют значительную экологическую, эстетическую, культурную, религиозную или научную ценность, но и такие территории, на которых просто сохранилась дикая природа. То есть, наличие дикой природы является главным критерием при выборе объекта. Как я уже писал в предыдущих главах, по этому пути удачно идут американцы и канадцы, согласно национальным законам “О дикой природе” взявшие под охрану значительную часть имеющихся в своих странах участков дикой природы. Мне кажется, что подобная практика принесет быстрые и значительные успехи и в странах СНГ.

Взятие под охрану участков дикой природы по американскому образцу (согласно закону “О дикой природе”) никоим образом не должно мешать отечественной практике заповедания, то есть созданию заповедников, заказников, национальных парков и т. п. Просто, американский “путь” до-

вольно быстро, благодаря простоте своей процедуры, позволит защитить от хозяйственного использования значительное количество участков дикой природы.

Закон США “О дикой природе”, также как и созданная на его юридической базе Национальная система охраняемых областей дикой природы, утверждены конгрессом США, поэтому каждый новый участок дикой природы может быть добавлен к Национальной системе охраняемых областей дикой природы (или удален) только актом Конгресса США, что защищает систему областей дикой природы от местного административного произвола. Следует отметить, что в Национальную систему охраняемых областей дикой природы входят как уже заповеданные территории Национальных парков (Службы национальных парков), охотничьих резерватов (Службы рыбы и дичи), так и незаповеданные территории, находящиеся во владении лесной службы или Бюро менеджмента земли.

В США выбором участков дикой природы для внесения их в Национальную систему охраняемых областей дикой природы преимущественно занимается Лесная служба. Поэтому критерии, которыми она руководствуется при выборе территорий, ориентированы в основном на решение прагматической задачи — рекреационного обслуживания населения (как говорят американцы — ради получения человеком опыта дикой природы), что ожесточенно критикуется природоохранниками. Такими критериями являются: 1) природная целостность (очевидная естественность); 2) возможность побыть в одиночестве; 3) возможность примитивного рекреационного опыта; 4) пейзажная красота.

Думается, для отечественных природоохранных разработок подобная методика, в силу своего очевидного утилитаризма, за основу взята быть не может (за исключением пункта 1).

Можно предложить следующее. Как я уже писал выше, согласно Г. Эплету, дикое состояние участка природы является функцией одновременно свободы от человече-

кого контроля и естественности. Отталкиваясь от этих двух критериев, можно создать собственную отечественную методику для выбора участков дикой природы. Под “естественностью” понимается наличие естественных биоценозов. По мнению зав. отделом Института ботаники НАН Украины, к. б. н. С.Л. Мосякина, параметры “естественности” могут определяться по сумме следующих признаков:

- отсутствие инвазийных неаборигенных видов флоры и фауны;
- полноценная структура растительно-го и животного сообщества;
- соответствие биоты и ландшафта;
- ненарушенность ландшафта.

К этим признакам, характеризующим естественность флоры и фауны, нужно добавить признаки естественности воды, воздуха, земли, климата, а также то, что данная область не была искусственно восстановлена человеком до состояния, имеющего вид естественности.

Американский экофилософ Марк Вудс пишет: “Следует отметить различия между синхронной естественностью и диахронной естественностью. Первая относится к естественности, которая существует в тот момент, когда мы смотрим на территорию, последняя — к естественности, которая охватывает период времени в настоящем и будущем. Охрана дикой природы относится к понятию диахронной. ... Ориентированная на будущее естественность обходит проблемы определения дикой природы в связи с прошлым и предполагает, что естественность — это всегда какая-то степень, а не четкое разделение категории дикой природы и природы, затронутой вмешательством человека. Будущая природа имеет зависимость от культуры прошлого. Нам придется отказаться от строгого чистого определения дикой природы и признать, что дикая природа связана с будущими условиями и первопричинна с прошлым. ... Естественность диахронична и в связи с прошлым может возрождаться. Когда мы говорим о перцептуальных условиях природы, мы ссылаемся и на то, что видим сей-

час, и на то, что увидим в будущем. Таким образом, если видим сейчас некоторую степень естественности, ее потенциал в будущем, мы можем видеть дикую природу”.

Критерий “свобода от человеческого контроля” определяется отсутствием дорог, людей, постоянных жилищ цивилизованного человека, мелиоративных каналов, проток, ЛЭП, ограждений, трубопроводов, других хозяйственных сооружений, выбросов отходов, отсутствием антропогенного шума, света, запаха, больших стад сельскохозяйственных животных, а также удаленностью участков дикой природы от человеческих поселений. Следует особо подчеркнуть, что наличие дорог, прежде всего с твердым покрытием, — один из главных показателей человеческого контроля.

Согласно предложенным критериям и показателям, выбранные участки дикой природы могут иметь большую или меньшую “дикость”, в связи с чем, как полагает Э.Д. Шукуров (о чем уже было сказано выше), должны быть разбиты на три группы:

- ненарушенные нетронутые участки дикой природы;
- ненарушенные естественные участки дикой природы;
- ненарушенные со слабым использованием участки дикой природы.

Научный сотрудник Института экологии Карпат НАН Украины, д. б. н. С.М. Стойко предлагает разделить лесные участки дикой природы на три группы: абсолютно естественные, почти естественные, наполовину естественные. Их главное различие состоит в том, что в абсолютно естественных лесных участках дикой природы в составе древостоя не имеется пород, не свойственных естественным фитоценозам в данных условиях окружающей среды. В почти естественных лесных участках дикой природы таких пород может произрастать от 1 до 25%, а в наполовину естественных участках — от 26 до 50%. Можно предположить, что под абсолютно естественными лесными участками дикой природы понимаются лесные экосистемы, которые сформировались спонтанно в процессе филогенеза без ло-

кального антропогенного воздействия, представлены всеми возрастными группами и которым свойственна способность к самовосстановлению, саморегуляции и самозащите. Под почти естественными лесными участками дикой природы понимаются лесные экосистемы, в биотопах которых заметно незначительное антропогенное влияние, но без нарушения их возрастной и ценотической структур и способности к самовосстановлению, саморегуляции и самозащите. Под наполовину естественными лесными участками дикой природы понимаются лесные экосистемы, в которых антропогенный фактор мог частично повлиять на их ценотическую структуру, но при соблюдении охранного режима на протяжении недлительного времени они потенциально способны к восстановлению их естественного состояния.

Все они могут иметь свои параметры “естественности” и “свободы от человеческого контроля”, которые следует разработать. Как мне кажется, вычисленная таким образом степень “дикости” природных участков должна стать таким же важным аргументом при заповедании, как и наличие краснокнижных видов. Участки дикой природы, получившие при оценке наибольшую “дикость” (категория — ненарушенные нетронутые участки дикой природы), как наиболее ценные, должны получать дополнительную степень защиты в виде объявления их заповедниками или заказниками государственного значения.

Как полагают американцы — площадь участка дикой природы должна быть значительной — не менее 2 тысяч гектаров. Внесение нового участка дикой природы в Национальную систему охраняемых областей дикой природы означает, что он останется в ведении прежнего землепользователя, однако этому землепользователю теперь запрещается проводить там хозяйственные работы, могущие уничтожить или обесценить участок дикой природы: рубку леса, распашку, добычу полезных ископаемых, мелиорацию, строительство и т. д. В участках дикой природы (за исключением

тех, где запрещено всякое землепользование, и где дикая природа охраняется ради самой себя), возможно лишь “мягкое” пользование — рекреационное, пейзажное, религиозное, научное, образовательное, культурное, воспитательное, экологическое. То есть, разрешены: неорганизованный (экологический) туризм, охота, рыбалка, конная езда, альпинизм, скалолазание, лыжный спорт, плавание на байдарках, фотографирование, научная работа, другие не связанные с использованием техники мероприятия. Разведение домашнего скота и добыча полезных ископаемых разрешены, если эти виды пользования начались раньше, чем данная территория дикой природы получила официальный статус. Развитие водоснабжения разрешено при исключительных обстоятельствах и производится только с разрешения Президента США. Участки дикой природы не продаются и не облагаются налогом.

Следует еще раз особо подчеркнуть, что когда мы рассматриваем американскую (или канадскую) федеральную Систему дикой природы, мы должны помнить, что говорим об особой классификации федеральных земель — о землях дикой природы.

Ни для кого не секрет, что современный кадастр охраняемых природных территорий (в России), природно-заповедный фонд (в Украине) или других странах СНГ состоит в большей или меньшей степени из сильно антропогенных участков, не имеющих особой природной ценности, что создает ложные иллюзии в успехах природоохраны. Наличие же специальной Национальной системы охраняемых областей дикой природы (на манер американской), кроме многих других преимуществ, позволит знать истинное положение дел с охраной дикой природы.

Думается, что создание систем охраняемых областей дикой природы можно начинать, не дожидаясь принятия национальных законов — это можно делать на областном, краевом, республиканском уровнях.

Нужно помнить лишь одно: возможно сейчас имеется последний шанс для создания эффективной системы защиты дикой природы. В будущем такая задача станет еще более трудной как физически, так и финансово. То есть, территории дикой природы, которые мы спасем в ближайшее время, станут всем, что мы спасем...

Проблема сохранения всех оставшихся участков дикой природы особенно актуальна для таких стран СНГ, где их осталось катастрофически мало — Украина, Белоруссия, некоторые среднеазиатские и закавказские республики. Так, по данным С.М. Стойко, полного учета площади древних (старше 150 лет) лесов в Украине не имеется. Как он полагает, 60 тыс. га таких лесов сейчас заповедано, и еще около 5 тыс. га незаповеданных древних лесов имеется в высокогорной части Украинских Карпат. Что касается Полесья и других лесных частей Украины — то данных нет. В связи с чем становится ясной необходимость полной инвентаризации оставшихся участков дикой природы (лесных и других) и взятие их под охрану.

Не менее тревожное положение сложилось и с охраной древних лесов в Европейской части России. Так, по данным координатора Лесной программы Центра охраны дикой природы М. Корпачевского, в этом регионе древние (старовозрастные) леса занимают всего чуть больше 15% от площади всех лесов или немногим более 7% от всей территории Европейской части России, что составляет около 26 млн. га. Однако из них взято под охрану всего около 1%.

В заключение приведу еще такие цифры. По данным всемирно известного эколога Э. Вильсона, сейчас на Земле остается около 11% площади дикой природы, из них только 4,3% охраняется национальными парками, заповедниками и другими заповедными объектами. Что же касается родины современной идеи дикой природы — США, то там дикая природа защищена только на 3,9% территории страны.

Нужно ли изучать дикую природу? Дикая природа как вещь в себе

Как это могут люди планировать и управлять, если они не способны заглянуть даже в свой завтрашний день?

М. Булгаков,
“Мастер и Маргарита”.

Я знаю, у абсолютного большинства читателей такой вопрос не возникает. По их мнению, конечно же дикую природу нужно изучать. Однако у меня такой уверенности нет. Благодаря науке мы становимся все более высокомерными, все более уверенными в своей способности управлять дикой природой. Знание — это сила, но нужно ли нам опираться на силу в наших взаимоотношениях с дикой природой?

Как правило, наука способствует открытию новых хозяйственных ценностей в диких природных местах; она находит запасы нефти, древесины, лекарственных растений, что в конечном итоге приводит к уничтожению этих последних участков дикой природы.

Современная наука основана на беспристрастном отношении, отстранена от эмоциональной вовлеченности в священное понятие жизни. Целью науки является манипуляция и контроль Земли ради человеческих потребностей. “Это трагично, — пишет известный американский экололог Ричард Остин, — но самоограничение, уважение к другим жизням и потребностям иных видов не являются ценностями, которые культивируют наша доминирующая наука и технология”.

Наука лишает дикую природу таинственности, романтизма, лишает ее волнующей ауры священности. То, что понятно, — большинство не ценит. Познанная дикая природа — уже не дикая природа. Ее нельзя контролировать не только силой, но и разумом. Я не против исследования природы как таковой, я против изучения последних оставшихся участков дикой природы. Есть

вещи, которые человеку не нужно знать. (Исключением может являться только конкретное изучение ради ее защиты или охраны диких видов. И то в редких случаях.)

Ученые-биологи должны определить свои границы действия в областях дикой природы, так же как атомщики должны признать границы игр с атомом, а генетики — границы игр со структурой ДНК. Пора честно признать, что экосистему нельзя знать и опасно контролировать при помощи научных данных.

Интеллектуальный прогресс непредсказуем и часто неэтичен. История подтверждает, что благодаря знаниям люди стали специалистами в разрушении, а не сохранении природы. Это можно объяснить тем, что современная наука культивирует эмоциональную отчужденность от исследуемого материала. Ученые часто хвалятся тем, что их методы свободны от ценностей.

Джек Тернер пишет: “Любое знание имеет свою тень. Прогресс биологических знаний о природе одновременно продвигает вперед процесс нормализации и контроля, который вызывает эрозию дикости, той дикости, что возникает из собственного порядка природы, являющегося смыслом заповедания. В ядре современного объединения заповедания и биологической науки ... лежит противоречие”. Очень прискорбно, что сейчас биологическая наука возглавила штурм дикой природы. Биологи и экологи возмнили, что они могут заняться “ремонтом” дикой природы ради современной версии спасения — спасения биоразнообразия. Ради сохранения биоразнообразия часто нарушается ход истории участков дикой природы.

Надежды на применение научных технологий нередко заканчиваются неудачами и даже катастрофами. Часто они становятся источниками новых проблем. Более того, научные ценности порой являются противоположными ценностям дикой природы и ценностям жизни. Недаром Вордсворт писал: “Мы забываем, каким искаженным и парадоксальным является воззрение на природу, которое современная наука навязывает нашим мыслям”.

Участки дикой природы — саморегулирующиеся экосистемы. Оставьте их в покое, и они сами залечат нанесенные человеком раны. Мое более чем 20-летнее знакомство с научной деятельностью заповедников подтверждает и следующий вывод: ценность полученного в данной заповедной природе знания очень спорна и во многих случаях это знание может быть приобретено другим путем. Большинство полученных результатов даже не публикуется, что также подтверждает, что они малоценны. Более того, имеется достаточно оснований полагать, что эти знания навряд ли могут оказаться полезными для чего либо, кроме разве что карьеры ученого.

Поскольку наука все больше присоединяется к бизнесу, ученые зачастую пренебрегают принципом “не повреди” заповедной и незаповедной дикой природе в пользу прибыли и прогресса узкой отрасли.

Пусть дикая природа остается “вещью в себе”. В философии этим термином обозначают объекты и явления, существующие сами по себе, независимо от человеческой практики и человеческого познания. В учении И. Канта этот термин характеризует вещи, которые хотя и существуют вне нас и действуют на наши органы чувств, но принципиально непознаваемы нами по сущности.

Дикая природа и демократия

Экологические, эстетические, религиозные и другие аргументы являются важными для защиты дикой природы. Однако пришла пора говорить о защите дикой природы с позиций демократизма. Рамки современной демократии должны быть расширены до защиты прав и свобод негуманного мира — пока притесняемого человеком сообществом. В наше понятие людей необходимо включить остальные виды: и плавающие, и ползающие, и летающие — считает американский поэт и экофилософ, лауреат Пулитцеровской премии Гарри Снайдер. Другими словами, речь идет о включении всей дикой природы в современное демократическое общество. Снайдер

преднамеренно применяет правовой либерализм к проблеме взаимоотношений человека с природой. Он отождествляет природу с подавленным меньшинством, жизненно важные интересы которого постоянно игнорируются человеком.

Действительно, пришло время расширить великие принципы свободы, равенства и стремления к счастью на дикую природу. Дикая природа, ее виды имеют право на удовлетворение своих природных потребностей и реализацию своих природных целей. Признание прав дикой природы ставит вопрос о правильных и неправильных действиях человека без учета их последствий, то есть права не зависят от пользы. Уважая права природы, человек не получает от этого для себя пользы, а только соблюдает демократические принципы.

С позиции либерализма несколько по-иному будет выглядеть заповедное дело. Создание охраняемых территорий станет трактоваться не ради научных или рекреационных потребностей человека, а ради соблюдения права дикой природы на существование и свободу.

Дикая природа и биоразнообразие

Сохранение дикой природы важнее охраны биоразнообразия. Это можно объяснить не только тем, что уничтожение дикой природы происходит гораздо быстрее.

Когда биоразнообразие становится благом само по себе, сохранение видов может отделиться от защиты дикой природы. Так, представители американской промышленности и лесной службы предложили меры по охране редкого вида — пятнистой совы, в то же время продолжая рубить древние леса, где она обитает. Эти меры предполагали обеспечение пищи и убежищ для сов, перемещение их в другие места (зоопарки и т. д.) с генетическими целями. Однако люди должны научиться любить и уважать сов именно в древних лесах.

Если главной задачей защиты участков дикой природы принять охрану биоразнообразия, то они могут превратиться в бота-

нические сады и зоопарки. Но как справедливо считает А.С. Маргынов с авторами, большинство экосистем имеет максимальную устойчивость не при максимальном, а некоем оптимальном биоразнообразии. Случается так, что в сельскохозяйственных районах может обитать гораздо больше видов (например, птиц), чем в соседних участках дикой природы. Но в дикой природе мы ценим прежде всего “дикие” взаимоотношения, самовосстанавливающиеся экологические процессы, которые не существуют в окультуренной природе. Без поддержки человека сельскохозяйственные участки разрушаются и обитавшие там птицы улетят или погибнут. Поэтому виды флоры и фауны могут быть надежно защищены только в дикой природе.

Однако, в отличие от биоразнообразия, которое уже стало заботой биологов, дикая природа находится пока в основном во внимании поэтов и мистиков.

Моральные права дикой природы

Дикая природа имеет следующие моральные права:

- право на существование;
- право на свободу от человеческого вмешательства;
- право на процветание;
- право на осуществление своей эволюционной судьбы.

В отличие от юридических моральные права имеют нравственную поддержку. За их нарушение следует неодобрение, осуждение со стороны различных лиц или общества в целом. Кроме внешнего контроля со стороны общества, действует контроль изнутри личности, именуемый совестью.

Моральные права дикой природы — понятие новое, к которому человеку еще нужно привыкнуть, взяв на вооружение как в стратегии, так и в практике природоохраны.

Морально-религиозные принципы охраны дикой природы

Имеется достаточно утилитарных мотиваций, объясняющих необходимость охра-

ны дикой природы с хозяйственных, здравоохранительных, рекреационных, патристических, экологических, научных, воспитательных, духовных и других позиций. Однако только прагматические мотивы не в силах защитить дикую природу. Необходимо активнее использовать этические и религиозные природозащитные доводы.

1. Охрана дикой природы — действие, хорошее само по себе, и является актом благотворения.

Необходимо осознать, что губить дикую природу нельзя не потому, что это выгодно или невыгодно для человека, а потому, что такой поступок плох сам по себе, как воровство, как предательство.

2. Дикая природа обладает внутренней ценностью, интересами и не нуждается в оправдании со стороны.

Дикая природа ценна сама по себе, имеет свою цель и поэтому должна охраняться ради себя самой.

3. Дикая природа — попираемое меньшинство.

Как любое попираемое меньшинство дикая природа заслуживает защиты.

4. Дикая природа есть Совершенно Иное.

Любое Совершенно Иное, в том числе и дикая природа, требует, чтобы к нему относились терпимо, ценили и защищали именно потому, что оно — Совершенно Иное.

5. Дикая природа является священным пространством.

Священное пространство — то, над чем грех плумиться и что грех разрушать.

6. Дикая природа создана Богом.

Когда человек губит творение Бога — дикую природу, то этим он оскорбляет ее Творца.

7. Защита природы есть выражение нашей любви к ней.

Любовь к дикой природе является важным стимулом и аргументом ее защиты.

8. Защита природы есть выражение нашего уважения к ней.

Наше уважение к дикой природе основывается на видении в ней товарища, спутника или оценке ее неповторимости.

9. Защита природы есть выражение нашей эмпатии, великодушия и доброты к ней.

Инстинктивное участие человека в боли и страдании животных и растений может быть сильной мотивацией природоохраны.

10. Защита природы есть выражение нашей благодарности ей.

Человек должен быть благодарен дикой природе как своей матери.

11. Защита дикой природы есть защита независимого государства.

Дикая природа — особое независимое государство иной цивилизации, существующее автономно, по собственным законам, самостоятельно. Согласно демократическим принципам, никто не имеет права покушаться на независимость другого государства.

12. Всякая жизнь — священна.

Если что-то священо, то значит обладает ценностью помимо своей полезности и иных факторов. Оно ценно само по себе и ради самого себя. То, что является святым, нельзя обесценить.

13. Защита дикой природы — наш долг и обязанность.

Мы обязаны защищать природу не потому, что это принесет пользу нам или кому-то, а потому что мы обязаны выполнить наш долг перед ней.

14. Человеку должно быть стыдно за уничтожение дикой природы.

За уничтожение участков дикой природы люди должны испытывать чувство стыда.

15. Неприятно извлекать выгоду из страданий других существ.

Приносить боль и страдания, тем более извлекать из этого выгоду — непристойно.

16. Защита дикой природы важна с точки зрения справедливости и является искуплением греха.

Из чувства справедливости, после того, что человек сделал с дикой природой, он обязан принимать меры по ее защите.

17. Защита дикой природы есть защита абсолютной красоты или добра.

Красоту в дикой природе можно рас-

смагивать как присущее добро (вне зависимости от пользы для человека), которое мы обязаны защищать.

18. Защита дикой природы есть выражение нашего восхищения, почитания и благоговения перед ней.

Благоговение — страх, смешанный с почтением, почтительное уважение может являться сильной природоохранной мотивацией.

Восстановление дикой природы

Если сохранение дикой природы признается как благо, то одичание окультуренной природы также есть доброе дело. Конечно, природа дичающая еще не может по красоте и силе нравственного притяжения сравняться с природой дикой. Но она уже близка к этому. Однако здесь есть несколько “но”.

Человеческие технологии в ближайшем будущем позволят создавать практически неотличимые от подлинника копии “дикой природы”. Так, древний лес может быть заменен пластиковыми деревьями или искусственно насаженными. Однако, несмотря на внешнюю схожесть и, возможно, идентичный состав видов, такие копии все же останутся подделками, и никогда не смогут сравняться в ценности с настоящими участками дикой природы.

Во-первых, происхождение дикой природы является само по себе важным как неотъемлемая часть процесса оценки. Во-вторых, у подделанной “дикой природы” нет той истории, что у оригинала. Искусственные посадки в поле ковыля никогда не вернут из небытия дикую ковыльную степь, помнящую скифов и печенегов.

Ценность участка свободной природы заключается в его естественности, подлинности, также, как подлинная картина мастера отличается от подделки. Подлинность означает отсутствие фальши в объекте. В подлинности проявляются результаты длительного естественного развития. Мы ценим природную территорию по причине ее особого типа преемственности с прошлым. Когда мы восхищаемся дикой природой, мы

также восхищаемся ее историей. Как писал Олдо Леопольд, дикую природу нельзя вырастить, как строевой лес, поскольку она нечто большее, чем просто деревья.

Пойдя же по пути искусственного создания участков “дикой природы”, мы тем самым ставим под угрозу уничтожения все оставшиеся по-настоящему уголки дикой природы. Так как даем нашим оппонентам-хозяйственникам мощный аргумент: если дикую природу можно быстро воссоздать искусственным путем, то зачем вообще ее защищать?

Экофилософ Эрик Кац пишет: “Технологическое “улучшение”, “исправление” поврежденной и деградировавшей природы это иллюзия и фальшь; я всегда называл это “большой ложью”. Как и всегда с технологией, продукт — результат восстановления природы, есть созданный человеком артефакт, а не конечный результат исторически основанных природных процессов. Конечно же, артефакты могут иметь позитивную или негативную ценность. Однако ценность искусственно восстановленной природной среды весьма проблематична именно по причине того, что она, подделка, пытается сравняться с оригиналом. Таким образом, обе формы технологического вмешательства в природный мир ведут к одному и тому же результату: установлению искусственного мира, а не восстановлению природного”.

Другое дело — естественное, длительное во времени и без участия человека одичание участков окультуренной природы. Способствовать “одичанию” природы, по мнению американского эколога Р. Носса, могут следующие меры:

- закрытие дорог и обновление на их месте растительности;
- перемещение ограждений и других человеческих структур;
- искоренение экзотических видов, включая домашний скот;
- возобновление популяций истребленных местных видов флоры и фауны, включая больших хищников;
- восстановление гидрологического режима и почвы.

Думается, что это направление природоохраны будет особенно перспективным в странах Западной Европы, где практически не осталось участков дикой природы.

Цена дикой природы

Часто приходится встречаться с предложением некоторых природоохранников и экономистов подсчитать экономическую стоимость заповедника, заказника, иного участка дикой природы. Предпринимаются попытки измерения стоимости рекреационной, эстетической, интеллектуальной и духовной “полезности” дикой природы, не говоря уже о ее утилитарно-хозяйственной ценности. Экономисты пытаются в денежном выражении выразить “стоимость существования” дикой природы, и даже “стоимость наследия” дикой природы, то есть подсчитать сумму, которую согласны заплатить люди, чтобы обеспечить возможность будущим поколениям любоваться дикой природой. Однако все эти попытки свести экологическую тему к предпочтениям потребителей и вопросу “Сколько вы готовы заплатить за дикую природу?” утопичны и объясняются незрелостью нашего морального осмысления дикой природы.

Экономическая направленность сознания приносит большой ущерб в этическом плане, вульгаризирует идеальные, неэкономические ценности дикой природы. Еще Олдо Леопольд ставил под сомнение экономический метод оценки дикой природы. Как, например, быть с видами, рыночная стоимость которых ничтожно мала? С другой стороны, существуют случаи, когда продажа за деньги вообще невозможна: большинство из нас отказалось бы продать своих близких за любую цену. Да и вообще, как можно оценить бесценное или то, о чем вы не знаете, существует ли оно? Современные экономисты напоминают больше жонглеров, которые пытаются удержать в воздухе множество мячей, ни разу не прикоснувшись к реальности.

Дикая природа — не рассадник дичи для охотников и не лаборатория для ученых. Ценности восприятия дикой природы

лежат в ее нетрадиционности, поэтому ее “цена” не может быть определена банальным значением рыночной полезности. Как сказал Ибн Сина: “Мирские блага могут повредить более возвышенному благу”. Распространение рыночных ценностей на все среды природоохраны представляет огромную угрозу. Еще Ницше писал: “Где начинается базар, начинается и шум великих комедиантов, и жужжание ядовитых мух”. Рынок вообще малосимпатичная вещь, когда он выходит из определенных границ. Необходимо открыто признать ограниченность экономической оценки дикой природы.

Джек Тернер уверен: “Для меня эта новая “этика” охраны природы [основанная на экономике. — В.Б.] отдает цинизмом — как будто не сумев убедить и уговорить свою любимую, вы внезапно переключаетесь на наличные. Новые экономические сторонники охраны природы думают, что они являются рациональными; я думаю, они относятся к Матери-Природе, как к публичному дому. (...) Я верю, что классическая экономическая теория и все теории, которые она предполагает, разрушают волшебное кольцо жизни”.

Вместо того, чтобы рассматривать современную экономику как проблему, некоторые природоохранники, к сожалению, рассматривают ее как решение.

Экофилософы различают два основных вида ценностей дикой природы: инструментальные (утилитарные) и внутренние (присущие). Инструментальная ценность — это ценность, которой природа обладает как средство достижения целей человека. Внутренняя ценность — это ценность, которой обладает природа как самоцель, ради себя самой.

Инструментальные ценности могут быть разделены на три базовые категории: вещи — услуги — информация. Инструментальными являются такие ценности дикой природы — эстетическая, религиозная, научная, хозяйственная, рекреационная, духовная, культурная, образовательная, этическая и др. В той или иной степени экономисты могут попытаться подсчитать рыночную стоимость некоторых из них.

Однако все их попытки окажутся тщетными при оценке другого вида ценностей — ценности внутренней. Эта ценность не имеет цены — она имеет достоинство.

Как полагает американский экофилософ Бэрд Кэлликот, один из главных мотивов для утверждения того, что дикая природа имеет внутреннюю ценность состоит в том, чтобы исключить ее из экономической оценки и таким образом вывести за пределы капризов рынка.

Так, люди попытались убрать с рынка человеческое существо, поставив вне закона рабовладение, попытались убрать секс с рынка, запретив проституцию.

Почему бы не убрать с рынка внутренне ценную дикую природу, поставив вне закона разрушительные для природы виды человеческой деятельности?

Пути популяризации современной идеи дикой природы

Современное природоохранное движение в России, Украине и других странах СНГ не очень обеспокоено проблемой охраны дикой природы. Так, по данным А.В. Яблокова, из полсотни партий и движений, участвовали в выборах в Госдуму России в 1999 г., только 5 в своих программах подняли вопрос развития охраняемых природных территорий (среди них 2 экологических объединения), по одному — охрану российского национального ландшафта, проблему сохранения первичных лесов, поддержку движения защиты животных, 6 — охрану биоразнообразия (среди них одно экологическое объединение). Проблему защиты дикой природы в целом не затронул никто. Глубокое фокусирование на дикой природе сейчас преобладает только в Северной Америке, Скандинавии, Австралии.

В Европе, как и в странах СНГ, экологическое движение обычно более связано с антиядерным движением и сосредотачивается на вопросах выживания человека, качества городской и сельской окружающей среды.

Как правило, все важные идеи проходят 3 стадии: осмеяние, обсуждение, приня-

тие. Конечно, наше общество, пораженное материализмом и антропоцентризмом, еще не подготовлено к активному восприятию идеи дикой природы. Особенно станут сопротивляться некоторые формальные лидеры природоохраны — эстетически и этически беспомощные грубые реалисты. Но начинать с чего-то надо, ибо продвижение идеи дикой природы на просторах бывшего СССР может значительно улучшить решение природоохранных проблем. Возможно, интерес к сохранению дикой природы будет стимулироваться у нас реакцией людей на утрату общественных идеалов гармонического мира, на поиски “утраченного рая”.

Необходимо рассмотреть образы и метафоры дикой природы в мировых культурах, философиях и религиях с особым вниманием на то, какие образы (или их отсутствие) оказывают воздействие на формирование общественного восприятия дикой природы, и как они могут быть эффективно использованы для природоохранных мотиваций общественности.

Нужно вырабатывать при помощи религии и культуры: поэзии, живописи, драмы и ритуала, — восприятие дикой природы как чудесной реальности и священного пространства. Так, в Финляндии действует группа “Люди искусства в защиту древних лесов”, в США — организация “Религиозные кампании в защиту лесов”.

Следует привлекать внимание к идее дикой природы в пределах самой биологии, где еще сильны антропоцентрические воззрения. Требуется исследовать и использовать роль святых природных мест в развитии идеи дикой природы, изучить, как функционируют такие святые места в коренных обществах, каким образом они защищают дикую природу. Необходимо усилить роль национальных и международных экологических организаций в популяризации идеи дикой природы, пропаганде культа дикой природы.

Идею дикой природы могут активно поддержать организации, защищающие отдельные формы дикой природы: древние (старовозрастные) леса, пустыни, степи, горные области, пещеры, морские участки

(“Сеть спасения тайги”, лиги защиты степей, пустынь, различные горные клубы и т. п.).

Для того, чтобы идея дикой природы была понятна и поддерживалась населением, его нужно обучать ценностям дикой природы. Целью чего должно быть не внушение, а объяснение. Усвоение ценностей дикой природы будет способствовать принятию людьми экологически верных решений по отношению к участкам дикой природы.

Создание культа дикой природы может заключать в себе формирование моды на защиту флоры и фауны, осознание населением священности участков дикой природы, рекламу “живых символов” страны и ее регионов, пропаганду соответствующих стереотипов реального поведения.

Человечество должно вновь открыть для себя мифологическое, сказочное, поэтическое измерение дикой природы, а также научиться уважать ее независимость, свободу и автономию. Нужно стремиться к тому, чтобы восприятие, понимание людьми дикой природы, ее ценностей постоянно расширялось, необходимо распространить понятие демократии на дикую природу. Что, в свою очередь, будет вызывать адекватные природозащитные мотивации, способствовать развитию заповедного дела и охраны дикой жизни.

Этика дикой природы

Охранять первобытную дикую природу ради нее самой.

Г.А. Кожевников.

Американец Олдо Леопольд ввел понятие экологической этики земли. Эта этика направлена на мягкое, экологически здоровое природопользование, в том числе дикой природой. Она опирается на разум и экологические законы и ее не беспокоят страдания отдельных существ.

В противоположность ей этика благоговения перед жизнью, разработанная Альбертом Швейцером, опирается на сентиментальные, гуманистические, религиозные, иррациональные чувства, заставляющие человека почитать жизнь. Эта этика

практически не касается дикой природы, видов и экосистем, а акцентирует внимание на индивидуумах.

Поэтому обе эти этические системы не могут быть взяты за основу в разработке философии, идеологии и стратегии действий в защиту дикой природы.

Должна быть разработана особая, новая этика, которую Линда Грэбер окрестила как этика дикой природы. Этика дикой природы обязывает отказаться от навязывания своей воли дикой природе, учит благоговеть перед ней и ощущать как святое пространство. Она требует уважения автономии дикой природы и способности диких видов самим определять ход их собственных жизней. Согласно этой этики все, что делается для защиты дикой природы — благо. Срубить дерево, уничтожить вид, погубить участок дикой природы является по своей сути неправильным.

Основными принципами этики дикой природы являются следующие:

- почитай дикую природу как святое пространство;
- почитай любую жизнь как священную;
- уважай свободу, автономию, независимость, моральные права дикой природы и ее видов;
- заповедай как можно больше участков дикой природы;
- не причиняй вреда дикой природе, ибо это грех;
- люби и цени живые существа и участки дикой природы ради них самих;
- существование дикой природы и ее видов хорошо само по себе;
- неиспользование дикой природы — благо;
- дикая природа должна осуществлять свое эволюционное предназначение.

Этика дикой природы задействует не только законы экологии или сентиментальные чувства. Она опирается на принципы либерализма, а также религиозна по своей сути. В поле ее зрения находятся не только экосистемы и виды, но и отдельные особи дикой флоры и фауны.

Таким образом, этика дикой природы —

это радикальное направление экологической этики, ориентированное на уважение свободы, других моральных прав дикой природы и почитание дикой природы как священного пространства. Ее цель — максимальное неиспользование дикой природы, а также заповедание как можно большей площади дикой природы.

Будущее дикой природы

Нет больше новых целинных земель, мы должны их возродить здесь.

Группа “Иглз”, 1976 г.

Американский экоиисторик Родерик Нэш прав: в будущем участки дикой природы не будут больше существовать как нынче по воле случая или по недосмотру. Дикие земли останутся дикими только в результате обдуманного решения. Времена, когда отдельные территории дикой природы были никому не нужны, канут в прошлое.

Сразу хочется оговориться, что под “дикими землями” я не подразумеваю опустошенные и отравленные человеком территории, типа радиоактивной чернобыльской зоны. Хотя человек ушел оттуда, и природа там предоставлена сама себе, эти участки не являются по-настоящему участками дикой природы. Настоящая “дикость”, как и естественность, там уничтожена радиацией.

Для того, чтобы в будущем дикая природа существовала, необходимо несколько важных условий: соответствующая идеология, философия и ценности; ограничение численности людей на Земле; уменьшение разбросанности фермерских хозяйств и концентрация их в небольшие города и т. п.

Будущее устройство Земли мне видится следующим: вся ее территория разделена на три категории. В первой природа полностью подвержена контролю человека: это города, техногенные зоны, автодороги и т. п. Ко второй категории можно отнести те участки, где природа не полностью контролируется человеком — это сельскохозяйственные местности, саженные леса и т. п. К третьей относятся участки дикой при-

роды. Причем ее, в свою очередь, можно разделить на две части: 1) места, где дикая природа полностью предоставлена самой себе без какого-либо пользования человеком (своеобразные сверхзаповедники); 2) места, где осуществляется мягкое пользование человеком — научные исследования, экотуризм (научные заповедники, национальные парки, заказники, другие территории дикой природы по примеру США и Канады).

Все участки дикой природы должны быть учтены и защищены законодательством. Часть из них может охраняться как абсолютные сверхзаповедники, научные заповедники, входящие в национальные парки. Другая часть, входящая в рекреационные зоны или гослесфонд, может охраняться Законом о дикой природе (как в США и Канаде). Пеший туризм там допускается, но в будущем должен строго лицензироваться согласно правилу “никому не позволено находиться среди дикой природы до тех пор, пока он не докажет, что экологически подготовлен”. Это может вызвать возражения со стороны некоторых защитников прав человека. Однако, если мы допускаем существование экосистем в их дикой природной красоте как их право, то мы должны ограничить некоторые из своих прав.

Но если в будущем влияние природоохранников станет ослабевать, и идеология и ценности изменятся не в лучшую сторону, то все участки дикой природы могут исчезнуть. И это очень реальная перспектива. Воссоздать же участки дикой природы человечество не сможет никогда.

Отдельный и уже вполне реальный вопрос — защита дикой природы космоса. Для начала хотя бы поверхности Луны, Венеры, космического пространства. Вряд ли правильно превращать их в космические свалки.

Послесловие

Я не сомневаюсь, что многое из предложенного выше большинству читателей покажется странным и неприемлемым. Не ожидаю иную оценку, ибо моя позиция находится в остром противоречии с офици-

альной прагматической точкой зрения на заповедное дело, на всю охрану дикой природы. И это нормально, ибо ничто новое никогда не поддерживается сразу официальным мнением.

История учит: мы, природоохранники, никогда не станем большинством (во все времена защитников всегда было меньше, чем грабителей), но вот стать влиятельным меньшинством в наших силах. Для этого нам потребуется наступательная философия и идеология.

Близорукая политика, бестолковые действия, основанные на негодной научно-экономической природоохранной философии и идеологии середины прошлого века, уже привели российских природоохранников к жестокому поражению — закрытию летом 2000 г. Госкомэкологии и Госкомлеса. В Украине подобное планировалось на полгода раньше — и лишь чудом не произошло. И на этом пришедшее к власти “цинично-рыночное” большинство не остановится: следующим шагом может стать вырубка всех лесов, выкачка всей нефти, закрытие наших заповедников (тем более, что в советской истории их уже два раза успешно прикрывали). Даже многие директора заповедников и те сейчас стараются побольше урвать от дикой природы.

Так называемые “рыночные отношения”, которые сделали современной религией и панацеей от всех бед, на самом деле не всемогущи. Охрана дикой природы и заповедное дело лежат вне их. “Не хлебом единым жив человек”. Невозможно подсчитать экономическую выгоду от армии, учебных заведений, домов престарелых, библиотек, культуры, здравоохранения.

Не менее опасной является опора в природоохранной философии и идеологии на науку. Наука почти всегда эгоистична и цинична. Она приветствует факт, а не ценность. Создание атомной бомбы навсегда обесславило науку.

Я твердо уверен: лишь ориентация в философии и идеологии охраны дикой природы на либеральные, морально-религиозные идеалы даст природоохранникам мощную поддержку в обществе.

Люди всегда стремятся к чему-то чистому и светлому. Никто уже не пойдет за лозунгами типа “устойчивое развитие”, “экологический мониторинг”, “охранять не от народа, а для народа” — все это давно пропахло нафталином.

Люди не могут не поддержать альтруистические идеи защиты дикой природы как Совершенно Иного, как попираемого меньшинства, как священного пространства, как нечто, имеющее свою цель и моральные права, и станут защищать дикую природу ради нее самой. В конце-концов человечество должно осознать, что охранять дикую природу хорошо само по себе.

Такая идеология, выгодно отличающаяся от полубандитской идеологии “рыночных отношений”, привлечет к нам лучших людей, не даст природоохранникам раствориться в толпе, заставит ценить и уважать наши идеи и действия.

Можно привести в пример древних христиан, идеология которых опиралась на светлые, высокие идеалы и поэтому победила жадную и распутную Римскую империю.

Конечно, некоторые положения современной идеи дикой природы не сразу дойдут до масс, массы надо учить. Для чего и существует система экопросвещения.

Другое дело, когда решается какая-нибудь частная природоохранная проблема, например, согласование границ будущего заказника. Тогда, возможно, в диалоге с местными “бронелбами” вернее применять аргументацию в виде ящика водки или звонка из столицы. Но это уже не стратегия, а тактика. Которую мы сейчас не обсуждаем.

Я верю, что современная идея дикой природы, основанная на уважении внутренней ценности природы, будет поддержана значительным количеством населения. В пользу этого говорят результаты опроса населения Украины в 2000 г., о котором уже говорилось выше. Внутренняя ценность дикой природы заняла в рейтинге 4 место из 12, а внутренняя ценность диких птиц — 2 место из 8.

ОХРАНА ПРАЛЕСОВ — РЕЛИКВИИ ДИКОЙ ПРИРОДЫ

С.М. Стойко

*Институт экологии Карпат НАН Украины,
доктор биологических наук*

Пралес — это летопись природы и ее живой музей, в котором сохраняется тысячелетний экологический опыт формирования гармонических, ценотично стабильных экосистем, способных к самовосстановлению, саморегуляции, самозащите.

Вступление

В последние десятилетия человечество все отчетливее стало осознавать глобальную опасность нарушения организованности биосферы вследствие возрастающего техногенного влияния на все ее взаимосвязанные блоки — геосферу, гидросферу, педосферу, атмосферу, органический мир (витасферу), социосферу. Жизнь потребовала формирования качественно новых природоохранительных идей: переход от пассивной к активной охране природы; решение природоохранительных вопросов в глобальном масштабе с целью оптимизации жизненной среды; привлечение к охране природы не только экологической и экономической теории, но и экологической этики и моральной ответственности перед будущими поколениями за состояние жизненной среды. Формируется качественно новая гуманистическая парадигма охраны природы, которая базируется на новых экофилософских идеях. Этому посвящено эссе В.Е. Борейко “Современная идея дикой природы”, которое мы сейчас обсуждаем.

В сохранении в разных формах дикой природы (wilderness) значительные достижения имеются на американском континенте, природа которого ста-

ла интенсивно осваиваться намного позднее, чем в Европе. В США в 1964 г. был принят специальный “Закон о дикой природе”, в систему участков дикой природы было отведено 40 млн. гектаров. Опыт США представляет интерес и для ряда европейских стран, в частности, находящихся в северных широтах, где природные ландшафты сохранились на значительных пространствах.

Проблема охраны дикой природы актуальна также для Украины, хотя такие уголья сохранились на незначительной площади в высокогорьях Карпат и частично в Полесье и в других регионах. Чтобы сохранить дикую природу в изначальном состоянии, необходимо охранять все имеющиеся там экосистемы — лесные, луговые, болотные, торфяные, речные, озерные, скальные. В лесной зоне Украины особого внимания заслуживают пралесные экосистемы, сохранившиеся на очень ограниченной площади. Это “золотой экологический фонд” дикой природы. Его охране посвящена данная статья.

1. Критерии определения пралесных экосистем

Так же, как зарубежные ученые, русские и украинские классики-нату-

Таблица 1

Критерии определения состояния натуральности лесных экосистем

Название критериев	Категория природного состояния экосистемы		
	пралес	квази-пралес	природный лес
1. Соответствие состава природной дендрофлоры определенным условиям среды	абсолютная	абсолютная	абсолютная
2. Разновозрастность дендрофлоры (за исключением фитоценозов, возникших после природных катастроф (ветровалы, пожары и др.)	отчетливая	отчетливая	отчетливая
3. Многоярусная возрастная структура древостоя	не изменена	не изменена	не изменена
4. Природное состояние педосферы, травяного и мохового покрова	не нарушенный	локально нарушенный	локально нарушенный
5. Природная структура и морфология подстилки	не нарушена	локально нарушена	локально нарушена
6. Природное отмирание и деструкция деревьев	нормальное	нормальное	нормальное
7. Соответствие фауны позвоночных природным условиям	действительная	действительная	возможны интродуценты
8. Случайное появление аллохтонных древесных пород	отсутствует	отсутствует	возможны отдельные особи
9. Случайное появление синантропных популяций в травяном покрове	отсутствует	отсутствует	возможны отдельные популяции
10. Потенциальная возможность восстановления природного состояния (в годах)	–	30-40	40-60

ралисты — В.В. Докучаев, Г.Ф. Морозов, В.Н. Сукачев, Г.Н. Высоцкий, П.С. Погребняк, И.Г. Пидопличко уделяли надлежащее внимание охране и изучению в разных природно-географических зонах натуральных ландшафтов — степных, лесостепных, лесных, как реликвий нетронутой природы. Однако техногенное влияние оказалось сильнее стремления ученых сохранить природные ландшафты.

В Украине зона широколиственных лесов занимает лишь 22,4% территорий, природные леса в этой зоне сохранились только локально в отдаленных местах Полесья, частично Крыма, в Карпатах.

Придавая особенное научное значение остаткам природных лесов в Закарпатье, чешский ботаник А. Златник

(Zlatnik et al., 1938) еще до войны провел фундаментальные экологические исследования в буковых и пихтовых пралесах. Известный словацкий лесовод Ш. Корпель (Korpel, 1989) недавно опубликовал специальную монографию о пралесах Словакии. В последние годы проблема пралесов привлекла внимание и украинских ученых (Стойко и др., 1982; Парпан, 1994; Чернявский, 1997; Stojko, 1998 и др.).

В зависимости от состояния натуральности лесных фитоценозов, выделяются пралесы, квази-пралесы (условные пралесы), природные леса. В лесной литературе имеются близкие по смыслу их определения. Под пралесами следует понимать лесные экосистемы, сформировавшиеся спонтанно в процессе филоценогенеза без локаль-

Таблица 2

Заповедные объекты и природные лесные экосистемы на их территории

Заповедный объект	Площадь, га	Область	Природные лесные экосистемы
Карпатский биосферный резерват		Закарпатская	
Угольско-Широколужанский массив	10200	-"-	<i>Quercetum petraeae</i> (relictum), <i>Tilietum platyphyllos</i> (relictum), <i>Carpineto-Fagetum</i> , <i>Fagetum sylvestris</i> , <i>Abieto-Fagetum</i> , <i>Piceetum abietis</i> (relictum), <i>Juniperetum sabiniae</i> (relictum)
Черногорский массив	5000	-"-	<i>Fagetum sylvestris</i> , <i>Acereto-Fagetum</i> , <i>Aceretum platanoides</i> , <i>Piceeto-Abieto-Fagetum</i> , <i>Fageto-Abieto-Piceetum</i> , <i>Piceetum abietis</i>
Мармарошский массив	4000	-"-	<i>Fagetum sylvatici taxosum</i> (relictum), <i>Piceeto-Abieto-Fagetum</i> , <i>Fageto-Abieto-Piceetum</i> , <i>Piceetum abietis</i>
Массив "Юлиевские горы"	176	-"-	<i>Tilietum argenteae staphyleosum</i> (relictum) <i>Fagetum sylvestris</i> , <i>Acereto-Fagetum</i> ,
Биосферный резерват "Восточные Карпаты", Ужанский национальный парк	39159	-"-	<i>Abieto-Fagetum</i> , <i>Sorbeto-Fagetum humilis</i> , <i>Acereto-Fagetum humilis</i> <i>Piceeto-Abieto-Fagetum</i> ,
Национальный природный парк "Синевир"	40400	-"-	<i>Fageto-Abieto-Piceetum</i> , <i>Piceetum abietis</i> , <i>Piceetum abietis leucobryosum</i>
Лесной заказник "Кедрин"	166	-"-	<i>Lariceto polonici-Cembretum-Piceetum</i> (relictum), <i>Piceetum abietis</i>
Карпатский национальный природный парк	50303	Ив.-Франковская	<i>Piceeto-Abieto-Fagetum</i> , <i>Fageto-Abieto-Piceetum</i> , <i>Piceetum abietis</i> , <i>Pinetum sylvestris</i> (relictum), <i>Cembretum-Piceetum</i> (relictum)
Княждворский тисовый заказник	208	-"-	<i>Fagetum taxosum</i>
Природный заповедник "Горганы"	5344	-"-	<i>Fageto-Abieto-Piceetum</i> , <i>Piceetum abietis</i> , <i>Piceeto-Cembretum</i> (relictum)
Лесной заказник "Манява-Скит"	2	-"-	<i>Laricetum polonicae</i> (relictum)

Окончание таблицы 2

Лесной заказник “Горган”	512	-”-	<i>Piceetum abietis,</i> <i>Cembreto-Piceetum,</i> <i>Piceeto-Cembretum</i>
Лесной заказник “Яйцо”	270	-”-	<i>Piceetum abietis,</i> <i>Cembreto-Piceetum,</i> <i>Piceeto-Cembretum</i>
Выжницкий национальный природный парк	7928	Черновицкая	<i>Fagetum sylvestris,</i> <i>Acereto-Fagetum,</i> <i>Abieto-Fagetum</i>
Национальный природный парк “Сколевские Бескиды”	35684	Львовская	<i>Acereto-Fagetum,</i> <i>Abieto-Fagetum,</i> <i>Fagetum sylvestris</i>
Шацкий национальный природн. парк	32500	Волынская	<i>Pinetum sylvestris</i>

ного антропогенного влияния, представленные всеми возрастными группами с присущей им способностью к самовосстановлению, саморегуляции, самозащите.

Квази-праlesы (условные пралесы) — это лесные экосистемы, в природной среде (биотопах) которых заметно незначительное антропогенное влияние, но без нарушения их возрастной и ценотической структуры и способности к самовосстановлению, саморегуляции, самозащите.

Природные леса — это экосистемы, в которых антропогенный фактор мог частично оказать воздействие на их ценотическую структуру, однако при соблюдении даже кратковременного охранного режима, они потенциально способны к восстановлению природного состояния.

Полного учета старых лесов природного происхождения в Украине нет. На основании исследований пралесных экосистем мы установили критерии экологического и ценотического характера определения состояния их натуральности (табл. 1). По этим критериям проведено выявление пралесов в территориально наибольших заповедных объектах Карпат и Западного Полесья (табл. 2). По предварительным данным, площадь природных лесов возрастом свыше 150 лет составляет около

60 000 га, в т. ч. около 30 000 га занимают пралесные и квази-праlesные экосистемы. Кроме заповедных объектов, они сохранились также на участках дикой природы в зоне приполонинных лесов Карпат и в труднодоступных заболоченных локалитетах на Полесье. Необходимо провести инвентаризацию пралесов, их изучение и обеспечить охрану как ценных реликвий дикой природы.

2. Многогранное значение пралесных экосистем

Экомодельное значение. В результате многовекового антропогенного влияния на лесные формации, в большинстве стран мира они подверглись существенным количественным и качественным изменениям, что отразилось не только на их экологической стабильности, но и на стабильности окружающей среды.

В Украине выборочные рубки в лесах были причиной обеднения их дендрологического состава. Вследствие пасторального влияния часто возникали кустарниковые насаждения, а в высокогорье Карпат на сотни метров снизилась естественная граница лесов. Под влиянием монокультурного направления в лесном хозяйстве, на месте смешанных и лиственных лесов часто со-

Таблица 3

Степени натуральности лесных фитоценозов

Характер натуральности фитоценоза	Участие в составе древостоя пород, несвойственных природным фитоценозам в данных условиях среды (%)	Степень натуральности
Абсолютно натуральный	0	I
Почти натуральный	1 – 25	II
Полу-натуральный	26 – 50	III
Частично искусственный	51 – 75	IV
Почти искусственный	76 – 99	V
Полностью искусственный	100	VI

здавались биологически нестабильные монокультуры хвойных. В ряде случаев имела место интродукция малоценных экзотов, таких как ясень американский, клен американский и др. В результате лесные массивы на значительной территории утратили первичную натуральную структуру, что повлияло на их экологически уравновешенное состояние.

Общепринятым является утверждение, что природные леса, видовой состав которых соответствует их биотопам, экологически стабильнее, чем культурфитоценозы с измененным видовым составом дендрофлоры. Поэтому натуральность лесов должна быть экологической основой ведения лесного хозяйства.

К сожалению, в лесоводстве нет четко выраженных критериев степени натуральности лесов. Под этим понятием следует понимать такое состояние и видовой состав фитоценозов, который сформировался спонтанно на протяжении филоценогенеза и который наилучшим образом отвечает данным условиям природной среды.

В зависимости от участия в составе фитоценозов лесообразующих пород, несвойственных природным фитоценозам в соответствующих условиях среды, условно можно выделить 6 степеней натуральности лесов: **абсолютно**

натуральные, почти натуральные, полу-натуральные, частично искусственные, почти искусственные, полностью искусственные фитоценозы (табл. 3). Сравнительные исследования показали полную зависимость между степенью натуральности лесов и их экологической стабильностью.

Сейчас главное задание в лесном хозяйстве заключается в обеспечении устойчивого развития лесов. Экологической основой устойчивого развития должно быть формирование лесных фитоценозов, близких по ценотической структуре к природным, экологически стабильным. Пралесные экосистемы являются наилучшими природными экомоделями для выращивания таких лесов.

В ходе продолжительного филоценогенеза в них, путем естественного отбора, древесные породы приспособились к соответствующим экологическим нишам. Это касается как надземной части фитоценоза, так и ризосферы. Пралесы отличаются динамично уравновешенным состоянием, экологической стабильностью, способностью к самовосстановлению, саморегуляции, самозащите. Поэтому они имеют важное экомоделное значение при обосновании видового состава лесных культур, проведении разных видов рубок ухода, при реконструкции производных

древостоев и, в частности, при трансформации культурфитоценозов, которые не соответствуют природным условиям среды.

Значение пралесов для сохранения биологического разнообразия. Сохранение генофонда биологических видов является залогом поддержания эволюционного процесса, ибо жизнь рождает жизнь. Это универсальная биологическая идея. Исключительно важная роль в сохранении биологического разнообразия принадлежит лесным формациям. Леса, возникшие еще в третичном периоде, являются одним из древнейших типов наземной растительности. В сравнении с другими растительными формациями, они занимают на суше наибольшую площадь, наиболее долговечны и отличаются сложнейшим ценотическим строением надземной и подземной частей и наивысшей биологической продуктивностью. Поэтому с лесной средой экологически связана богатая по видовому составу флора низших и высших растений, фауна беспозвоночных и позвоночных, богатый мир микобиоты. Денатурализация лесных формаций нарушает их среду, а следовательно и природные биотопы растительного и животного мира. Поэтому роль пралесных экосистем в сохранении генофонда связанных с ними биологических видов трудно переоценить.

В составе дендрофлоры природных фитоценозов Украины немало диких сородичей плодовых деревьев, таких как дикая яблоня, груша, черешня, вишня, дерен, барбарис, крыжовник, смородина, лещина и др. Это ценный генофонд для улучшения генетической структуры культурных сортов. К сожалению, в процессе денатурализации лесов он почти исчез. Однородные культурфитоценозы отличаются также значительно более бедным видовым составом фауны беспозвоночных и позвоночных, чем природные смешанные

леса. В пралесах идет непрерывный процесс отмирания автотрофных организмов, не нарушена педосфера, поэтому существуют благоприятные экологические условия для энтомофауны, микобиоты и других групп гетеротрофных организмов, которые обеспечивают ход вещественно-энергетического круговорота.

Логистическое (научное) значение пралесов. Ненарушенные антропогенным влиянием лесные экосистемы имеют многогранное научное значение. В них можно изучать все природные процессы развития фитоценозов, исследовать возрастную и ценотическую структуру, взаимодействие пород в надземной и подземной частях, консорциумные связи между автотрофными и гетеротрофными организмами. Пралесы, компонентами которых являются реликтовые и эндемичные виды, позволяют изучать процесс развития растительного покрова в послеледниковый период. Важное значение имеют пралесные экосистемы для экологического мониторинга за динамичными тенденциями лесных формаций в результате глобального потепления климата под влиянием парникового эффекта.

Экообразовательное значение пралесов. В пралесных экосистемах сохраняется тысячелетний экологический опыт природы, познание которого имеет исключительное значение для специалистов лесного хозяйства, биологов, экологов, биогеографов, изучающих природные процессы формирования лесных фитоценозов. Поэтому справедливо называют пралесы “природной школой лесоводов”. Уничтожить пралес – значит лишиться мудрости первозданной природы.

Ландшафтно-эстетическое значение пралесов. Пралесы, как элемент дикой природы, имеют исключительную ландшафтно-эстетическую ценность. В пралесах человека сопровождает, как верно подметил В.Е. Борей-

ко, “святоощущение” ненарушенной природы. Человек имеет возможность осмыслить в пралесе величие, гармонию и вечность природы. Напомним, что лесной массив Фонтенбло в окрестностях Парижа еще в XIX столетии был взят под охрану, благодаря усилиям художников и деятелей культуры для их творческого вдохновения.

Выводы

В комплексной проблеме охраны окружающей среды заповедному делу принадлежит приоритетная роль в сохранении неповторимых природных ценностей биосферы. Система заповедных территорий имеет многофункциональное назначение: играет важную роль в сохранении биологического, биогеоценотического и ландшафтного разнообразия, а следовательно в поддержании устойчивого экологического развития; содействует массовому оздоровлению населения на лоне природных ландшафтов; поддерживает экологический баланс в районах размещения охраняемых территорий.

В Украине имеется семь категорий заповедных территорий природного происхождения: природные и биосферные заповедники, природные национальные и региональные ландшафтные парки, заказники, заповедные урочища и памятники природы. Вместе с заповедными объектами искусственного происхождения – ботаническими, дендрологическими, зоологическими парками и парками-памятниками садово-паркового искусства они занимают площадь 2 405 000 га, что составляет 4% территории Украины.

В отдаленных местах Полесья, Крыма, Карпат сохранились оазисы дикой природы и пралесные экосистемы исключительно природоохранного зна-

чения. Необходимо в ближайшее время провести их инвентаризацию и, с целью сохранения, в законодательном порядке установить в природно-заповедном фонде две новые категории: **резерваты дикой природы** и **пралесные резерваты**.

В прошлом народы, жившие при разных цивилизациях, имели свои священные места, определенные по религиозным мотивам. Для нашей техногенной цивилизации такими местами должны быть заповедные территории многофункционального – экологического, социального, экообразовательного и культурного назначения. Заповедные территории – это не только природное, а и наше национальное богатство.

Литература

- Парпан В.І. (1994): Структура, динаміка, екологічні основи букових лісів Карпатського регіону. - Автореф. ... дис. докт. біол. наук. Дніпропетровськ. 1-42.
- Стойко С.М., Цурик Є.І., Третяк П.Р., Тасенкевич Л.О. та ін. (1982): Морфологічна структура букових пралісів. - Флора і рослинність Карпатського заповідника. Київ: Наук. думка. 178-190.
- Чернявський М.В. (1997): Ліси України та збереження їхнього біологічного розмаїття. Охорона пралісів України. - Конвенція про біологічне різноманіття: громадська обізнаність і участь. Київ: Стило. 75-89.
- Korpel S. (1989): Pralesy Slovenska. Bratislava. Veda. 1-328.
- Stojko S.M. (1998): Virgin forest ecosystems of the Ukrainian Carpathians, their multilateral significance and measures of preservation. - Lobarion lichens as indicators of the primeral Forests in the Eastern Carpathians. Darwin International Workshop. Kostrino, Ukraine. 22-32.
- Zlatnik A. et al. (1938): Prozkum prirozenych lesu na Podkarpatske Rusi. Dil I. Vegetace a stanoviste rezervace Stuzica, Javornik a Pop Ivan. Praha. 1-244.

Пер. с украинского В.Ф. Руденко.

ДИКАЯ ПРИРОДА В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ: ОБЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРЦЕПЦИОННО- ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

К.Н. Горб, кандидат географических наук, **В.А. Сесин**
Днепропетровский национальный университет
Украина, 49044, г. Днепропетровск, просп. К. Маркса, 36, комн. 48;
e-mail: envi@melp.dp.ua

Эссе В.Е. Борейко “Современная идея дикой природы” носит в основном теоретический характер. Естественно, многие его предложения должны быть проверены практикой.

В этой связи интересным и практически значимым представляется наше исследование общественного мнения населения Украины по поводу дальнейшей судьбы и в целом восприятия участков нетронутой природы, поскольку, во-первых, в Украине, с одной стороны, в отличие, например, от Западной Европы, к настоящему моменту еще сохранились отдельные относительно обширные такие участки, а с другой, в отличие прежде всего от России, нет столь значительных и масштабных территориальных резервов дикой природы, и во-вторых, поскольку Украина в региональном аспекте является достаточно разнообразной страной как в природном, так и социально-экономическом и “ментально-этническом” отношениях.

В связи с вышесказанным, объектом настоящего исследования выступает население Украины, а предметом — содержание и структура его природоохранного сознания. Целью работы в данном случае является определение типов отношения населения к дикой

Данная работа была проведена летом 2000 г. по заданию и при финансовой поддержке Киевского эколого-культурного центра.

природе по основным наиболее актуальным перцепционным составляющим (включая выявление: степени гуманности экологического сознания, в том числе приоритетных природоохранных мотиваций; информированности о дикой природе и ее охране и отношения к ней; предпочтений в выборе наиболее популярных природных символов государства; экологической активности населения) в разных регионах страны; выявление причин, обусловивших данные территориальные различия, а в конечном итоге — разработка природоохранной идеологии и общей стратегии развития заповедного дела в Украине и специфики ее реализации (относительно социальной составляющей сферы) в каждом из выделенных макрорайонов, типов населенных пунктов (по различным наиболее важным с данной точки зрения признакам) с учетом возрастных, образовательных и других характеристик.

Для более четкой структурированности работы мы ее подразделяем на ряд относительно самостоятельных последовательных исследовательских операций, на каждой из которых следует остановиться отдельно.

Разработка анкеты

При разработке каждого вопроса и формировании анкеты в целом нами были учтены следующие общепринятые требования ([5], [11]):

- 1) доступность и понятность вопросов широким слоям населения;

2) точность и лаконичность вопросов и вариантов ответов на них, позволяющая с помощью одной компактной анкеты исследовать широкий спектр тем;

3) недвусмысленность и непредвзятость вопросов, “нейтральность” в трактовке вариантов ответов.

Исходя из данных принципов, а также из целевой установки исследования была сформирована анкета, представленная в приложении к настоящей статье.* Следует отметить, что в качестве общей идеологической основы формулирования большинства вопросов выступали основные теоретические положения экологической этики [1], предполагающие достаточно высокую смысловую сложность и в целом философскую направленность, что в значительной мере затрудняло выполнение вышеуказанных требований. Тем не менее, “антропоцентричные” варианты ответов звучат в анкете без всякого намека на упрек и предвзятость.

По смысловому содержанию и частным целевым направлениям все вопросы анкеты можно объединить в несколько тематических блоков:

— вопрос № 1, позволяющий “вести” респондента в исследуемую проблему;

— вопросы о характере отношения Человека к Природе и ее отдельным компонентам, направленные на выявление степени гуманности экологического сознания — №№ 2, 3 (А–В), 7, 8 (А–Д), 9, 10, 11, 12, 13;

— контрольные вопросы, позволяющие оценить общий уровень знаний и информированности населения о наиболее известных объектах дикой при-

роды Украины, а также об основных формах ее территориальной охраны — №№ 4, 5, 6, 14, 15, 20;

— вопросы о характере отношения людей к развитию территориальной охраны природы в Украине, в частности, заповедников и национальных парков как основных ее форм — №№ 16, 17;

— вопросы о предпочтениях в выборе природоохранной символики и ее места в общей системе символов Украины — № 18 и № 19;

— вопросы, позволяющие выявить потенциальную экологическую активность населения — №№ 21, 22, 23, 24;

— наиболее важный вопрос, раскрывающий природоохранные мотивации населения — № 25.

Следует отметить, что в вопросах № 18 и № 25, как в наиболее важных, для достижения большей объективности предполагался выбор респондентом трех наиболее значимых для него (“призовых”) вариантов ответов и “расстановка” их на первое, второе и третье места.

Обоснование территориальной выборки

Опрос населения по нижеприведенной анкете для достижения большей достоверности результатов предполагался исключительно в устной форме — интервьюирования. В этой связи особую актуальность приобрело обоснование именно территориальной выборки исследования (в отличие от не менее важных профессионально-квалификационной, половозрастной, образовательной и т. д.), поскольку от этого напрямую зависел маршрут экспедиции и, соответственно, ее сроки, объем затрат и т. д., принимая во внимание уже упомянутое в начале статьи значительное разнообразие территории Украины в природном, экономическом и “социально-культурно-ментальном” отношениях.

* Авторы анкеты — Константин Горб, Владимир Борейко, Владимир Сесин выражают глубокую признательность и благодарность кандидатам социологических наук Елене Ходус и Наталье Липовской за оказанную консультационную помощь.

В связи со сказанным данная территориальная выборка представляется нам трехуровневой. Первый, наиболее высокий (макроуровень) — это выборка опорных перцепционных регионов. Их в пределах Украины было выделено пять — Центр, Восток, Север, Юг и Запад страны. Каждый из них является целостным и своеобразным по многим природным и общественным характеристикам. В каждом из данных регионов опрошено от 100 до 350 человек (табл. 1).

Второй, средний (мезоуровень) — это выборка внутри каждого региона так называемых опорных общественно-территориальных единиц (ООТЕ). В качестве одной ООТЕ выступает либо один город, либо совокупность сел и поселков городского типа одного низового административного района, расположенных относительно недалеко друг от друга. При этом все 26 ООТЕ исходя из важности для целей исследования мы группируем следующим образом:

1. По размеру (численности населения):

— крупнейшие города — с населением от 500 тыс. до 3 млн. чел. (Днепропетровск, Киев, Львов);

— крупные города — с населением от 100 до 500 тыс. чел. (Черкассы и Бердянск);

— средние города — с населением от 50 до 100 тыс. чел. (Умань, Новомосковск, Прилуки);

— малые города — с населением от 10 до 50 тыс. чел. (Канев, Вольногорск, Украинка, Овруч, Новый Роздол, Сокиряны, Сколе);

Таблица 1

Распределение количества респондентов по регионам, городам и районам Украины

Код	Город или район (ООТЕ)	n
Центр		
К	г. Киев	158
Чи	Чигиринский р-н Черкасской обл.	22
Че	г. Черкассы	50
Ум	г. Умань Черкасской обл.	40
Ка	г. Канев Черкасской обл.	30
Кн	Каневский р-н Черкасской обл.	23
Ук	г. Украинка Киевской обл.	27
Всего:		350
Восток		
Д	г. Днепропетровск	200
Вл	г. Вольногорск Днепропетровской обл.	23
Нм	г. Новомосковск Днепропетровской обл.	40
Кч	Криничанский р-н Днепропетровской обл.	40
Дп	Днепропетровский и Петриковский р-ны Днепропетровской обл.	36
Всего:		339
Север		
Ов	г. Овруч Житомирской обл.	29
Оч	Овручский р-н Житомирской обл.	27
Кт	Коростенский р-н Житомирской обл.	20
Пл	г. Прилуки Черниговской обл.	35
Всего:		111
Юг		
Чп	Чаплинский р-н Херсонской обл.	40
Бр	г. Бердянск Запорожской обл.	68
Бд	Бердянский р-н Запорожской обл.	26
Всего:		134
Запад		
Л	г. Львов	120
Нк	Николаевский р-н Львовской обл.	30
Нр	г. Новый Роздол Львовской обл.	33
Ск	г. Сколе Львовской обл.	35
Сл	Сколевский р-н Львовской обл.	29
Со	г. Сокиряны Черновицкой обл.	20
Ср	Сокирянский р-н Черновицкой обл.	20
Всего:		287

— сельские районы (остальные ООТЕ, указанные в таблице 1).

Группировка ООТЕ по данному признаку позволяет выделить ранги городов, являющихся ядрами тяготения районов и регионов различного масштаба и территориального охвата, в которых (особенно в крупнейших) идет формирование идеологии общественной

жизни, осуществляется управление хозяйственными и социальными процессами. При этом для каждого из намеченных на предыдущем уровне территориальной выборки перцепционных районов можно выделить такой организующий центр. Так, в силу специфики экономико-географического положения для Центрального и Северного регионов в таком качестве выступает Киев, Восточного и Южного — Днепропетровск, а на Западе “безусловным лидером” является Львов.

2. По историко-функциональным особенностям:

— города — полифункциональные центры (ООТЕ, имеющие коды К, Д, Л, Че, Нм, Пл (табл. 1));

— города — исторические центры (Ка, Ов, Ск, Со);

— новоиндустриальные города послевоенной постройки (Ук, Вл, Нр);

— города-курорты и экскурсионные центры (Бр, Ум);

— сельские сельскохозяйственные районы (Кн, Кч, Дп, Чп, Нк, Ср);

— сельские лесохозяйственные районы (Оч, Кт, Сл);

— сельские приморские многофункциональные районы (Бд).

По совокупности первого и второго признаков можно проследить выделение на общем фоне групп ООТЕ двух их полюсов — малых исторических и малых новоиндустриальных городов, что в процессе исследования позволит пронаблюдать крайние проявления отдельных тенденций, связанных с односторонней ориентацией градообразующей базы и инфраструктуры таких городов.

3. По удаленности от заповедников и национальных парков (ЗНП), созданных в разное время:

— ООТЕ в непосредственной близости с ЗНП, населенные пункты которых расположены либо у границы заповедника, либо внутри национального парка (ООТЕ с кодами: Кн (вблизи Каневского природного заповедника

1923 года создания), Дп (Днепропетровско-Орельского природного заповедника 1990 г.), Оч (Полесского природного заповедника 1968 г.), Чп (биосферного заповедника “Аскания-Нова” 1898 г.), Сл и Ск (внутри национального природного парка “Сколевские Beskidy” 1999 г.));

— ООТЕ на небольшом удалении от ЗНП, к которым мы относим города — административные центры районов расположения соответствующего ЗНП (за исключением города Сколе, расположенного внутри национального парка), которые мы выделяем скорее не по расстоянию, а по тесноте связей ЗНП с центром своего района (Ка, Д, Ов);

— ООТЕ на значительном удалении от ЗНП (остальные 17 ООТЕ).

Количество опрошенных в каждой из ООТЕ зависело от ее численности населения. К сожалению, в силу определенных объективных причин прямой пропорциональности в данном случае добиться не удалось, хотя в целом соблюдены общие требования “относительного соответствия”: в каждом из крупнейших городов опрошено от 100 до 200 человек, крупных — 50—70 человек, средних — 35—40, малых — 20—35 человек.

Следует отметить, что в целом мы стремились к всесторонне репрезентативной территориальной выборке, в результате чего удалось важнейшие группы ООТЕ, выделенные по каждому из указанных признаков, относительно равномерно распределить по опорным перцепционным регионам. Так, в каждом регионе охвачено по одному опорному ЗНП, имеется не менее двух сельских районов, и т. д.

На третьем, низовом уровне (микроразрешении) территориальной выборки внутри каждой ООТЕ выделен ряд локальных операционных единиц расселения (ЛОЕР), где непосредственно и проводился опрос. ЛОЕР — это пла-

нировочно выраженный целостный компактный участок жилой застройки внутри населенного пункта. В городах в качестве ЛОЕР выступали, как правило, отдельные жилмассивы (например, в Киеве — Печерск, Оболонь, Виноградарь, Троещина, Харьковский и др.), а в сельских районах — отдельные села или пгт. При этом для повышения репрезентативности соблюдалось требование: охват в каждой ООТЕ не менее двух ЛОЕР, а в каждой ЛОЕР — опрос не менее 10 респондентов. При этом в ООТЕ около ЗНП в качестве ЛОЕР принимались села или пгт, ближе всего расположенные к ЗНП.

Таким образом, общая выборка респондентов составила 1221 человек, достаточно репрезентативно распределенных по всем ключевым регионам Украины, населенным пунктам и районам всех важнейших с позиции цели исследования типов, а также по их отдельным частям.

При этом нельзя не отметить, что, к большому сожалению, в силу определенных причин из охвата опросом “выпали” многие интереснейшие с позиции перцепции дикой природы города и регионы Украины. Прежде всего это Одесса, Харьков, города Донбасса, Крым, этнические земли — Вольнь, Закарпатье, Южная Бессарабия, Подолье, Слобожанщина и некоторые другие. Возможно, в перспективе этот пробел будет восполнен.

Проведение опроса (сбор информации)

Опрос проводился в июле — сентябре 2000 г. только методом интервьюирования. В общей сложности в работе участвовало 26 интервьюеров — преподаватели, студенты и выпускники Днепропетровского, Киевского и Львовского университетов. В силу особенностей предмета исследования, предполагающего необходимость владения интервьюером прежде всего спе-

циализированными знаниями о дикой природе, а также навыками экспедиционной работы, специалисты-социологи в проведении опроса не участвовали. В качестве интервьюеров выступали географы, биологи и экологи, имеющие необходимый базис социологической подготовки.

В целях экономии времени работа осуществлялась в двух режимах: многодневная маршрутная экспедиция из пяти человек (с периодической “сменой состава”) и краткосрочные “однообъектные” “социологические туры” для 1–2 интервьюеров. Во втором режиме “обработана” половина всех ООТЕ: Ум, Вл, Д, Нм, Кч, Дп, Кт, Пл, Чп, Бр, Бд, Со, Ср. Другая половина ООТЕ была охвачена трехнедельным маршрутом Днепропетровск–Киев–Львов–Днепропетровск.

Процедура опроса проходила следующим образом. Человеку, согласившемуся дать интервью, выдавалась на время опроса анкета (на русском или украинском языке, по его желанию), которую он читал и устно отвечал на ее вопросы в сопровождении попутных комментариев и необходимых пояснений интервьюера, который в то же время заполнял по его словам карточку интервью, где указывал свою фамилию, место и время проведения интервью, коды вариантов ответов на каждый вопрос (в том числе пол респондента, что не указано в анкете), а также (по окончании интервью) общую оценку заинтересованности респондента и понимания им вопросов анкеты.

В результате в каждой ООТЕ и по Украине в целом достигнута довольно высокая репрезентативность выборки населения и по полу — всего опрошено 599 мужчин и 622 женщины), возрасту, образованию, пропорционально-квалификационному признаку, менее высокая — по типу районов проживания в пределах населенного пункта, этническому и религиозному признакам.

Нельзя не упомянуть в этой связи и о характере реакции людей как на предложения заполнить данную анкету, так и на сами вопросы. Довольно часто встречались отказывающиеся, и не только по причине чрезвычайной занятости, однако большинство все-таки относилось с интересом и пониманием. Можно было услышать самые разные комментарии, от “какой ерундой вы занимаетесь, когда людям есть нечего”, через “ваши вопросы так тонус повышают, я и не предполагал(а), что это так интересно”, до “молодцы, что занимаетесь таким важным и полезным делом”.

Направления обработки результатов опроса

Указанные в начале статьи тематические блоки вопросов анкеты являются основой формирования четырех направлений обработки собранной информации, итоги которых важны для выработки последующих рекомендаций в целях дальнейшего принятия решений по развитию соответствующей сферы жизнедеятельности как на государственном, так и на региональном уровнях. Остановимся кратко на каждом из направлений.

1. Оценка степени гуманности экологического сознания населения Украины. Экологическое сознание — это “совокупность представлений (как индивидуальных, так и групповых) о взаимосвязях в системе “человек — природа” и в самой природе, существующего отношения к природе, а также соответствующих стратегий и технологий взаимодействия с ней” ([7], стр. 23). Насколько гуманны данные представления с позиций экологической этики, показывает структура ответов на вопросы 2, 3, 7—13, 25. Синтез данных структур позволит вычислить коэффициент (степень, уровень) данной гуманности.

2. Оценка отношения населения к

охране природы в Украине. Сюда мы включаем как контрольные вопросы (4—6, 14, 15, 20), поскольку все они так или иначе характеризуют особо охраняемые природные объекты и территории, так и вопросы непосредственно об отношении к заповедникам и национальным паркам (16, 17). В результате возможна также четкая количественная оценка (возможно, вновь с расчетом конкретных коэффициентов) уровня информированности об основных природоохранных объектах Украины. А структура ответов на 16-й и 17-й вопросы и ее территориальная дифференциация важна непосредственно для формирования стратегии развития заповедного дела в стране и ее регионах.

3. Оценка отношения населения к природоохранной символике Украины. Здесь возможна количественная оценка степени представленности в предпочтениях в выборе символов именно природных (варианты 4, 7 в 18-м вопросе) и природоохранных (вариант 8 в вопросе 18, а также охраняемые виды во всем спектре выбранных видов деревьев, цветов, птиц и зверей в вопросе 19) объектов, что имеет практическое значение для разработки атрибутов символики как государства, так и отдельных организаций.

4. Оценка потенциальной экологической активности населения Украины по структуре ответов на вопросы 21—24. Особо актуальными результаты данной оценки могут быть для общественных экологических организаций, ищущих сторонников. Может быть рассчитан также и совокупный коэффициент потенциальной экологической активности населения.

Структуру ответов на каждый вопрос, а также степень, уровень, коэффициент выраженности каждой из упомянутых характеристик, причины, обусловившие данную ситуацию, следует определять как для Украины в целом,

так и для каждой из ООТЕ и суммарно — для каждого их типа и для каждого перцепционного региона. В результате возможна типология ООТЕ по различным из перечисленных характеристик восприятия, и формирование в дальнейшем дифференцированной стратегии и политики работы с населением, а также учета общественного мнения в развитии соответствующей сферы, для каждого из выявленных типов ООТЕ.

Природоохранные мотивации населения Украины: предварительные итоги

Как наиболее важный, нами к настоящему времени обработан лишь последний вопрос анкеты, который кратко можно сформулировать, как “Зачем, по Вашему мнению, надо охранять дикую природу?”. Поскольку по данному вопросу респонденты ранжировали три выбранные ими варианты ответов, то по каждой ООТЕ для каждого варианта был рассчитан так называемый суммарный балл варианта, для чего использовалась формула:

$$y_{ij} = x_{ij1} + x_{ij2}/2 + x_{ij3}/4, \text{ где}$$

y_{ij} — суммарный балл j -го варианта для i -й ООТЕ, ($i = \{1, m\}$, $m = 26$; $j = \{1, n\}$, $n = 14$);

x_{ij1} — количество респондентов i -й ООТЕ, поставивших j -й вариант на первое место;

x_{ij2} — количество респондентов данной ООТЕ, поставивших этот вариант на второе место;

x_{ij3} — соответственно, количество выбравших j -й вариант в качестве третьего места в i -й ООТЕ.

Тогда суммарный балл i -й ООТЕ, набранный здесь всеми вариантами в совокупности, мы определяем как y_i :

$$y_i = \sum_{j=1}^n y_{ij}$$

Отсюда структуру (процентное соотношение) суммарных баллов вариантов в общем значении y_i мы истолковываем

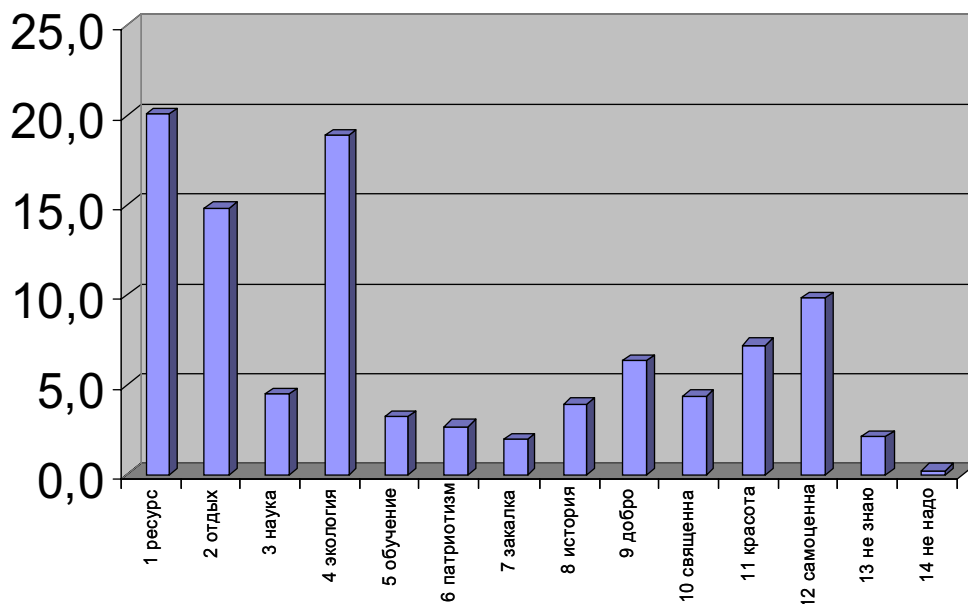
как структуру природоохранных мотиваций населения i -й ООТЕ.

По совокупности суммарных баллов каждого варианта для всех ООТЕ в общей сумме была рассчитана и структура природоохранных мотиваций для Украины в целом, представленная на прилагаемом рисунке, из которого четко прослеживается общий рейтинг каждого варианта. Для наглядного представления соотношения общеукраинского рейтинга мотиваций с региональными была составлена матрица такого соотношения, воплощенная в таблице 2 (при этом каждый вариант ответа на рассматриваемый вопрос здесь отображен одной “крылатой фразой”, характеризующей данную мотивацию). Попытаемся кратко прокомментировать итоговую таблицу.

Итак, в Украине лидирует ресурсная мотивация охраны дикой природы. Как резерв ресурсов материального жизнеобеспечения человека в будущем, дикую природу “считают” необходимым охранять 20,2% “условных голосов” респондентов. Это характеризует преобладание в стране резко утилитарного, потребительского отношения к природе, что, скорее всего, является следствием главным образом жестко антропоцентричной сферы образования и просвещения (а в целом — идеологии) на протяжении длительной истории, порождающей соответствующее экологическое мышление и сознание. Данная мотивация на первом же месте в 11 из 26 ООТЕ, на втором — в пяти, на третьем — в шести, и лишь в трех сельских районах она опускается на 5–7 места.

Второе место в данном рейтинге по Украине в целом занимает мотивация охраны природы по причине ее важности для стабилизации экологической обстановки (19% голосов). Вызвано это, возможно, скорее всего осознанием общего экологического кризиса как украинского общества, так и мирового сообщества. Здесь также прослеживается

Итого по Украине

Структура ответов на вопрос “Почему надо создавать природно-заповедные объекты и вообще охранять дикую природу (названия вариантов ответов см. в анкете, вопрос № 25).

антропоцентризм, хотя и менее агрессивный. На втором месте данный вариант в 14 из 26 ООТЕ, на первом — в восьми, на третьем, четвертом, шестом и седьмом — по одной ООТЕ (малые города и сельские районы).

На третье место “взошла” рекреационная мотивация. Сохранять природу в первую очередь в силу ее важности для отдыха и оздоровления населения “предпочли” 15% голосов. Возможно, данная мотивация так же антропоцентрична, как и первая, хотя в целом, безусловно, менее утилитарна: отдыхать на природе и оздоравливать свой организм вполне можно не разрушая ее и сочетая при этом отдых с более возвышенной деятельностью. На третьем же месте эта мотивация в 11 ООТЕ, на первом и втором — еще в

11, ни в одной ООТЕ не отодвигаясь при этом далее пятого места.

При продвижении от первого места к третьему в структуре природоохранных мотиваций, таким образом, можно проследить плавный переход от агрессивного антропоцентризма к менее жесткому. Но далее эта закономерность нарушается, и на четвертом месте (из 12 возможных) оказывается мотивация, отражающая крайнее проявление эгоцентрического мышления — природу следует охранять по причине ее самоценности независимо от пользы для человека (9,8% голосов). Видимо, несмотря на любые навязываемые идеологии, в людях все-таки сохраняется определенный экоэтический “заряд”, инстинкт, чувство уважения к тому, что не создано людьми. При этом по данно-

Таблица 2

Соотношение рейтингов вариантов ответов на вопрос № 25 “Почему надо охранять дикую природу?” для Украины в целом и для отдельных ООТЕ

<i>Рейтинг вариантов ответов для Украины в целом</i>		VI Ук, Ср	
		VII Кч, Пл	
		VIII Нк	
место	вариант ответа	IX Бд	
I	1 (“ресурс”)	X –	
II	4 (“экология”)	XI Нк	
III	2 (“отдых”)	XII-XIV –	
IV	12 (“самоценность”)		IV
V	11 (“красота”)	I –	
VI	9 (“добро”)	II Пл	
VII	3 (“наука”)	III Дп, Чп, Л	
VIII	10 (“священность”)	IV Д, Вл, К, Ук, Бр, Со, Ср	
IX	8 (“история”)	V Че, Ов, Нк	
X	5 (“обучение”)	VI Кч, Ум, Оч, Ка, Бд, Со	
XI	6 (“патриотизм”)	VII Кт	
XII	7 (“закалка”)	VIII Нр, Ср	
XIII	13 (“не знаю”)	IX Нм, Кн, Сл	
XIV	14 (“не надо”)	X Чн, Кт	
		XI Ск	
<i>Коды ООТЕ*, в которых вариант ответа по их рейтингу имеет соответствующее место</i>		XII-XIV –	V
		I Ср	
		II –	
		III Ка	
I		IV Нм, Пл	
I	Д, Че, Нм, Вл, Пл, Ка, Ов, Ск, Со, Кн, Кт	V Д, Вл, Ум, Бд, Нр	
II	Кч, Дп, К, Чн, Ук, Бр, Бд, Л	VI Дп, К, Че, Ов, Кт, Бр, Нр, Ск	
III	Ум, Оч, Нк, Нр, Ср	VII Ук, Нр	
IV	–	VIII Чн, Ск, Со	
V	Чп	IX Кч, Л	
VI-XIV	–	X Кн, Оч, Чп, Сл	
		XI Вл, Кт	
		XII-XIV –	
II			VI
I	Кч, К, Ук, Бр, Нк	I Бд	
II	Д, Вл, Нм, Че, Ка, Кн, Ов, Оч, Кт, Чп, Нр, Ск, Со, Ср	II Ум	
III	Кч, Чн, Ук, Пл, Бд, Ск	III –	
IV	Дп, Ум, Л	IV Че, Ов	
V-XIV	–	V Кч, Оч, Ск, Со, Ср	
III		VI Вл, Нм, Пл, Нк	
I	Чн, Ум, Оч, Чп, Л, Нр	VII К, Чн, Ов, Бр, Л, Сл	
II	Сл	VIII Д, Нм, Че, Ук	
III	Д, Вл, Нм, К, Че, Ка, Ов, Кт, Бр, Ск, Со	IX –	
IV	Ка	X Пл	
V	Дп, Кт	XI Ка, Кн, Нр	

Окончание таблицы 2

XII	Кт, Чп		XII	Кн, Ов, Пл	
XIII	Кн, Дп		XIII	Че, Нр	
XIV	–		XIV	–	
		VII			X
I	Дп		I-III	–	
II	Нк		IV	Бд	
III	–		V	Кн, Пл	
IV	Чн, Нр		VI-VIII	–	
V	К, Ка, Ук		IX	Дп, К, Чн, Че, Оч, Ск, Нк	
VI	Кн, Л		X	Кч, Ум, Ка	
VII	Нм, Кн		XI	Ов, Бр	
VIII	Кч, Дп, Ов, Оч, Кт, Пл, Чп		XII	Д, Нм	
IX	Д, Кт, Со		XIII	Ум, Ук, Л, Ср	
X	Вл, Че, Бр, Бд, Ск		XIV	–	
XI	Сл				XI
XII	Ум, Ср		I-VI	–	
XIII	Пл		VII	Че, Ов	
XIV	–		VIII	Кн, Бр, Л	
		VIII	IX	Ка, Нр	
I-III	–		X	Д	
IV	Кн, Оч, Нк		XI	Нм, Кч, Дп	
V	Чн, Бр, Л, Сл		XII	К, Чн, Оч, Бд, Л, Ск	
VI	Чн, Ск		XIII-XIV	–	
VII	Д, Вл, Нр, Со, Ср				XII
VIII	Ка		I-III	–	
IX	Ум, Ов		IV	Ск	
X	К, Со		V-IX	–	
XI	Че, Ук, Пл, Со, Ср		X	Нм, Дп, Л	
XII	Кч, Сл		XI	Д, К	
XIII	Нм, Чн, Бд		XII	Че, Бр, Нр	
XIV	Дп		XIII	Ка	
		IX	XIV	–	
I-III	–				XIII
IV	Кч		I-XI	–	
V	Нм		XII	Ка	
VI	Д		XIII	Д, К	
VII	Дп, Ум, Ка, Бд, Ск		XIV	–	
VIII	Вл, К, Ум, Бд, Сл				XIV
IX	Ук, Пл, Бр		I-XIII	–	
X	Нк, Нр, Ср		XIV	Д	
XI	Чн, Ов, Л				

* Расшифровку кодов ООТЕ см. в таблице 1.

му варианту все ООТЕ оказались едва ли не наиболее “разбросанными” по местам в рейтингах мотиваций в каж-

дой из них: от второго до двенадцатого места. Причем, что примечательно, на второе место данная мотивация

“вышла” в трех ООТЕ: одном крупнейшем городе на западе Украины — Львове; одном среднем городе в центре — Умани; и одной сельской ООТЕ на востоке страны, расположенной около Днепровско-Орельского заповедника. То есть, можно предположить, что экоцентрические представления людей постепенно “теряются” при продвижении с запада на восток по мере уменьшения размера населенного пункта. На наш взгляд то, что 4-е место в рейтинге заняла внутренняя ценность, вселяет уверенность, что современная идея дикой природы, так активно продвигаемая В.Е. Борейко, при соответствующей популяризации может быть поддержана значительным количеством населения Украины. В подтверждение нашего вывода свидетельствует еще и тот факт, что по подобному вопросу, касающемуся рейтинга ценностей диких птиц, внутренняя ценность заняла 2-е место среди 8 вариантов ответов.

Пятое место занимает эстетическая мотивация (дикая природа величественна в своей красоте), на первое место поднимаясь лишь в поселках около заповедника “Аскания-Нова”.

На шестом месте — моральная мотивация (дикая природа — источник добра), которая поднимается на третье в двух ООТЕ на Западе и в центре страны.

Седьмое место занимает научная мотивация (дикая природа — источник пополнения научных знаний), не поднимаясь, однако, выше шестого места в крупнейших городах, как научных центрах.

И лишь на восьмом месте из двенадцати оказывается религиозная мотивация (дикая природа священна), (4,4% голосов), поднимаясь на третье — четвертое места лишь в некоторых сельских районах и малых городах на западе Украины. Причем среди региональных центров здесь наблюдается обратная тенденция при продвижении с вос-

тока на запад: в Днепропетровске эта мотивация на шестом месте, в Киеве — на девятом, во Львове — на одиннадцатом.

Историческая мотивация (дикая природа обладает исторической памятью о важных событиях прошлого) занимает девятое место, достигая третьего лишь в приморском Бердянском районе.

Просветительская (вариант № 5) мотивация оказывается на десятом месте, поднимаясь до четвертого лишь в двух сельских районах на севере и в центре Украины.

Предпоследнее одиннадцатое место занимает патриотическая мотивация (дикая природа воспитывает человека патриотом своей Родины), выходя на третье — четвертое места в двух сельских предкарпатских районах.

Наконец, на двенадцатом (2% голосов) месте оказалась мотивация формирования дикой природой сильного характера в человеке, ни в одной из ООТЕ не поднимаясь выше шестого места.

Таковы более чем краткие результаты ответов только на один 25-ый вопрос. Более объективные сведения в отношении гуманности экологического сознания могут быть представлены только после обработки и синтеза материалов по всем вопросам данного тематического блока.

Однако в целом из всего вышесказанного очевидно, что структура природоохранных мотиваций населения Украины, мягко и образно говоря, нуждается в определенной просветительской корректировке в сторону сходящего (но не экспансивного!) экоцентризма. Ибо, как сказал Лев Гумилев ([6], с. 179), “хищническое обращение человека с природой может иметь место при всех формациях и, следовательно, вряд ли может рассматриваться как результат особенностей социального прогресса”.

Литература

1. Борейко В.Е. (1999): Прорыв в экологическую этику. К.: Киевский эколого-культурный центр. 1-128.
2. Борейко В.Е. (2000): Эссе о дикой природе. К.: Киевский эколого-культурный центр. 1-148.
3. Голд Дж. (1990): Психология и география: Основы поведенческой географии: Пер. с англ. М.: Прогресс. 1-304.
4. Горб К.Н. (1997): Проблемы общественно-географического изучения природно-заповедных учреждений и их социально-экономического окружения. - Запов. справа в Україні. 3 (1): 4-8.
5. Городяненко В.Г. (1999): Социологический практикум. Учебно-методическое пособие. К.: Издательский центр "Академия". 1-160.
6. Гумилев Л.Н. (1990): Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат. 1-528.
7. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. (1995): Методики диагностики и коррекции отношения к природе. М.: ЦКФЛ РАО. 1-147.
8. Кавтарадзе Д.Н., Овсянников А.А. (1999): Природа и люди России: основания к пониманию проблемы. М.: Проект ГЭФ "Сохранение биоразнообразия". 1-112.
9. Мартынов А.С. (1999): Природа и люди России: экология, религия, политика и действие. М.: Проект ГЭФ "Сохранение биоразнообразия". 1-132.
10. Прохорова И. (1996): Из полевых книжек социолога. - Охрана дикой природы. Спецвыпуск "Про ЭКО" 11. 55-56.
11. Соціологія. Посібник для студентів вищих навчальних закладів. За ред. Городяненка В.Г. (1999). К.: Видавничий центр "Академія". 1-384.
12. Arnold M., Paulussen S., Schmidt R. (1995): Deutsche Nationalparke im Urteil vom Besuchern und Einheimischen. - Nationalpark. 86: 26-29.
13. Wells M., Brandon K. (1993): People and Parks. Linking Protected Area Management with Local Communities. Washington, D.C.: The World Bank. 1-99.

Приложение

Уважаемый гражданин,
здравствуйте!

Приглашаем Вас принять участие в социологическом опросе об отношении людей к дикой, неизменной человеком природе, проводимом Киевским эколого-культурным центром совместно с Днепропетровским государственным университетом.

Большинство вопросов содержит несколько вариантов ответов, и Вам следует выбрать тот (или те) из них, которые отражают Ваше мнение, а затем назвать его (их) интервьюеру. Он зафиксирует Ваш выбор в специальной карточке. Если вопрос не содержит вариантов ответов или Вы не согласны ни с одним из предложенных, ответьте устно на него так, как Вы считаете. Ваш ответ и в этом случае будет зафиксирован и учтен.

Обращаем внимание, что анкета анонимна, Ваши фамилию, имя и адрес называть не нужно.

Результаты опроса будут обобщены и использованы для разработки рекомендаций по формированию стратегии дальнейшего развития заповедного дела в Украине, поэтому большая просьба отвечать на вопросы абсолютно искренне.

Анкета

Дикая природа глазами населения
Украины

1. Часто ли Вы задумывались о врожденных моральных правах дикой, неизменной человеком природы на существование? (Отметьте только один из вариантов)

1 — да, меня всегда интересовал этот вопрос;

2 — время от времени, в отдельных ситуациях;

3 — практически не придавал этому значения, но в целом считаю, что можно об этом подумать;

4 — мне это совсем неинтересно.

2. В отношениях между Природой и Человеком Вы отдадите предпочтение (Отметьте только один из вариантов):

1 — Человеку. Человек — властитель, покоритель, хозяин Природы. Природа — раба Человека;

2 — Природе. Человек — часть Природы, такая же, как и воздух, вода, животные, растения, земля. Человек — раб Природы;

3 — равные предпочтения;

4 — другое (Ваш вариант).

3. Как, с Вашей точки зрения, соотносятся врожденные права на существование у отдельных видов природы с такими правами у человека? (Для каждой строки таблицы выберите один из вариантов)

Права на существование по отношению к таким правам у человека

А у животных

Б у растений

В у объектов неживой природы (рек, озер, скал и т. д.)

Варианты ответов:

равные права;

меньше прав;

затрудняюсь ответить.

4. Как Вы считаете, дерево бук растет в основном (Отметьте один вариант):

1 — на западе Украины;

2 — на востоке Украины;

3 — затрудняюсь ответить.

5. Как Вы считаете, дрофа — это птица (Отметьте один вариант):

1 — степная;

2 — лесная;

3 — затрудняюсь ответить.

6. Назовите, пожалуйста, если можете, самое глубокое озеро Украины и его местоположение.

7. Согласны ли Вы с тем, что человек, уничтожив какое-либо дикое растение или животное, должен осознавать ту же меру вины и моральной ответственности, что и в случае, если он убил бы другого человека? (Отметьте один вариант)

1 — полностью согласен;

2 — согласен, если это живое существо относится к уникальному, редкому или исчезающему виду;

3 — не согласен, если этот поступок человек совершает с целью самозащиты;

4 — не согласен ни в коей мере;

5 — затрудняюсь ответить.

6 — другое (Ваш вариант).

8. Что Вы в первую очередь ощутите, когда Вам придется уничтожить дикое растение или животное? (Для каждого из предлагаемых поступков выберите один из вариантов):

1 — удовольствие, наслаждение;

2 — облегчение, улучшение комфорта, безопасность;

3 — угрызение совести;

4 — чувство сильного согрешения;

5 — другое (Ваш вариант).

Поступок:

А. Срубил елку

Б. Сорвал дикую лилию

В. Убил паука

Г. Задавил лягушку

Д. Пристрелил дикую утку

Чувство (вариант ответа).

9. Вы посещаете уголки дикой природы прежде всего с целью (Отметьте один вариант):

1 — охоты, рыбалки, сбора и заготовки диких растений;

2 — развлечения, участия в пикнике;

3 — общего физического оздоровления;

4 — удовлетворения любопытства, интереса к познанию законов дикой природы;

5 — получения вдохновения на дальнейшие жизненные поступки;

6 — очищения души, поклонения дикой природе как абсолютному совершенству, божеству;

7 — другое (Ваш вариант).

10. Как Вы считаете, для чего в первую очередь существуют на Земле дикие птицы? (Отметьте один вариант)

1 — быть предметом охотничьей добычи;

2 — поедать вредных насекомых;

3 — для того, чтобы их изучали ученые;

4 — для поддержания равновесия процессов в природе;

5 — услаждать человека своей красотой и пением;

6 — своим пением славить Бога;

7 — существуют, потому что созданы природой, независимо от пользы для человека;

8 — затрудняюсь ответить;

9 — другое (Ваш вариант).

11. Поддерживаете ли Вы любительскую или спортивную охоту как способ закалки и получения удовольствия человеком?

1 — да;

2 — нет;

3 — затрудняюсь ответить.

12. Как Вы считаете, везде ли нужно уничтожать сорные растения и вредные для человека насекомых? (Отметьте один вариант)

1 — да, повсеместно;

2 — нет, они должны жить только на участках дикой заповедной природы;

3 — нет, их нельзя уничтожать нигде, они имеют такие же права на жизнь, как и другие живые существа;

4 — затрудняюсь ответить;

5 — другое (Ваш вариант).

13. Итак, с Вашей точки зрения, человеческие интересы и потребности по сравнению с интересами и потребностями животных и растений, дикой природы в целом (Отметьте только один вариант):

1 — имеют более высокую ценность и значение;

2 — имеют равную ценность и значение;

3 — затрудняюсь ответить;

4 — другое (Ваш вариант).

14. Как известно, дикая неизменная человеком природа в нашей стране охраняется государством путем организации природно-заповедных территорий. Наиболее ценные из сохранившихся природных участков изучаются и охраняются в природных и биосферных заповедниках (ПЗ, БЗ), а в национальных природных парках (НПП) — изучаются, охраняются и в ограниченных масштабах используются для организации туризма и отдыха. Какой из заповедников или национальных парков Украины Вы лучше всего знаете и где он расположен?

А. Название и категория (ПЗ, БЗ, НПП);

Б. Местоположение.

15. Если можете, пожалуйста, назовите ближайший к Вашему месту жительства заповедник или национальный парк

16. В Украине сегодня насчитывается 20 заповедников и 11 национальных парков, что составляет около 0,7% и 1% территории страны соответственно. Как Вы считаете, достаточны ли их количество и площадь для такой страны, как Украина? (Для каждого из случаев выберите один из вариантов):

1 — недостаточно, надо увеличить;

2 — достаточно;

3 — более чем достаточно, можно даже уменьшить;

4 — затрудняюсь ответить.

Категория

Природные и биосферные заповедники

Национальные природные парки

Оценка достаточности в Украине количества

площади

17. Первый заповедник на территории современной Украины был создан в 1898 году как частный. А преимущественно в чьем ведении и подчинении, с Вашей точки зрения, должны находиться современные заповедники и национальные парки нашей страны? (Отметьте не более двух вариантов)

1 — государственных органов власти;

2 — природоохранных общественных организаций;

3 — частных компаний, фирм;

4 — частных лиц;

5 — другое (Ваш вариант);

6 — затрудняюсь ответить.

18. Что, по Вашему мнению, является символом Украины? (Отметьте три варианта и составьте среди них “рейтинг”)

1 — киевская футбольная команда “Динамо”;

2 — флаг Украины и герб Украины;

3 — гимн Украины;

- 4 — природные ландшафты Украины;
- 5 — сало;
- 6 — Киево-Печерская Лавра;
- 7 — река Днепр;
- 8 — заповедники и национальные парки Украины;
- 9 — Президент Украины;
- 10 — другое (Ваш вариант);
- 11 — затрудняюсь ответить.

19. Выберите, пожалуйста, среди известных Вам видов каждого из предлагаемых объектов живой природы тот, который, с Вашей точки зрения, может считаться символом Украины

- Дерево
- Птица
- Цветок
- Зверь

20. Назовите, пожалуйста, если можете, самую высокую горную вершину Украины и район ее расположения

Вершина
Местоположение

21. Знаете и соблюдаете ли Вы какие-либо народные традиции и обычаи, связанные с охраной природы?

- 1 — знаю и соблюдаю;
- 2 — знаю, но не соблюдаю;
- 3 — не знаю.

22. Представьте ситуацию. На выходных Вы решили отдохнуть с семьей. Но друзья предлагают Вам принять участие в бескорыстной массовой экологической акции (расчистка озера, уборка парка и т. д.), организованной активистами природоохранного движения. Как Вы поступите? (Выберите один вариант)

- 1 — категорически откажетесь, это не для Вас;
- 2 — вежливо откажетесь, пообещав принять участие в другой раз;
- 3 — согласитесь при условии, что акция будет широко освещаться в прессе, на радио и телевидении;
- 4 — согласитесь, если согласится вся семья;
- 5 — согласитесь безоговорочно;
- 6 — другое (Ваш вариант).

23. В каких природоохранных мероприятиях Вы принимали или могли бы принять участие по доброй воле? (Отметьте не более трех вариантов)

- 1 — расчистка озера, родника;
- 2 — уборка мусора на природе;
- 3 — посадка деревьев;
- 4 — обустройство памятника природы;
- 5 — выставка на природоохранную тематику;
- 6 — экскурсия на природу;
- 7 — марш протеста или манифестация в защиту природы;
- 8 — другое (Ваш вариант);
- 9 — не собираюсь участвовать.

24. В качестве кого Вы, скорее всего, готовы принять участие в данных мероприятиях? (Отметьте один вариант)

- 1 — организатора или помощника организатора;
- 2 — лектора, докладчика, экскурсовода;
- 3 — слушателя, зрителя;
- 4 — добровольной “рабочей силы”;
- 5 — другое (Ваш вариант);
- 6 — не буду участвовать ни в каком качестве.

25. Таким образом, с Вашей точки зрения, создавать природно-заповедные объекты и вообще охранять дикую природу надо потому, что она (Выберите три варианта и проранжируйте их по важности для Вас):

- 1 — резерв ресурсов материального жизнеобеспечения человека в будущем;
- 2 — нужна для отдыха и оздоровления человека;
- 3 — источник пополнения научных знаний;
- 4 — нужна для стабилизации экологической обстановки;
- 5 — нужна для образования и просвещения людей;
- 6 — воспитывает человека патриотом своей Родины;
- 7 — формирует в человеке сильный характер;
- 8 — обладает исторической памятью о важных событиях прошлого;

- 9 — источник добра;
- 10 — священна;
- 11 — величественна в своей красоте;
- 12 — самоценна независимо от пользы для человека;
- 13 — затрудняюсь ответить;
- 14 — не надо охранять.

Большое спасибо!

Теперь просим Вас сообщить некоторые сведения о себе:

1. Возраст: 1) 18—25 лет 2) 25—40 лет 3) 40—60 лет 4) старше 60 лет.
2. Образование: 1) начальное 2) неполное среднее 3) среднее общее 4) среднее специальное 5) неполное высшее 6) высшее.
3. Профессионально-квалификационный признак:
  - 1) служащий 2) рабочий 3) крестьянин, фермер 4) педагог, научный работник 5) медицинский работник 6) работник торговли и сферы услуг 7) военнослужащий 8) пенсионер 9) студент, учащийся 10) другое.

4. Сколько лет Вы проживаете в этом городе (селе, районе)?

- 1) с рождения 2) более 10 лет 3) 5—10 лет 4) 1—5 лет 5) менее 1 года

5. В какой части населенного пункта Вы проживаете?

- 1) в центральных районах 2) в окраинных районах частной одноэтажной застройки 3) в окраинных районах многоэтажной застройки.

6. Национальность (можно не указывать).

7. Вероисповедание (можно не указывать).

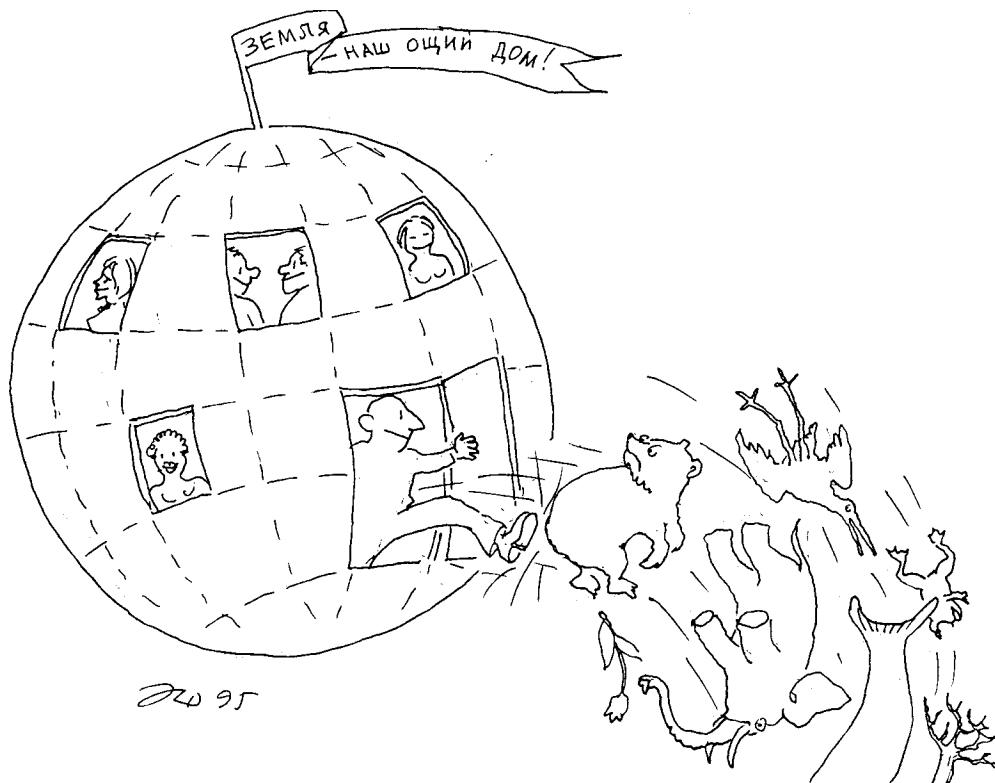

Рис. Э.Д. Шукурова.

Я – за природу. В том числе и за дикую

В.В. Дежкин

*Международный независимый эколого-политологический университет,
доктор биологических наук*

Где-то летом я получил от В.Е. Борейко приглашение поучаствовать в обсуждении проблем “дикой природы”. Осенью пришла пора выполнять обещание, и я приступил к работе. С огромным удовольствием листал “Эссе о дикой природе” (я совершенно искренний и давний почитатель Борейко — замечательного природоохранного публициста), впитывал в себя новую интересную информацию, которой насыщена книга. Делал отметки на полях в местах, кажущихся мне спорными. Выстраивал в уме будущие возражения. Но постепенно почувствовал, что серьезного повода для дискуссии вроде бы нет. Я давным-давно за то, чтобы на Земле сохранялись и существовали первичные природные ландшафты, счастливо избежавшие губительного внимания человека. За полвека заповедных, зоологических, охотоведческих и охотничьих странствий по Советскому Союзу и России я побывал в десятках, если не сотнях естественных природных уголков, и, конечно же, меня не может не беспокоить их судьба. С горечью узнавал об индустриальных преобразованиях чудесного урочища Шергжгалда в Западной Бурятии, прокладке БАМа у непередаваемой красоты Окуневых озер на севере той же Бурятии и множества других потаенных мест.

Следует сознаться, правда, что не всегда дикие территории приводили меня в состояние восторга. Копаюсь в памяти, вспоминаю тягостные впечатления от бескрайних западносибирских болот, покрытых бесчисленными мертвыми и умирающими березами. Представлялось, что природа слишком уж щедро отвела необозримые простран-

ства для этих очень своеобразных и непродуктивных ландшафтов. Предложение известного биолога В.В. Крюкова подвергнуть Западно-Сибирскую низменность коренной мелиорации вызвало у меня, однако, чувство активного протеста. Путь уж лучше будет так, как создал Господь Бог, нежели запускать в болота неугомонных отечественных “преобразователей”...

“Идея дикой природы”, “Религия природоохраны”, “О праве дикой природы на свободу”, “Право на жизнь и право на существование”, “Дикая природа как лик бога или любимой” (это все названия главок из обсуждаемой книги)... Пусть я не верю во все эти образы, пусть считаю, что природу нужно сохранять и без лишних (быть может, иногда кажущихся напыщенными) слов, но они искренни, идут от сердца, направлены на добро, и почему я должен возражать против них? Да, я не буду экзальтированным природопоклонником, но не могу не любоваться изящными аргументами В.Е. Борейко в защиту его веры, не радоваться обогащению “природоохранного арсенала” новым оружием. И потом в книге есть результаты изысканий, которым я всегда радуюсь, знакомясь с произведениями В.Е. Борейко. К таковым относится, к примеру, прекрасная главка “Идеи дикой природы в культурных традициях России.” Интересные мысли, превосходная подборка стихов на природную тему, имена давно забытых поэтов. Хорошо, Владимир Евгеньевич, и очередное Вам спасибо...

Но спора, однако, не избежать. Можно было бы сформировать разногласия вокруг вопроса о возможной доле диких ландшафтов в общем балан-

се земель нашей планеты и совмещения призывов к ее (доли) увеличению с растущими потребностями в производительных территориях растущего же населения Земли. Этот спор неизбежен в связи со всей совокупностью взглядов В.Е. Борейко и его последователей на проблемы охраны природы и природопользования; отложим его, однако, на будущее, он требует много времени и “пространства”.

Обозначим, наконец, предмет текущей дискуссии. Это – заповедное дело и некоторые взгляды В.Е. Борейко на его состояние и задачи (В.Е. посвящает этому делу две самостоятельные главки). Если мы выстроим все события хронологически, то окажется, что проблемы сохранения дикой природы официально появились в России в работах основоположников заповедного дела, о которых В.Е. Борейко прекрасно осведомлен. Именно заповедники предназначались первоначально для сбережения (и изучения) участков нетронутой российской природы. Если, по мнению автора, вновь обозначилась проблема дикой природы, то следовало прежде всего проанализировать: почему почти 100 имеющихся заповедников (и 35 национальных парков) не справляются с выполнением изначально сформулированной для них основной задачи? Зачем им нужны “подпорки” в виде “wilderness area” и других форм ООПТ? Косвенные ответы В.Е. Борейко на эти острые вопросы меня не удовлетворяют, а прямых рассуждений почти нет...

Прежде всего: взаимоотношение, взаимодействие природных заповедников и национальных парков. И В.Е. Борейко, и А.А. Никольский с удивительным упорством отождествляют эти охраняемые территории, не обращая внимания на их огромные и принципиальные различия. Да, парки активно участвуют в охране ландшафтов, в том числе и с дикой природой, для это-

го у них есть заповедные зоны (полный аналог заповедников) и зоны строгого режима. Однако, национальные парки (мы прежде всего имеем в виду американские) – это многофункциональные, комплексные образования. С замечательным прозрением родители национальных парков предназначили их для “уединения, вдохновения, просвещения, удовольствия”. Любуйся природой, в том числе и дикой, получай информацию, отдыхай, размышляй, гуляй (правда, подчиняясь определенному регламенту), если позволяют ресурсы (или есть необходимость в регуляции численности), охоться, лови рыбу... Все гармонично, все для удовольствия человека при соблюдении полной способности живой природы к самовосстановлению. Какая досада, что когда-то Советский Союз выбрал одну лишь, прекрасную, но ограниченную заповедную тропу! Запоздалый переход с нее на тропу национальных парков оказался в наших условиях не очень эффективным...

Кстати, об охоте и рыбалке. Вне гуманитарного контекста: почему их разрешение на зонированной территории национальных парков, при сохранении строгого режима заповедной зоны, так возмущает некоторых людей, с которыми солидарен и автор? Парки выполняют свои природоохранные функции, участки дикой природы в полной неприкосновенности, в чем причина недовольства? По-видимому, существует непонимание комплексных функций этих учреждений, пренебрежительное отношение к таким важнейшим видам рекреации, как охота и рыбная ловля.

Напомним (опять-таки не затрагивая гуманитарных аспектов проблемы): в США около 70 млн. любителей-рыболовов, охотников-любителей, людей, ведущих наблюдения в дикой (! – В.Д.) природе. В 1996 году от них был получен доход в сумме...106 млрд. (миллиардов!) долларов. Часть этой

суммы – с территории национальных парков. Не кажется ли уважаемым оппонентам, что эти занятия заслуживают серьезного внимания даже с чисто экономической точки зрения? Получить почти пять российских государственных бюджетов только за любования естественной природой, добывание (в рамках дозволенного и разумного) какого-то числа зверей и птиц – это все-таки может заставить задуматься даже самого ортодоксального природолюбца. Тем более, что значительная часть полученных доходов “возвращается в природу” в виде ассигнований на ее изучение, охрану и воспроизводство. Лишними были бы для наших нищих национальных парков несколько миллионов (хотя бы миллионов) рублей от любительской охоты и рыбалки? Без ущерба для их главных задач, в том числе и по сохранению дикой природы в заповедных зонах?

И еще раз “кстати”: численность “нещадно эксплуатируемых” охотничьих животных США неуклонно ползет вверх! Одних только белохвостых и чернохвостых оленей в том же 1996 году в стране было свыше 30 миллионов. Изобилие некоторых видов диких животных стало серьезной проблемой для многих штатов США. Медведи (черные), являющиеся, по мнению В.Е. Борейко, индикаторами дикой природы, крутятся в окрестностях ферм и ранчо, запугивая их хозяев. Ущерб от столкновения на дорогах диких копытных животных с автомашинами превышает 1 млрд. долларов в год. Можно, конечно, запретить “жестокую и бессердечную” охоту, но необходимость интенсивного регулирования численности и размещения живности по территории останется...

И еще об экономике, на этот раз заповедной. В.Е. Борейко пишет: “Часто приходится встречаться с предложениями некоторых природоохранников и экономистов подсчитать эконо-

мическую стоимость заповедника, заказника, иного участка природы... Однако все эти попытки утопичны и объясняются незрелостью нашего морального осмысления дикой природы” (с. 36).

Позволю себе самоцитирование: “... Каждый заповедник, созданный на твердой научной основе, самоценен и “оправдывает” себя самим фактом своего существования и качественного осуществления свойственных ему функций.” Это было написано и опубликовано в 1988 году. Значит, мы с В.Е. Борейко единомышленники и отрицаем необходимость экономической оценки заповедных территорий? В том то и дело, что нет. Приведенная формула “самоценности” – для “своих”, для, как пишет коллега, “природоохранников” (очень неприятное слово, к которому В.Е. Борейко, однако, твердо привержен). От нее необходимо “отталкиваться” при всех выступлениях в пользу ООПТ. В “большом мире”, живущем по определенным канонам и традициям, экономическая оценка заповедников, к сожалению, необходима, ибо она позволяет “вписать” их в единый государственный экономический механизм. С волками жить – по-волчьи выть, – вольно и по-зоологически прокомментируем мы эту ситуацию. Наши министры и губернаторы еще нескоро окажутся способными к “моральному осмыслению дикой природы”. Кстати, и последняя, вероятно, в будущем станет объектом экономической оценки. Ничего не поделаешь...

В.Е. Борейко выстраивает идеологию заповедного дела, и это полезно, хотя не во всем с автором можно согласиться. Однако он не пытается ответить на главный в данном контексте вопрос: какова роль нынешних заповедников в охране дикой природы, в выполнении ими изначальной и главной функции? В каком числе и в каких заповедниках существуют участки

такой природы и как они охраняются. Почему многие заповедники вольно или невольно уклонились от реализации принципа, завещанного им отечественными основоположниками? И в конечном итоге: на самом ли деле современный российский заповедник является именно заповедником, а не чем-то иным? Богатейшее поле для размышлений, которое впервые попытался вспахать бессменный редактор превосходного (и природоохранного!) охотничьего журнала О.К. Гусев. Еще в 1969 году он усомнился в обоснованности отнесения к числу заповедников многих охраняемых природных территорий и предложил “разложить” их аж по шести полочкам. Корифеи заповедной науки призыв не услышали или не поняли.

Воронежский заповедник создавался, вопреки всяким заповедным принципам, в окружении сел, при наличии на его территории железных и грунтовых дорог общего пользования, свободно выпасаемого скота окрестного населения, заготовки дров и сена, сбора грибов и ягод, ловли рыбы и т. д. и т. п. Когда я пришел туда в 1953 году, к диким ландшафтам можно было отнести – и то довольно условно – некоторые участки ольховых крепей в поймах Усманки и Ивницы. Во всех прочих местах присутствие человека было почти постоянным и очень явным. Но дикая природа мешала бобрам, продуктивность коренных ольшанников была низкой, и их стали вырубать и культивировать ивами и осиной!

Следует недвусмысленно признать: мы часто заповедали не то, что нужно, не обращая внимания на наличие или отсутствие нетронутых первичных ландшафтов. По трудному признанию историка заповедного дела Ф.Р. Штильмарка, около двух третей наших заповедников не отвечают заповедным идеалам, созданы с их нарушением. Это видят и знают все, но призывы нор-

мализовать ситуацию, придав “незаповедным заповедникам” соответствующий реальной обстановке статус, остаются без ответа. Вот о чем надо было прежде всего писать, обсуждая судьбы диких территорий России в связи с состоянием заповедного дела.

В завершение выскажусь несколько неожиданно. Книга, как и все написанное за последние годы В.Е. Борейко, восхищает меня, но и заставляет подбирать и оттачивать аргументы для будущих дискуссий с коллегой. В частности, я пришел к мысли о напрасности яростных и бескомпромиссных нападок на антропоцентризм и антропоцентристов, которыми так богаты труды В.Е. Борейко и его единомышленников. Как еще сильны в нас остатки советского менталитета, в котором важнейшее значение придавалось навешиванию ярлыков! Пришилил противника, заклеимил, и пусть он барахтается. В конечном итоге – вся наша жизнь, все наши усилия направлены на то (извините за банальность), чтобы людям жилось лучше и легче. И даже дикие территории – для блага *Homo sapiens*. Но человек в центре внимания общества – это и есть антропоцентризм! Уничтожьте или изолируйте негодяев и эгоистов, привейте большинству людей экологическое мировоззрение, заставьте и научите любить и беречь природу, “пропитайте” их биологической (экологической) этикой, и что останется от биоцентризма как антипода антропоцентризма? Конечно, нового, обновленного на принципах биоэтики (!) антропоцентризма... Эти доводы мы еще используем в спорах с уважаемым автором, ибо его прекрасные (и все-таки прекраснотушные) построения в пользу Природы часто оставляют слишком мало пространства и ресурсов для Человека на этой земле. Ведь, в частности, он так и не обозначил место дикой природы в современных ландшафтах, не привел ее территориальных ограничений. А это, увы, необходимо.

Экология – наука, движение, философия... религия?**А.Р. Крылов, И.А.Крылова**Издательство “Русский университет”,
Православный Свято-Тихоновский Богословский институт

Авторы статьи – люди православные, поэтому речь в статье пойдет именно об этом – об экологии и о православии. Наша задача не убедить читателя в полном соответствии Библии и христианства с экологией (что было бы странно) или в полном их противоречии друг другу (что есть неправда). Нет, наша задача скромнее – попытаться показать, что Церковь и экология совершенно замечательно и мирно могут сосуществовать, ибо (и пока) занимаются разными проблемами. Как сосуществует мирно христианство с медициной, астрономией, экономикой, спортом и проч. До тех пор пока медицина не превращается в экстрасенсоричу, а спорт в медитативную практику. Правда, у обширного НЕЧТО, называемого ЭКОЛОГИЕЙ, есть сегодня немало шансов стать в шеренгу рядом с астрологией и каббалистикой. Слава Богу, пока это – только шансы.

И еще – это можно назвать главной надеждой статьи – хочется обратиться природоохранников к более авторитетным источникам, особенно если эти люди начинают говорить и действовать в незнакомой им, но значимой области.

Часть 1. Эко-нео-язычество или “Царство интегральной дикости”*

Собственно, началось все с преткновения о целый ряд различных высказываний в экопрессе, которые вольно или невольно оставляют на душе неприятное впечатление противохристианских, а точнее сказать вполне неоязыческих.

* Rolston III Holmes, 1992, National Parks. Цит. по [1], с. 56.

Первое, что задевает исследователя – это отрицательное отношение ко Христу и христианству. (Да в общем-то и к другим т. н. традиционным религиям.) От простого игнорирования Церкви до ее открытого неприятия и обвинения во всех бедах. Если взглядеться чуть пристальней, то легко обнаружим в таком отношении результат идеологической работы КПСС. Нисколько не потревоженный знакомством со ставшими доступными первоисточниками и справочниками, а напротив того подкрепленный влиянием различных нью-эйджевских течений. Религиозное сознание Церкви воспринимается исключительно как отжившая форма, полная путаницы и странных суеверий. Сознание абсолютно чуждое научным представлениям о мире. Хотя странными суевериями полны как раз предлагаемые вместо христианства различные формы поклонения природе. Причем проповедующие это поклонение как-то не замечают, что оно тоже есть форма религиозного сознания. Только аморфного, не взятого в строгие рамки богословия.

Попробуйте-ка истолковать иначе такое вот заявление: “КАРЛ: Культура формировалась в процессе исторического развития. Но только язычники поклонялись Природе – деревьям, рекам, животным... На смену язычеству пришли христианство и ислам, а с ними и антропоцентризм. Теперь мы перешли к формированию у Человека экологического мировоззрения для сохранения среды его обитания. ([2], с. 22)”? Разве тут не прямо указано на замену христианства “экологическим мировоззрением”? Но что вкладывается в это понятие? Вот описание глав-

ного героя книги: “Дерево жизни — универсальный символ мироздания, общий для многих культур. Корни дерева находятся в нижнем мире <!> и населены земноводными, пресмыкающимися и подземными духами <!>. Его ствол проходит через срединный мир и населен зверями и иногда <!> людьми. Крона дерева раскинулась в верхнем мире, и в ней живут птицы и духи небесные. Тройственность древа также символизирует три части любого процесса: начало, развитие и завершение. Дерево жизни помогает людям понимать единство и порядок Вселенной.” (там же, вкладыш) Так это и есть “экологическое мировоззрение”, которое формируют у детей <!> и министров?!

Второй тезис, ставший уже общим местом — это тезис универсальности, т. е. в нашем контексте утверждение что все религии одинаковые: “Принципы праведной жизни, способной спасти от неизбежного, практически одинаковы во всех религиях и сводятся к самоограничению в потреблении материальных благ в сочетании с неограниченным духовным или интеллектуальным прогрессом” ([3], с. 31). И потому подлежат простому суммированию в единственно полезном деле защиты природы. Особенно изящно эта нелепица всеобщей унификации (правда, в отношении не религий, а обычаев) выражена в следующей сцене: “ТАНЯ: У казахов и киргизов в честь прилета орла устраивали большой пир. Убивать его считается тяжким грехом. КАРЛ: А жители Сицилии убивали осоеда, чтобы жены не изменяли мужьям. ДЕРЕВО: Сколько стран, столько обычаев. А природа на всех одна. КАРЛ и ТАНЯ (хором): Значит, мы должны объединить усилия для ее сохранения.” ([2], с. 23)

Нет, ну как вы себе это представляете: сицилийцы позволят женам изменять? Или, может быть, киргизы перебьют своих орлов? Аналогично и рели-

гии не могут быть приведены под один знаменатель. Конечно, и шаман, и буддист, и христианин могут вместе, не предавая своей веры, сделать что-нибудь совместное — например, посадить лес или подкормить лося — но это они могут сделать вовсе не потому, что их религии — это одно и то же, а как раз потому, что *эта проблема лежит в стороне от основных религиозных целей*. Но коль скоро лось окажется идолом, а его кормление — жертвоприношением, то христианин уже не сможет в нем участвовать. Буддист сможет наверное — пока от него не потребуют сострадания.

Наряду с универсальностью внешней существует наукообразный тезис о всеохватности самой экологии. Это сильное, но ничем не доказанное (кроме ряда аналогий) утверждение о том, что все процессы в человеческом обществе: будь то поведение человека, экономика, культура, социальные процессы, или религиозные движения, — протекают согласно законам, открытым для биологических сообществ и объектов. Самые популярные — сукцессия и эволюция.

Да, я как человек во плоти обладаю рядом характеристик (массой, электропроводностью, габаритами, плотностью, продолжительностью жизни, полом, кожным покровом, количеством конечностей и т. д.) и подчиняюсь своей плотью плотским законам естества. Но все это еще не делает меня человеком, даже ветхим. Не отличает меня от животных и от других людей. Как бы ни объяснять происхождение различий, но человек это нечто большее, чем набор его характеристик как физического тела. Человек это тот, кто всем этим обладает. Тот, кто подчиняется (или кстати говоря не подчиняется) законам Божеским и человеческим. А господа, воспевающие “экологический подход”, одну из моих второстепенных характеристик делают главной,

определяющей все мое человеческое существование (см. об этом, например, статью К.А.Корчагина “Куда нам девать поведенчиков?”, 1990-е гг., рукопись).

Еще один мотив, прямо вытекающий из предыдущих — это мысль о главенстве ЭКОЛОГИИ над всем: религиями, культурами, нациями, экономиками, государствами и проч. Безусловно, главный вопрос экологии — это вопрос жизни и смерти. И это главный вопрос не только экологии. Это главный вопрос человека вообще. Но это уже не вопрос науки. Наука лишь может начертить, да и то покамест приблизительно, границу между этими двумя состояниями. А вот дальнейшая задача уже по сути своей религиозная, мировоззренческая — что значат жизнь и смерть? Ради чего и как стоит жить? Есть ли что-нибудь, ради чего стоило бы умереть? В чем смысл и того, и другого? И если экология попытается самостоятельно дать ответ, то она неизбежно станет сама религиозной системой.

Главный проповедник такого становления — киевский эколог г-н Борейко. От достаточно туманного морализаторства: “Нужна новая моральная структура, то есть сеть признанных обязательств и обязанностей перед дикой природой. И тогда вопрос “Какая польза от дикой природы?” станет таким же абсурдным, как и другой — “Какая польза от счастья?””. ([1], с. 7) до вполне осознанного откровения: “Таким образом можно говорить о существовании особой, до сих пор не идентифицированной обществом, своего рода общественной религии, не имеющей ничего общего с церковными и традиционными верованиями. Это есть религия природоохраны, основанная на почитании участков дикой природы как священных мест” ([4], с. 39). При этом симпатии свои он явно отдает язычеству: “На мой взгляд перспективны язы-

чество и буддизм, наиболее экологичные религии” ([4], с. 91). Это бы ладно, но он решает и за Православную Церковь: “Идеология заповедного дела, основанная на ... культе дикой природы также будет поддержана православной традицией” ([1], с. 51).

Вообще надо отметить, что при завидной плодовитости автора мысль его страдает эклектичностью и поспешностью. Вот, скажем, он походя дает новое определение святости и монашества: “Святые отцы, например, писали, что Макарий Александрийский “более всех иных людей любил пустыню, и исследовал ее самые дальние недоступные просторы...” (Bratton, 1988). Любить пустыню, исследовать пустыню, охранять пустыню — означало стать святым” ([1], стр. 14)*. Доселе монахи ставили себе совсем другие цели. “Первое дело наше теперь — взойти опять в живой союз с Богом чрез очищение себя от страстей” (Св. Василий Великий).

“Присутствие Бога является важнейшей характеристикой дикости природы”. При этом “Не в церкви, но в диких местах человек находится ближе всего к Богу” ([4], с. 39). (Трусоватый какой-то бог у г-на Борейко — в церковь зайти боится... Вам это никого не напоминает?). Правда, в другом месте В.Е. Борейко признается: “О Боге нужно сказать отдельно. Есть ли Бог? Наверное, да. Но только в человеческом сознании. Необходим ли Бог заповедному делу? И да, и нет. Да, поскольку существует необходимость в высшем авторитете. Нет — поскольку он слиш-

* Вот собственные слова св. Макария Великого о святости: “И всякая душа, которая не прияла Его <Господа> в себя и не успокоилась в Нем, не имеет наследия со Святыми в царстве небесном, и не может войти в небесный град. Ты Сам, Господи Иисусе Христе, введи нас в оный!” ([5], с.172).

ком абстрактный. Но это уже из-за нашего скептического ума. Бог предполагает веру. Одним экопросвещением улучшить отношение к заповедникам миллионов людей невозможно” ([1], с.71).

Обратите внимание на постановку вопроса: “Необходим ли Бог заповедному делу?” А стоило бы спросить, необходимо ли заповедное дело Богу? Так кто является “высшим авторитетом” для самого г. Борейко? А “бог” это так, для внешнего пользования. Но должно разочаровать г-на тайного атеиста: даже если видеть в боге не личность, а только абстрактный высший авторитет, отождествленный с дикой природой, то это все равно божество. Пантеистический, безличностный, но бог — высшая сила и объект поклонения. Так что “нужен” он или “не нужен”, но это уже бог.

Профессор А.А. Никольский призывает: “Основу концепции организации заповедников и нац. парков должна составлять ЭТИКА БЛАГОГОВЕНИЯ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ, наиболее глубоко развитая в трудах Альберта Швейцера” [6]. При этом Никольский вполне сознательно противопоставляет Швейцера христианству: “Принципиальное отличие этики благоговения перед жизнью от духовной практики, например, христианства состоит в отношении человека к внутреннему конфликту. Христиан от внутреннего конфликта освобождает исповедь, этика благоговения перед жизнью предусматривает постоянный внутренний конфликт — ничто не может освободить нас от осознания нанесения вреда другой жизни”. Конечно, прочесть не только Швейцера, но и какой-нибудь катехизис, дабы узнать, что исповедь освобождает от *греха*, а вовсе не от *осознания* своей *греховности*, г-н Никольский не позаботился. А жаль, потому как его прочтут сотни экологов, а того же св. Макария — в лучшем случае еди-

ницы: “(Человека, во грехе находящегося) Богу угодно снова ввести в жизнь, и Он увещавает его, чтобы восплакал и покаялся. И если человек продолжает сие делать (оплакивать себя), то кающегося в давних своих прегрешениях Бог убеждает снова плакать и приносить покаяние (чтобы всю жизнь в подробностях оплакивать)” [5]. Впрочем, совершенно справедливо, что никто кроме Христа, никакая “этика благоговения” неспособна *освободить* человека от греха. (Одно непонятно: откуда такой пиетет к *сохранению* своих *грехов*?) Конечно, будь речь в целом о чем-то постороннем, то можно было бы отнести все эти нюансы на счет естественной (для естественника) и извинительной религиозной необразованности. Но цели-то ставятся вполне религиозные.

И у А.А. Никольского: “чтобы население относилось к заповеднику так, как в традиционно религиозных странах относятся к храму”. И у самого Швейцера: “мораль благоговения перед жизнью способна содействовать преобразованию церкви в идеал религиозной общины, поскольку она *сама глубоко религиозна*” ([7], с. 337). “Если где-нибудь и каким-либо образом моя жизнь действует на благо другой, то моя *бесконечная воля к жизни переживает единение с бесконечным, в котором всякая жизнь едина*. ... Поэтому я воспринимаю в качестве предначертания моей жизни задачу повиноваться *высшему откровению воли жизни* во мне” ([7], с. 310, курсив наш). И именно это, откровенно (даже в советском издании) притязующее на особую религиозность, учение г. Никольский предлагает сделать основой концепции заповедного дела?

Нет, в принципе такое возможно, почему бы и нет. Попытка обрести помощь высших сил очень даже симпатична. Но тут есть два больших “но”: во-первых, предлагать традиционно

православному населению очередной эзотерический компот просто политически неоправданно; а во-вторых, чувствуется, что автору ни поддержка, ни обоснование заповедного дела чем-то высшим, божественным вовсе и не нужны. Нужен очередной пропагандистский лозунг для хотя и благовидных, но не прямых целей. Однако “незнание закона”, как известно, от ответственности не освобождает. И проповедь экоязычества, пусть и неосознаваемого самими авторами как религия, тем не менее является именно проповедью именно новой религии.

Стоит дополнить кое-что и о разнице в подходах к собственным грехам между христианством и этикой Швейцера. Если христианство предполагает возможность исповедания и оставления грехов, то оно же проповедует и постоянное сокрушение о своей греховности, лишаящей богообщения. Тогда как “Благоговение перед жизнью наполнило меня таким беспокойством, которого мир не знает. Я черпаю в нем блаженство, которого мне не может дать мир”, “Я испытываю радость, которая сохраняет меня от прозябания в пустыне жизни” ([7], с. 310), — т.е. вместо покаянного чувства, Швейцер проповедует самолюбование и восторженное умиление собственной добродетелью, — занятие малодостойное с любой точки зрения, кроме разумеется точки зрения этики благоговения перед жизнью.

Проходивший в Талдоме в 1999 году семинар под показательным названием “Культ природы и ее охрана” имел очень интересный лозунг: “Использование <!> традиций и верований в деле охраны природы.” [8]. (Интересно, как бы отнеслись зеленые к семинару спецслужб “Использование экологических взглядов и организаций для сбора и распространения информации”?) Судя по отчету (см. [4], с. 92) посвящен он был действительно созданию новой *ре-*

лигии, а никак не тому, чтобы понять уже существующие (христианство например): “Интересно было бы также выяснить следующие вопросы: ... Каковы перспективы формирования природоохранной религии в современном обществе” (Евг. Симонов, менеджер экостанции “Костенев Ям”). “Природоохранная религия — это не новая религия, а возвращение к истокам” (Лариса Кошпель, Московский шаманский центр<!>). Здесь мы с шаманом вполне согласные: экорелигия, или то, что вырисовывается в качестве таковой, просто игры в язычество, причем в его примитивные формы, с которых человечество начинало долгий и трудный путь восхождения к монотеизму и принятию Божественного Откровения.

Единственный трезвый голос (представленный в отчете) это голос Юлии Саяпиной: “Я ехала сюда с тем, чтобы получить представление о смысле изучения и применения культа(тов) природы, но должна честно сказать, что я его здесь не получила. Единственный пока понятный мне смысл — возможность манипулировать с их помощью отношением граждан к различным природным объектам, как это делает, по моему мнению, Киевский эколого-культурный центр”. “Если мы говорим о религии, то надо говорить о целостной картине мира. Пока таковой нет, говорить о какой бы то ни было природоохранной религии — рано.” К сожалению, совсем не рано. А очень даже пора.

Человек сотворен свободным. И если ему хочется верить в лешего и приносить жертву Ваалу — пожалуйста, сколько угодно. Человек свободен, в том числе свободен предать Бога, отступить, заявить, что Его нет или Он в пустыне. Но ведь проблема в том, что экологам исходно хочется совсем не этого. Им не нужны ни леший, ни Ваал. Они, отчасти инстинктивно, отчасти как дань моде, ощущают необ-

ходимость в религии, в Божием благоговении на свое дело. Но при этом не ощущают и не осознают в полной мере весомость и значимость того и другого. Ни для их личного спасения, ни для тех, кем пытаются манипулировать, ни для самой природы наконец. Им на самом деле важно чтобы “массы” веровали в божественность Биосферы (как раньше в непогрешимость КПСС) и близко не подходили бы к занесенным в святые перелескам и чащобам.

Но нельзя *играть* в религию, можно только *стать* ею. Нельзя взывать к гуманности обманывая *человека*. Нельзя рассчитывать на искренность, *притворяясь* верующим. А *став* верующим уже *нельзя оставаться всеядным*. Как нельзя рассчитывать на спасение, эксплуатируя имя Божие: “Многие скажут Мне в тот день: “Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?” И тогда объявлю им: “Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие” (Мф. 7, 22-23).

Но зато прекрасно можно сотрудничать с религиозными организациями. Если только общение не начинать с претензий на собственную исключительность и владение последней истиной. Зачем лезть со своим уставом в чужой монастырь? Зачем науку и действительно насущные проблемы природоохраны смешивать с болотными упырями, которые хороши как фольклорный элемент, но вряд ли вам понравятся воочию? Зачем наживать проблемы и конфликты там, где их нет и быть не должно? Где нет для этого ни почвы, ни оснований. А есть как раз почва для сотрудничества? “Многие современные противоречия, которые подчас описываются журналистами как межрелигиозные, на самом деле отражают конфликт между секуляризмом и целостным, традиционным религиозным миропониманием” [9]. Надо быть

корректнее в своих претензиях. А то уже сейчас в той православной среде, которая далека от каких-либо природоохранных проблем, слово “экология” воспринимается однозначно синонимом слову “сектантство”. И судя по всему их религиозный инстинкт не так уж далек от истины. А ведь исходным пунктом разногласий является как раз не религиозность, а необразованность. Не принципы, а беспринципная всеядность.

Полагаете, одни православные такие “закостенелые”? А не пробовал кто-нибудь сообщить мусульманам, что основной смысл их ислама — это охрана метеоритов в их первозданном, диком состоянии? Зато это сродство, эту моду на экологию, эту назойливую проповедь близкого конца света почувствовали сектанты. Этой модой пропитано все движение New Age. А неизвестный Мун строит даже свое экопоселение, призванное превратиться в мунитский Эдем на земле. Строят свой “город Солнца” и вассарионовцы. А вот французская экологическая секта “Храм Солнца” (†1994) уже ничего не строит — некому.

И дело не в одном семинаре или проповеди одного г. Борейко — налицо целая тенденция — от науки все больше переходят к религии. Требуют чтобы экология не только моделировала, описывала и предсказывала поведение биологических сообществ. Но чтобы она и спасала, и наставляла, и воспитывала, и чтобы к ней испытывали (причем все) религиозный пиетет. Чтобы она управляла политикой и экономикой, формировала сознание людей, образовывала духовность, пронизывала культуру. “Содержание термина “экология” таким образом приобрело социально-политический, философский аспект. Она стала проникать во все отрасли знаний, с ней связывается гуманизация естественных и технических наук, она активно внедряется в гуманитарные области знаний. Экология

при этом рассматривается не только как самостоятельная дисциплина, а как мировоззрение, призванное пронизывать все науки, технологические процессы и сферы деятельности людей” [10]. Почитайте внимательно экологические материалы — это стало уже общим местом. И нет-нет, да глядишь и вылезло что-нибудь эдакое. И вот загуляло уже по всем статьям выражение “во имя охраны природы”, а если для меня дорого только имя Отца и Сына и Святого Духа?

Часть 2. Чуть-чуть о православии

Мы согласны с интуицией экологов, усматривающих первопричину страданий твари (природы) и человека в нашей греховности. “Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, — потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покрившего (ее). Ибо знаем, что вся тварь совокупно стонает и мучится донныне; и не только она, но и мы сами...” (Рим. 8; 19-20, 22-23). И что преодоление любого кризиса начинается с обновления прежде всего самого человека. В чем же разница? Ведь почти о том же, о чем говорил Христос, — о самоограничении, о “ДУХОВНОСТИ”, о возврате к моральным ценностям, о “сумме человеческих качеств, определенных в священных текстах тысячи лет назад” — сегодня говорят все.

Что же мешает слиться в “братской семье” религий, объединенных ну хотя бы под знаменем экологии? Почему мы отстаиваем разделенность, а не единение? Что не устраивает в таком единении сегодняшних христиан? Как и во всей идеологии “общечеловеческих ценностей”, природоохранной этики, поисков “новой духовности”? А примерно то же, что не устраивало первохристиан в “веротерпимости” римских цезарей. Что всегда превращало “братскую семью” в “братскую могилу” — непонимание и пренебрежение основными

смыслообразующими принципами. Так же как цезари ставили статую Христа в Капитолии среди языческих богов и говорили: “мы теперь признали вашего Христа богом, признайте и вы наших богов и поклонитесь им (в основном конечно Цезарю, как земному божеству) — проявите и вы веротерпимость”. Так и сегодняшние экоюзычники говорят: “мы признаем ваше христианство, оно очень полезно, особенно для улучшения морали и для освящения родников и пустыней, но самое главное — это сохранение биосферы, и поддержание культа природы. Проявите веротерпимость — признайте наших богов”. Но признать-то можно только богоискательство, которое собственно и не требует никакого признания. Нам же надо свидетельствовать (как умеем) об Истине, которая все-таки Одна, точнее — Едина, а еще точнее — Троица: “Отец, Сын и Святой Дух: Троица Единосущная и Нераздельная”, может быть наше свидетельство поможет кому-то обрести Ее.

Еще одно отличие христианства от “экорелигии”. Предлагаемое экологами самоограничение фактически аргументируется необходимостью выжить. Плоть умервщляется (ограничивается в своих потребностях) исключительно для спасения самой плоти. А духовность служит скорее услаждению, от которого вроде и надо было бежать. В православии духовное совершенство — это цель, а умервщление плоти — средство, урок, помощь. “Дай телу потребное с малым лишением и, оставя его, весь обратись к душе” ([11], с. 436)

Представьте себе легчайший для Бога путь сделать всех верующими и христианами — просто открыться на секунду, когда “небо разверзнется от востока до запада”. В тот момент неверующих уже не останется. Но в том-то и дело, что этот момент наступит только тогда, когда каждый (последний) человек сделает свой окончательный выбор — с Христом или же без Него. Второе

Пришествие “в Славе” произойдет уже ПОСЛЕ нашего окончательного выбора. А до тех пор Господь ждет, Он будет надеяться до самого последнего человека, хотя результат Ему ведом заранее. И нам тоже. Результат плачевный для человечества и, увы, не только для человечества.

Вот еще одно коренное отличие от экорелигии, утверждающей: “Тигры” будут, будут ли люди?” ([3], с. 13) — “Тигров” не будет тоже. Мы вместе, хотя нам, людям, дано больше и за большее спросится. “Слушайте слово Господне, сыны Израилевы; ибо суд у Господа с жителями сей земли, потому что нет ни истины, ни милосердия, ни Богопознания на земле. Клятва и обман, убийство и воровство и прелюбодеяние крайне распространились, и кровопролитие следует за кровопролитием. За то восплачет земля сия, и изнемогут все, живущие на ней, со зверями полевыми и птицами небесными, даже и рыбы морские погибнут” (Ос. 4, 1-3). Христианский антропоцентризм провозглашает высшую меру ответственности (а не потребительства) — своими действиями и бездействиями человек уничтожит вселенную: “...от наших грехов могут погаснуть звезды. Наши скабрзности свернут дорожку Млечного Пути. Апокалипсис — это радикальный антропоцентризм. Мир кончится не из-за истощенности в нем физической энергии. Человек прикончит мир, а не энтропия” ([12], с. 15) Но и спасена природа будет вместе с человеком: “сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих.” (Рим. 8, 21)

Да, мы веруем, что у земной человеческой истории есть конец. (Но не конец жизни человечества). Но мы же помним, что “О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один” (Мф. 24. 36) и не впадаем в панику от первого удара землетрясения. Христианское смирение не есть страх перед природой или божеством.

Напротив, смирение — это бесстрашие в надежде на Божью волю. Да и самый Апокалипсис воспринимается христианским богословием не как нечто ужасное, чего нужно избежать, не как катастрофа или месть свыше, как он понят экоязычеством: “У этого общества нет будущего, Биосфера не может не уничтожить его...” [13]. “В наиболее близких нам культурно христианских текстах прошлая и будущая катастрофы описаны как “всемирный потоп” в Ветхом Завете и “апокалипсис” в Новом Завете. Суть и того, и другого одна — несправедно жившие были почти поголовно уничтожены и, ежели не одумаются, будут почти поголовно уничтожены опять” ([3], с. 30). Нет, Апокалипсис — это обетование Света, а вовсе не мрачное пророчество конца. И заканчивается он не угрозами, а нетерпеливым призывом “Ей, гряди, Господи Иисусе!” (Отк. 22, 20) и благословением: “Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь” (Отк. 22, 21). Это обетование окончательного воссоединения с Господом. Другое дело, что не грешимы так, то и конец бы был другим, но был бы.

Еще одно странное представление о христианстве связывает его исключительно с храмами и службой. А природа вроде как оказывается за рамками этого круга. На этом и спекулирует г. Борейко, а вслед за ним уже такой умный человек как Штильмарк начинает необдуманно повторять: “да, я природоохранник, а значит больше язычник, чем православный христианин” ([14], с. 38). Дескать, любовь к природе выводит за рамки православия. Но это же полнейшая ерунда! Обожествление природы выводит за рамки православия, а никак не восхищение ею. Ибо Господь открывается нам и через свои творения, через природу: “невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы” (Рим. 1,

20). Это т. н. естественное откровение. Поэтому любовь к природе столь же естественна в христианине, как и в другом человеке. Более того, христианин, по словам Честертона, знает Кому сказать спасибо за такое чудо, для него живая природа не случайная ошибка истории, а нечто целенаправленное и осмысленное, свидетельство любви Божией к человеку.

Но природа не отменяет церквей. Потому что посещение храма нельзя приравнять исключительно к культурному мероприятию, такому как поход в театр, например. Театр тождествен тому, что происходит на сцене. Происходящее в храме не тождественно видимому обряду. Ну что это за театр в 8 утра? Одно пробуждение чего стоит. А театр создан для удовольствий, и лишь после — для души. А тут встань спозаранку, да еще отстой 2 часа в душном помещении, увертываясь от локтей и каблучков, пытаюсь понять, что же там происходит, о чем тебе говорят и поют на полужнаком языке. А вот бабка за “ящиком” изъясняется на вполне родимом базарном диалекте. Что? Какое зрелище или удовольствие вы хотите найти в такой обстановке? Только подвигом можно назвать готовность променять на это утренний лес и щебет лягушек. Во имя чего подвиг?

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Только за этим и стоит идти в храм. Потому что там происходит то, чего нигде не происходит — Божественная Литургия: “Что-либо страшное в природе заставляет содрогаться всю тварь: гром, например, сотрясение земли, буря. В минуту Божественной жертвы в храме совершается дело страшнейшее, величайшее на земле и на небе; но совершается невидимо, духовно, пред лицом безпредельного Бога Троиственного, святых Ангелов, всего сонма Небесной Церкви, пред оком веры всех подвизающихся и живущих на земле, — невидимо тем не менее, однако же действи-

тельно” ([11], с. 465-466), только там, в храме есть возможность не просто побыть “ближе богу”, но принять Его в себя. Соединиться с Ним, и через то — со всей Церковью. Вот это то единение, к которому мы призваны Христом.

Да, Господь сказал: “плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле” (Быт. 1, 28). Но обладание еще не означает уничтожения или истребления. Напротив, у любого разумного хозяина или правителя его хозяйство процветает, а не погибает. Господь даровал нам эту землю: “вот, Я дал вам всякую траву сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя” (Быт. 1, 29). Так нам ли радоваться разрушению Божьего дара? Так что христиане и без языческих выдумок имеют достаточно оснований хранить и возрождать природу. Если только искусственно не навязывать нам ситуацию, когда “Биосфера” занимает место Христа, а ее спасение — место спасения души.

И что бы ни говорили, у христианства нет и не было противостояния с собственно наукой, в т. ч. и с наукой экологией. Мы не боимся науки, мы ей рады, потому что сказано: “Все испытывайте, хорошего держитесь.” (1 Фес. 5, 21); потому что “Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь. День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание. Нет языка, и нет наречия, где не слышался бы голос их. По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их” (Пс. 18, 2-5); потому что каждый хоть раз в жизни да испытал силу естественного откровения: “Он сомкнул глаза и, будучи на самом рубеже сна, успел еще услышать залетевший в хибарку призыв муэдзина — утреннюю благодарственную молитву за новый день и новый свет, ниспослан-

ные миру. Голос муэдзина, медный и чистый, плыл по ветру, как на широких крыльях, рядом с облаком навстречу солнцу, что медленно и торжественно поднималось из-за гор во всем своем вечном и немеркнущем величии! “Милостям твоим нет предела, и могуществу твоему нет границ!..” — пел муэдзин, и все в мире молилось — люди, звери, птицы, даже бессловесные деревья, трепеща и лепеча под ветром, спеша обогреть в лучах каждый свой листик.

По всему миру, от края до края, начинался день; шумели ветры — южный, северный, восточный и западный, блистали снеговыми вершинами горы, синим прозрачным пламенем светились моря, струились воды, горные и долинские, наливались злаки на полях, тяжелели плоды в садах, и виноград сквозил и золотился, накапливая в себе солнечный сладкий настой” ([15], с. 412-413.).

Нет в христианстве возражений против науки. Но возражения есть и будут против обожествления природы и религиозного перетолкования естественных процессов, чем как раз занимается экология-религия. Поэт прав: сапоги должен тачать сапожник, а вот пироги печь пирожник и никак не наоборот. Или говоря евангельским языком (Лк. 20, 25): “отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу”.

Литература

1. В.Е. Борейко “Святыни дикой природы”, — Киев, 1998.
2. “Общеввропейская стратегия сохранения биоразнообразия: Пособие для детей и министров. Взгляд с Востока.” Доманова Н.М., Мартынов А.С., Симонов Е.А., М.: Изд-во “Русский университет”, 1998
3. С.И. Забелин “Время искать и время терять”. — Рязань: “Сервис”, 1998
4. В.Е. Борейко “Божественное в дикой природе: попытка анализа и религия охраны природы”, Гуманитарный экологический журнал т. 1 в. 2.
5. Св. Макарий Великий, цит. по “Добротолубие” т.1, стр. 175, 1992.
6. А.А. Никольский “Этика благоговения перед жизнью как концепция заповедного дела”, цит. по: Борейко В.Е. “Святыни...”, стр. 89-92.
7. А. Швейцер “Культура и эстетика”, М.: Прогресс, 1973.
8. “Охрана дикой природы” (журнал) №2 (13) за 1999 г., стр. 49.
9. Митр. Кирилл, председатель ОВЦС МП, доклад на Межрелигиозном миротворческом форуме (Москва 13-14/XI-00) цит. по “НГ-религии”, №22(69) от 29 ноя. 2000 г.
10. Н.А. Воронков “Основы общей экологии” (уч. пособие), — М: Агар, 1997, стр. 6-7.
11. Свт. Феофан Затворник “Путь ко спасению”, М.: “Правило веры”, 1998.
12. Диакон Андрей Кураев “О нашем поражении”, СПб., 1999.
13. “Из проекта заявления о целях и задачах социально-экологического союза. Ноябрь-декабрь 1996 г.”, цит. по: С. И. Забелин “Время искать...”, стр.75.
14. Гуманитарный экологический журнал т. 1 в. 1, 1999.
15. Леонид Соловьев “Повесть о Ходже Насреддине”, М.: “Молодая гвардия”, 1957, Книга II “Очарованный принц” ч. 2.

Дикая природа и поэзия

Н.В. Морохин

*Культурологическое объединение “Китаврас”, г. Нижний Новгород,
доктор филологических наук*

Не чувствую себя специалистом в области того, что можно назвать именно охраной дикой природы. Однако работы В.Е. Борейко заставили ощутить грань между ней и другими направле-

ниями природоохранной мысли и деятельности, задуматься о ее мотивации. Ибо нельзя все держать в одной куче. Это человек мог позволить себе безнаказанно только в древности, когда еще

не умел – по нашим понятиям – думать. И нам пора осознать: если в защиту рощи приводят аргументы – “она красивая” и “подождите пилить, пока деревья не выросли”, то это очень разные точки зрения. Как потом выяснится, взаимоисключающие. Я глубоко благодарен В.Е. Борейко за то, что его книги заставляют задуматься о подобных вещах, поднять голову, осмотреться и не “урываться” в том, что называется “деятельностью”, но по большому счету лишено осознанной цели.

“Расщепив” охрану дикой природы и охрану биоразнообразия, В.Е. Борейко, разумеется, продвинул вперед наши представления о мотивации природоохранной деятельности. Не думаю, что их надо столь жестко противопоставлять, как это сделано у него. Однако примеры убеждают: случается такое, что “спасение” одного вида превращается в самоцель, хотя понятно – защитите участок дикой природы, и вопрос сам собой снимется. Охранители выхухоли, журавля, орлана-белохвоста должны прежде всего ощущать почву под ногами, ощущать их среду и об этой среде печься, остальное – бессмысленно и превращается в красивый жест. Но вероятно, все-таки не мне, гуманитарии, напоминать об этом лишний раз экологам: ученых людей с организованным мышлением подобные упреки не касаются.

Хочется поразмышлять о формах охраны дикой природы. Владимир Борейко справедливо говорит о необходимости государственного заповедования ее участков. И глубоко верно не допускать их превращения в “научные полигоны” для закладки канавок и цилиндров, отстрелов и отловов “с целью изучения”, в вотчины работников заповедников для сбора грибов и рыбной ловли. Дикая – значит дикая, все тут. С другой стороны, мне непонятен тезис В.Е. Борейко о том, что государство должно законодательно запретить

посещение незаповедованной дикой природы. Стоит только вдуматься в него, как становится ясно: это приведет к тому, что потребуются запечатлеть границы этой самой “дикой природы”, приписать ей некий статус, обозначить четко режим ее охраны. Сделав все это, мы просто-напросто получим новую охраняемую, то есть, заповедованную природную территорию. Тогда в чем будет разница? И не лучше ли употребить силы на то, чтобы сформировать у человека принципы общения с дикой природой? Как это ведется у сельских марийцев: в глухой лес, в бурелом там не ходят не потому, что можно заблудиться, а потому, что он “не для человека”. Это моральные нормы, это представления о мире – то, что ищет сейчас В.Е. Борейко запечатленным в культуре прошлого.

Об этом тоже хотелось бы сказать несколько слов.

Владимир Борейко, по его признанию, ценитель русской поэзии, любит стихи, где воссозданы образы природы. В недавних его работах мы находим немало обращений к поэтам XIX века. Но честно сказать, сам подход к ним смущает. “Пейзажная лирика” – вымученный школьными методистами термин – только его и можно применить к вырванным из произведений строчкам. “Примеры”, “доказательства”, “размышления” – ими В.Е. Борейко населяет стихи поэтов (против которых я, в принципе, ничего не имею). Вряд ли это приблизит нас к пониманию того, что авторы произведений желали донести до читателя. Но интуиция подсказывает: природа не может быть предметом поэзии, прошу извинения за тавтологию, по самой природе своей. Стихи пишутся о человеке. О его состояниях, о трепете его души, о печали, о сомнениях. Человек ищет себе отражение в окружающем мире, такое, чтобы оно позволило точнее передать то, что с ним делается. И поэт,

пытаюсь выразить переживание, что называется, хватает что попало.

Психологический параллелизм, идущий к нам из глубин истории человеческого сознания, ярче всего выражен в фольклоре. В основе этого принципа единения человека и мира попытка ощутить свое глубинное родство с деревом, птицей, волной, ощутить их и себя одинаковыми частями мира, разворачивающимися по одинаковым законам.

Поэты не “изображают природу”, они изображают свои ощущения. А “изобразителей природы” надо искать среди художников, рисующих наглядные пособия к урокам ботаники.

“Не то, что мните вы природа: Не слепок, не бездушный лик...” – пишет гениальный Тютчев. Но собственно что дает нам право вносить его в коллекцию “отразивших”, “поставивших вопрос”, “давших новое понимание”?

Конечно, последние строфы стихотворения о тех, у кого “весна в груди не цвела”, содержат слова “реки и леса”. Но пафос стихотворения – страстный протест против глубинной замкнутости тех, кто “живут в сем мире, как впотьмах”, кого “не встревожит и голос матери самой”. Кому может быть он адресован – духовно неразвитым людям, политикам, обывателям? Многозначность слова “природа” – еще одно средство “размыть” эту адресованность, сделать ее всеобщей, попадающей в каждого, кто узнал это начало в себе или в ком его узнали другие.

Другие “примеры”, на которые мы попытаемся взглянуть, приложив к ним контекст стихотворного произведения, обнаружат ту же широту, известную непознаваемость и простую непригодность для утилитарной цели доказательств “интереса”, “размышлений” и всего прочего.

Если у вас дома компьютер, то вас смутит программист, пришедший к вам его налаживать и достающий ключ восемнадцать на двадцать четыре. Ко все-

му приложим свой инструментарий. И к поэзии тоже.

А интерес к дикой природе, да, конечно же, он в русской литературе был. Еще Ломоносов, создавая свои оды (которые мы сейчас читаем с трудом и по очень большой необходимости исключительно), оставил сильные ее образы. Ну, вот вам хотя бы из “Оды на день восшествия на Всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года”:

Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком;
Секирным земледелец стуком
Поющих птиц не устрашал.

Вероятно, Ломоносов, помор, дитя природы, прекрасно осознал, прикоснувшись к цивилизации, что есть дикая природа. Он писал ее щедрыми мазками, населял языческими божествами, которые воплощали стихии, и эта природа жила отдельно от человека и грозила ему: “Там тьмою островов посеян Реке подобен Океан”, “Плутон в раселинах мятется... Он мрачный отвращает взор”. Мятущаяся, страстная, величественная природа без человека для ломоносовских од – достойная декорация для человеческих подвигов, порывов ума и вдохновения: они равны, равнозначны, утверждаются друг рядом с другом как два параллельных мира.

Ломоносов вряд ли был понят современниками. Иллюстрация к этой мысли – “Вздорные оды” Александра Сумарокова, которому такое понимание мира казалось забавным и напыщенным. “Борей замерзло рукою Из бездны китов извлекает...” – глумился Сумароков над этими масштабными картинами дикой природы у Ломоносова в пародии.

Карамзин, о котором пишет Владимир Борейко, был, выражаясь современным языком, культовым литератором двести лет назад. Но выхватывание цитат из него вряд ли убедит тех, кто его читал целиком, в склонности этого писателя к созерцанию дорогой сердцу автора дикой природы. Природа, приятная сердцу автора, – это некое уединенное место, “деревня”, где его герой “собирает цветочки и каждый завертывает в особливую бумажку”. Листочки подметены, “пичужечки” “нежат слух”. “Девственный лес” – образ, покоряющий романтичностью звучания и эротическим ассоциативным обертоном. Мы плохо знаем Карамзина. И может быть, в его неприятии дикой природы (на этом я настаиваю) сказался случай, имевший место в его детские годы. Юный Николай Карамзин гулял по заволжским лугам. И тут над его головой прогремел гром. Надвигалась страшная гроза. В этот миг из кустов вышел огромный медведь и двинулся прямо на мальчика.

Тот взмолился богу... Спустя какой-то миг чудовищный зверь был убит молнией.

Веду лишь к тому, что добывание цитат из “пейзажной поэзии” и аналогичной прозы годится лишь для монтажа как формы внеклассной работы. А монтажи эти, вероятно, кому-то все-таки нужны, иначе Бог не потерпел бы их существования на этом свете. Но мы, как серьезные люди, должны или подступить к материку русской поэзии всерьез, понимая ее правила игры, или отойти, выразив ей почтение и не разбирая ее всуе на “актуальные” цитаты. Лично я искал бы специалиста-литературоведа или человека, который сумел бы им стать. Такой исследователь смог бы ощутить тенденции в истории нашей поэзии, а не просто бросался бы словами “пейзаж”, “вдохновенная лирика”... Давайте посмотрим вокруг, нет ли такого человека? Владимир Борейко замечателен

тем, что он умеет находить исследователей, практиков, философов, в которых остро нуждается природоохрана.

Мне же хотелось бы представить кругу специалистов, занимающихся гуманитарной экологией, серьезную фигуру из русского прошлого – Николая Гавриловича Чернышевского. И выбрать его союзником в размышлениях о судьбах природы в истории русской мысли.

Чернышевский велик, и в этом вроде бы ни у кого, из тех, кто непредвзято читал его эстетические работы, не должно возникать сомнений. Но многие наши современники, философский идеал которых – туманный мистицизм и асоциальность русского “серебряного века” судят о нем по ходульным разработкам все тех же школьных методистов, которые любили в двух словах объяснять, что там привиделось во сне Вере Павловне и как нам теперь в свете этого жить.

Открыв “Эстетические отношения искусства к действительности”, “возвышенное и комическое”, мы обнаружим у Чернышевского здравые, мудрые суждения о красоте дикой природы и роли ее для человека. Они обгоняют свое время и в корне отличаются от того, что могли предложить до него карамзинисты или романтики.

Чернышевский постарался раскрыть один из ключевых вопросов эстетики – о прекрасном, об идеале. Чернышевский преодолел идущее от ума, от убойной гегелевской логики суждение о прекрасном как “полном осуществлении родовой идеи”. Его знаменитый тезис “Прекрасное есть жизнь” оказывается блестяще раскрыт: “прекрасно то существо, в котором мы видим жизнь такую, какова она должна быть по нашим понятиям, прекрасен тот предмет, который выказывает в себе жизнь или напоминает нам о жизни”. “В растениях нам нравится свежесть цвета и роскошность, богатство форм, обнаруживающие богатую силами, свежую жизнь”. Прекрасное в природе у Чернышев-

ского впервые оказалось самоценным после гегелевского “красоту природы составляет то, что напоминает человека”. Отвергает мыслитель и старое определение возвышенного как “перевеса идеи над образом”. Что же из этого следует?

А то, что эстетика Чернышевского впервые переселяет прекрасное из мира искусства в мир природы. И на смену тезису, что “прекрасное в природе непреднамеренно: уже по этому одному не может оно быть так хорошо, как прекрасное в искусстве, создаваемое преднамеренно” приходят новые суждения. “Неодушевленная природа не думает о красоте своих творений... Но тем не менее надобно признаться, что наше искусство не могло создать ничего подобного даже апельсину или яблоку...” И далее: “Стремление к жизни, проникающее в природу, есть вместе с тем стремление к производству прекрасного”.

Рассуждая об идеале, Чернышевский отмечает два начала – прекрасное и возвышенное. “Прекрасных и величественных пейзажей очень много”, замечает Н.Г. Чернышевский, но при этом оговаривает – величественное предназначено не для человека, он не

может и не должен жить рядом с ним, как не может и не должен каждую минуту переживать великие испепеляющие страсти.

Величественное, возвышенное у Чернышевского – и есть то начало, которое присуще дикой природе. Ею можно любоваться. Но по-особому: “впечатление, производимое на нас возвышенным в природе – страх, благоговение”. Разлив реки, обвал, ураган, водопад, сила льва и слона, Монблан, Казбек – вот примеры, восприятие которых заставляет “расширять, возвышать их до бесконечности”. Так Чернышевский наделяет окружающий мир свойством быть вместилищем идеалов при человеческом восприятии, красоты. Вместе с тем – красота не присуща одной ей, это некая составляющая, предпосылка, которая превращается, сплавляется с человеческим восприятием (если оно развито) в могучее эстетическое переживание.

И сегодня, размышляя о судьбах идеи дикой природы в русской культуре, возможно, есть резон перенести акцент с лирики на философскую мысль, которая подошла вплотную к пониманию красоты природы и ее видов еще полтора века назад.

Фетишизация дикой природы: нужна ли она?

А.А. Никольский

*Российский университет дружбы народов,
доктор биологических наук*

*Саше случалось звать и печали:
Плакала Саша, как лес вырубали.
Ей и теперь его жалко до слез ...
(Н.А. Некрасов, “Саша”).*

Развивая идею дикой природы, В.Е. Борейко высказывает множество мыслей, отражающих проблемы, накопленные к настоящему времени природо-

охранной практикой. Некоторые из них мне хотелось бы выделить в этой своей короткой заметке.

В.Е. Борейко нашел блестящее срав-

нение для того, чтобы показать отсутствие профессиональной этики среди сотрудников заповедников. Он пишет: “Чем ... заповедники отличаются от противочумных станций?”. Я работал и в противочумной системе, и в заповедной. Могу подтвердить: по числу изъятий мелких млекопитающих – почти ничем. Но, если в противочумной системе убийство тысяч животных оправдано слежением за состоянием природного очага чумы, представляющего реальную угрозу для людей, то в заповедной системе на 90 процентов этот “материал” не находит никакого применения.

Автор задается вопросом: “для убийства диких животных ради удовольствия неужели недостаточно обыкновенных охотничьих хозяйств?”. Вопрос риторический. Задавать его следует конкретным людям. Большинство причастных к заповедному делу даже в преклонном возрасте не могут расстаться с ружьями, хотя очень много говорят и пишут об охране природы. Мне, например, трудно понять, как Амирхан Магомедович Амирханов может одновременно курировать сохранение биологического разнообразия в России и быть членом редколлегии журнала элитных убийц “Сафари”, а также российского “Сафари-клуба”. К сожалению, слишком многим удается совмещать природоохранную риторику со страстью убийства дикой природы.

Большинству из них нужна дикая природа лишь потому, что она наполнена дичью.

Своей идеей дикой природы В.Е. Борейко ждет от общества невозможного – доброй воли. Я согласен, что это не только главное, но и единственное, что спасет мир. Но откуда она, эта добрая воля, возьмется среди простых смертных, если природоохранная элита не может подавить в себе страсть к разрушению?

Иногда противоречия в природоох-

ранной практике принимают крайне уродливые формы. Недавно я видел красивый фильм об одном из степных заповедников. Фильм начинался с показа семьи сурков, стоящих около норы. Один из них громко кричит. Но это не бодрый свист байбака, который мы слышим в степи, а вопль страдания. Сурки издают его, испытывая сильную боль (в капкане, например). Как удалось выяснить, телевизионщики очередной раз выкинули производственный трюк: они отловили сурка, посадили его в бочку и тыкали железным штырем до тех пор, пока несчастное животное не начинало кричать. А потом этого бедолагу просто убили, чтобы больше не мучился.

Но на этом “творческие находки” создателей фильма не кончаются. В кадре периодически появляется маленькая хорошенькая девушка, которая, то бежит по степи, то, сопровождая себя на фортепиано, поет “Песню сурка” Бетховена (фильм так и называется – “Песня сурка”): “И мой сурок со мною”. Умилительная картина. Почти у всех смотревших фильм на глазах выступили слезы.

В этом фильме показаны так же несколько причастных к заповеднику персонажей. Они иногда появляются в кадре и говорят в объектив что-то хорошее о природе. Очень мило рассказывает о семье сурков молодая сотрудница заповедника. Но эта замечательная девушка фильм о своем заповеднике сознательно ни разу не смотрела. Именно потому, что она знает, что в нем покажут плачущего сурка. Вот с кого должен брать пример весь наш заповедный народ.

Я абсолютно согласен с В.Е. Борейко в том, что в концепции заповедного дела обязательно присутствие морально-этического компонента: мы должны охранять дикую природу не только по экологическим или экономическим показаниям, но и по морально-этическим.

Но откуда что возьмется, если большинство из тех, кто ответствен за принятие решений в области охраны природы и заповедного дела, или определяют политику в этих областях, не могут подавить в себе страсть к убийству?

В “Идее дикой природы” В.Е. Борейко многократно выступает за право дикой природы против антропоцентризма. Я думаю, что сама постановка вопроса о праве дикой природы некорректна. Отказавшись от антропоцентризма, мы должны согласиться с тем, что человек, как зоологический вид, имеет со всеми остальными видами растений и животных, населяющих планету Земля, одно и то же право – право дожить до репродуктивного возраста и оставить после себя потомство. Причем, как следует из логики естественного отбора, любыми средствами. Животные, как известно, о средствах не задумываются.

Институт права создан человеком для удовлетворения общественных нужд. Вне общества это понятие лишено смысла. Если же мы будем настаивать на нем, то зайдем в тупик, так как не сможем определить, кому, сколько и каких прав в дикой природе положено. Человек никогда не согласится уравнивать себя в правах со всеми остальными существами, населяющими Землю. Использовать понятие “право” в отношении дикой природы не продуктивно, хотя бы потому, что в любом случае человек будет оперировать инструментом, отсутствующим у других видов, – разумом. Антропоцентризм, как массовое сознание, неизбежен. Достаточно сказать, что именно мы, люди, наделяем (или не наделяем) правами дикую природу и окончательно решаем, как с ней поступить относительно самих себя, людей. Нет другого субъекта на нашей планете, который бы сделал это за человека или вместо человека.

В.Е. Борейко часто ссылается на

американский опыт. Я сильно сомневаюсь, что в массовом сознании американцев эоцентризм преобладает над антропоцентризмом и тем более – эгоцентризмом. Как-никак США занимают первое место в мире не только по валовому использованию энергии, но и по ее использованию на душу населения. Источник энергии на Земле один – дикая природа.

Действие в США закона о дикой природе говорит лишь о том, что его “проталкиванием” занималось сильное лобби, а вовсе не о принятии массовым сознанием заложенной в нем концепции.

Другим, вполне определенным и ярко выраженным сюжетом “Идеи...” является фетишизация, обожествление дикой природы. Вопрос этот не так прост, как представляется В.Е. Борейко. Если называть вещи своими именами, то оказывается, что он призывает человечество оставить мировые религии и вернуться в язычество. Не углубляясь в эту проблему, я хочу лишь обратить внимание автора, что, как только произойдет возврат к язычеству, мы, люди, тут же потеряем основные моральные и этические принципы. 10 заповедей Моисея, на которых держится большая часть современного мира, имеют одни и те же истоки и в христианстве, и в иудаизме, и в исламе. В конце концов, человечество мучительно долго и с большими жертвами не для того уходило от язычества, чтобы возвращаться к нему. Если даже мы не считаем себя людьми верующими, то все равно наш менталитет основан на этих заповедях. Так глубоко они проникли в общественное сознание.

На протяжении всей книги В.Е. Борейко противопоставляет “хорошую” дикую природу “плохим” цивилизованным людям. А нужно ли это противопоставление? Для меня лично ближе идея гармонии человека с окружающим его миром. Стоит ли гордиться

философский огород на пустом месте? Что может быть проще и естественнее сохранения жизни во всех ее проявлениях, всюду, где это возможно? Со всеми степенями дикости, какие только возможны. И что может быть еще более образнее соприкосновения (неотчуждения) всех людей с дикой природой?

Феликс Робертович Штильмарк, кстати, заядлый охотник, на протяжении десятилетий ратует за “абсолютную заповедность”. Я категорически против того, чтобы абсолютная заповедность стала массовым явлением в нашем заповедном деле. Напротив, граждане (а не только Феликс Робертович) должны иметь возможность ощутить себя в объятиях дикой природы. Самые дикие, самые сокровенные ее уголки должны быть открыты людям. Только тогда они почувствуют величие окружающего их мира и безвозвратность потери. Это очень трудная задача – приобщить людей к дикой природе и одновременно сохранить ее. Куда проще обнести участок леса колючей проволокой – дешевле и мороки меньше, ну а для себя, природоохранной элиты, мы найдем, где поохотиться или просто погулять.

Чтобы не отчуждать людей от дикой природы, мы обязаны сохранять реликты ее в городах и вблизи поселений. Это должно стать основой градостроительной политики всех государств мира. Это тот минимум, который доступен, но не выполняется в силу непонятных для меня причин.

Я не понимаю, что заставляет строителей без особой нужды уродовать естественный ландшафт. Я родился и всю жизнь прожил в Москве. На моих глазах, например, долины таких замечательных речек, как Синичка и Таракановка (между метро “Аэропорт” и “Сокол”) были превращены в незастроенные площадки, залитые асфальтом. Зачем? Сейчас я живу в Чертаново. На

моих глазах долина очень живописной реки, вытекающей из Зюзинского леса (я не знаю ее название) была запружена и превращена в безобразный бассейн с бетонированными стенками, со дна которого выглядывают старые покрышки и прочая дрянь. Тот же вопрос: зачем? И нужна ли для решения таких простых вопросов философия дикой природы?

Конечно, В.Е. Борейко может сказать мне, что я не о том. Но ведь с этого все начинается. С потери ощущения дикой природы (пусть даже не слишком дикой). Каждый из нас может привести десятки подобных примеров.

Категорически нельзя отчуждать людей от дикой природы и, напротив, всеми доступными способами, массово, приобщать их к ней.

Я не могу так же согласиться с В.Е. Борейко в том, что участки дикой природы следует избавить от вмешательства науки. Другое дело, что это вмешательство должно быть щадящим по отношению к природе. К сожалению, мы слишком мало знаем о том, как устроен мир. Но так как выживание всего сущего на нашей планете зависит только от нас, людей, нам не оставлен выбор. Мы вынуждены, мы обязаны знать, что произойдет, если...

В.Е. Борейко хотел бы заставить людей массово любить дикую природу. Но можно ли заставить любить? Тем более, отчуждая людей от объекта любви – природы? Как тут не вспомнить Шекспира: “Огонь самой любви приводит к угасанию от нагара. И, если чувствам ходу не давать, они сгорают от переполнения”. Только соприкосновение людей с природой (пусть даже не очень дикой) сможет открыть для них всю ее глубину и привлекательность. Развитие системы национальных парков с соответствующей инфраструктурой, массовый туризм – вот, что особенно актуально для создания гармо-

нии между природой и современным обществом.

Возвращаясь к эпиграфу, я обращаю Ваше внимание, Владимир Евгеньевич, что некрасовская Саша не стала бы плакать о девственных лесах Амазонии, если бы даже знала, что они являются “легкими планеты”. Горькое чувство потери вызывает у нее умирание родного для нее леса, рядом с которым прошло ее детство. Думаю, что “родная природа” людям ближе, чем “дикая природа”. Тем более, что в отличие от степеней дикости, здесь не нужно разрабатывать степени родства.

И, наконец, я хотел бы обратить внимание на один очень не простой аспект этики благоговения перед жизнью А. Швейцера. Многие полагают, что

она основана на чувствах, разумеется, чувствах романтических. Но это не так. Во всяком случае, чувства – не главное. А. Швейцер не был романтиком. Главное – осознанный выбор между этичным и неэтичным, выбор, основанный на разуме (в отличие от охоты, где все подчинено чувству, страсти). А. Швейцер писал: “В конфликте между сохранением моей жизни и уничтожением других жизней или нанесением им вреда я никогда не могу соединить этическое и необходимое в относительно этическом, а должен выбрать между этическим и необходимым, и в случае, если я намерен выбрать последнее, я должен отдавать себе отчет в том, что беру на себя вину в нанесении вреда другой жизни”.

Идея дикой природы в понимании студентами-биологами

А.В. Подобайло

*Киевский национальный университет им. Т. Шевченко,
кандидат биологических наук*

Человечество в период своего становления на нашей планете развивалось как часть земной природы. Во взаимоотношениях с различными компонентами дикой природы оно получало элементарные экологические знания о жизненно необходимых свойствах воды и огня, о лечебных и ядовитых растениях, об опасности одних животных и способах добычи других. Человек был зависим от обилия даров природы, периодически ощущал их нехватку. Природа учила его экономно расходовать свои дары. Таким образом, еще до становления цивилизации, появился первый, сейчас критикуемый, но все-таки – природоохранный, ресурсный подход.

С другой стороны, природа стала источником религиозных воззрений.

Человек “цивилизованный” уничтожает дикую природу, поработав ее. Да, экологи забили тревогу и пытаются спасти исчезающие виды. Да, мы поняли, что спасти их (и себя) можно лишь сохранив места обитания (экосистемный подход). Привычные для нас современные природоохранные концепции хороши для биологов. Но мы катастрофически опаздываем. Природоохранные, даже вооруженные современными научными знаниями, не успевают противодействовать разрушению биосферы.

“Эссе о дикой природе” В.Е. Борейко предлагает новый путь. “Без новых идей и концепций мы обречены вновь и вновь повторять старые ошибки. Нам необходимо создать новые мифы, чтобы в третьем тысячелетии сохранить

биосферу. Одной из таких свежих и перспективных идей является идея дикой природы". В первой главе читатель имеет возможность всестороннего постижения идеи дикой природы. И уже на базе этих представлений в последующих разделах мы по-новому воспринимаем возможности охраны природы в современном мире.

Автор обработал великое множество литературных источников. Работа пронизана цитатами, и местами, довольно трудно читается. Однако благодаря такому стилю читатель получает возможность открыть для себя целый пласт западной природоохранной идеологии, до сих пор, к сожалению, у нас мало известной.

Весной 2000 года я предложил почитать "Эссе о дикой природе" студентам биологического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Одно из семинарских занятий спецкурса "Охрана животного мира", который читается студентам 4-го курса на кафедре зоологии, было посвящено обсуждению этой книги. Надо признать, что первая реакция молодых биологов была довольно скептической: "Сам термин "дикая природа" для меня имеет какой-то грубый оттенок и все сказанное о возвышенном и чистом перечеркивается одной фразой, несмотря на то, что в книге термин подробно описан". Идея дикой природы не вписывается и не может быть согласована с технократическим, антропоцентрическим подходом, который преобладает в нашем образовании: "У меня сложилось мнение, что подход автора к вопросу охраны окружающей среды (дела, безусловно, важно) не совсем научный" или "О природе нужно говорить по-другому как-то". Однако, по ходу обсуждения, анализа глав, студенты увидели, восприняли новые возможности, которые открываются для природоохраны. Не часто во время работы на семинарских заняти-

ях молодые люди так раскованно, заинтересованно и эмоционально обсуждают проблему: "Хочу отметить, что выше приведенные цитаты (и таких немало) по "духу" схожи с лозунгами на советских плакатах". "Описание красоты дикой природы как-то неправильно, при чтении возникает чувство какого-то дискомфорта, как будто мы рассуждаем о чем-то интимном, но кричим об этом перед всеми, как будто вытаскиваем голого человека перед толпой". Ознакомление с "Эссе..." расширило кругозор молодых биологов, заставило их мыслить по-новому, позволило увидеть совершенно новые ценности, которые присущи дикой природе. "В принципе со многим из книги я согласен, но не согласен со способом подачи информации, мне удастся выбирать из книги то основное, но кто-то другой выбрать не сможет, несмотря на то, что все разжевано, чуть ли не в рот положено. Но все-таки информацию нужно фильтровать".

Заповедание как один из основных способов защиты права дикой природы на свободу трактуется В.Е. Борейко как изоляция от человека. Это вызывает шквал критики: "Не отделять себя от природы должен человек, но сам измениться". "Изоляция природы от человека (заповедание) дело полезное, но таким образом природу не спасешь... Развитие человечества должно прийти к гармонии с развитием природы, человек должен жить среди природы, а не ходить "к природе в гости".

Опыт моей природоохранной работы свидетельствует о полезности и возможности уже сейчас использовать идею дикой природы на практике. В Украине из множества уникальных природных объектов на местах в наибольшей мере почитаются и, заметьте, охраняются людьми святые криницы. И совсем не потому, что это – источники кубометров чистой воды, а потому, что они священны, красивы. Воз-

рождать такие источники, во времена советской власти уничтоженные, считается делом достойным, почетным.

Наконец, хочу остановиться еще на одном моменте, важном для меня как патриота Украины. В нашем государстве сейчас очень остро стоит проблема единения. Общество поделено на

“красных” и демократов, украиноязычных и русскоязычных. Страна разделена на Западную и Восточную Украину. Говерла, Аскания-Нова, Карадаг... Вот тот цемент, который способен воссоединить общество, страну, примирить людей различных идеологических воззрений и национальностей.

Внутренняя ценность дикой природы. Что это такое?

Е.В. Поминова

Киевский эколого-культурный центр

*Если хотим измерить небо, землю и моря,
должны, во-первых, измерить себя.*

Г. Скворода.

В своем эссе “Современная идея дикой природы” В.Е. Борейко вводит много терминов, практически неизвестных отечественным природоохранникам: “священное пространство”, “Совершенно Иное”, “иерофания”, “степень дикой природы”, “дикость дикой природы” и т. п. Но одним из базовых является понятие “внутренней ценности дикой природы”.

Понятие, о котором пойдет речь в данной статье, отнюдь не ново, хотя применять его по назначению мы стали относительно недавно. За последнее время в природоохранной лексике появилось множество как абсолютно новых, так и абсолютно забытых (или умалчиваемых) терминов. Впрочем, само словосочетание “охрана природы” в конкретном смысле тоже как-бы возродилось из забвения.

Итак – охрана природы. Дикую природу необходимо охранять, потому что она имеет значимость, ценность. Какую? Нам много известно о различных видах ценностей – материальных, исторических, культурных, эстетических, духовных (или религиозных), воспи-

тательных и так далее. Однако, пока природоохранники исходили из важности вышеперечисленных ценностей, дело дошло до того, что ценности стали исчезать. Причем бесследно, навсегда.

Пришло время экологам обратиться к юристам и мудрецам, то бишь к философам. Сначала на Западе, а теперь и у нас заговорили о внутренней ценности природы, о ее правах и свободах. Оказывается, нужно не только охранять (или любить – как у нас всегда призывали), но и уважать, считаться с правами и достоинством того, кого охраняешь.

Попытаемся разобраться, в чем смысл понятия “внутренняя ценность природы”. Немецкий философ И. Кант в 1785 году писал: “Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице также всякого другого как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству”*. Даже наделяя природу свя-

* Здесь и далее цитируются работы И. Канта: “Критика чистого разума” (1781), “Основы метафизики нравственности” (1785), “Критика практического разума” (1788).

ценностью, человек всегда пытался использовать ее святую силу как средство для достижения своих целей – исцеления, благоденствия или каких-либо иных личных ощущений. Но признание священной ценности природы, наверное, ближе всего стоит к признанию ее внутренней ценности, “цели самой по себе”. “Разумная природа тем отличается от всякой другой, что сама себе ставит цель”. Внутренний закон, подчиняясь которому живет окружающий нас мир, когда мы не вмешиваемся в его жизнь – идеальный пример высшего порядка и организации в нем.

“Внутреннее совершенство природы, которыми обладают вещи, возможные только как цели природы и потому называемые организмами, нельзя мыслить и объяснить по аналогии с какой-либо из известных нам физических, т. е. природных, способностей и даже с помощью точно соответствующей аналогии с человеческим искусством, так как мы сами принадлежим природе в самом широком смысле”. Существование вещей самих по себе (“вещей в себе”) в отличие от того, какими они являются нам (“для нас”) должно быть принято в первую очередь в отношении природных объектов. Внутренней ценностью обладает объект, который сам себя рождает (или появляется на свет методом рождения), сам организует свою жизнь (“действие внутри себя”) и сам заканчивает цель своего существования. Средство для достижения цели – рождение (и продолжение рода), сама цель – действие внутри объекта и взаимодействие (взаимосвязь) с окружающим миром, но только посредством самовыражения. “То, что составляет условие, при котором возможно, чтобы нечто было целью самой по себе – это не только относительная ценность, т. е. цена, но и внутренняя ценность, т. е. достоинство”. Условия, в которых природа может существовать сама по себе, без нашего вмешательства

и даже помощи – единственный способ признания ее истинной ценности, ее достоинства.

“Только с точки зрения человека мы не можем судить о созерцаниях других мыслящих существ”. Кант называет человека “законодательствующим членом в царстве целей”, от морального и нравственного поведения которого зависит благополучие остальных членов общества. Признание автономии каждого природного объекта, уважение его цели – основа закона, которому должен следовать человек.

Попробуем обозначить простым примером понятие внутренней ценности. Обладает ли ваша любимая собачка, которая умерла от старости, внутренней ценностью? Да, обладает, потому что для вас она сохраняет историческую ценность, а по законам природы она продолжает существовать. Действие внутри животного закончено, но ведь целью природы было рождение, и цель природы еще не завершена. Обладает ли упавшее и гниющее столетнее дерево внутренней ценностью? Да, потому что оно является источником жизни для других природных объектов, цель его существования не завершена, хотя с точки зрения человека оно бесполезно. “Предметы – это не суть только вещи сами по себе, но и явления с присущей им формой”. Кант писал о том, что природа прекрасно самоорганизуется, и в каждом виде ее органических продуктов если и происходят отклонения, то только потому, что этого требуют законы самосохранения, зависящие от обстоятельств. Это “непостижимое свойство” Кант называет “аналогом жизни”. Действительно, каких только фантазий не выдумывал человеческий разум для уничтожения своей среды обитания, но “непостижимое свойство” каждый раз спасает если не свое, то человеческое достоинство с надеждой на взаимность. Кант призывает нас: “поступай так, чтобы максима

твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства”. Под “всеобщим законодательством” подразумеваются законы “царства целей”, признание цели любого природного объекта как имеющего свою ценность, достоинство, право выбора.

Зачем нам нужно подчиняться всеобщим законам природы, признать, понять или хотя бы поверить в ее внутреннюю ценность? Существует древняя диалектическая загадка. Если шар не проходит через отверстие, что верно: шар слишком велик или отверстие слишком мало? В нашем случае безразлично, что вы ответите, ведь нам неизвестно, что ради чего существует: шар для отверстия или наоборот. Но вы, конечно, не сможете не признать, что природа существует ради нас, а не мы ради нее. Человек исчезнет – природа останется. Природа исчезнет – ... Единственный способ решения нашей задачи – признание ее авторитета, автономии, силы и власти. Независимо от того, какую пользу мы можем извлечь из внутренней ценности любого природного объекта, мы должны признать или поверить в нее. “Мне пришлось ограничить знание, чтобы освободить место вере”, – писал Кант.

Конечно, спорным остается вопрос относительно внутренней ценности “разумных и неразумных” существ. “Предметы (die Wesen), существование которых хотя зависит не от нашей воли, а от природы, имеют тем не менее, если они не наделены разумом, только относительную ценность как средство и поэтому называются вещами, тогда как разумные существа называются лицами, так как природа уже выделяет их как цели сами по себе, т. е. как нечто, что не следует применять только как средство, и стало быть, ограничивает

всякий произвол (и составляет предмет уважения”). Но здесь можно обратить внимание, что все, о чем говорит Кант – разумное и неразумное, – создано и зависимо от природы. Именно она определяет, что есть вещь, а что есть лицо, что есть средство, а что – цель. Повторяюсь – природа, а не человек, определяет цели предметов, созданных ею, она назначает им цену (ценность), а не мы. Значит, природные объекты обладают своей собственной, внутренней ценностью и человек – “законодательствующее лицо”, назначенное природой, должен руководствоваться ее законами. “Никакой человеческий разум (даже никакой конечный разум, который по качеству был бы подобен нашему, но превосходил бы его по степени) никоим образом не мог бы надеяться понять возникновение даже травинки на основании одних только механических причин”.

“Органический продукт природы – это такой, в котором все есть цель и в то же время средство. Ничего в нем не бывает напрасно, бесцельно и ничего нельзя приписать слепому механизму природы”.

Когда в охране природы мы будем исходить из нравственных законов, признавая и помня, что мы существуем благодаря природе, а не наоборот, нам удастся доказать свою разумность и “законодательность”. Когда мы поверим в “совершенство вещи согласно цели, заключенной в ней самой” как верим в то, что существует душа в человеческом теле, тогда природа перестанет быть чужой для нас. “И чем более я размышляю, тем более две вещи наполняют душу мою все новым удивлением и нарастающим благоговением: звездное небо надо мной и нравственный закон во мне”, – последуем мудрецу...

Священные объекты дикой природы

А.И. Рыжиков

*Российское географическое общество,
кандидат экономических наук.*

*Во всех углах, в проходах, за дверьми
Стоят чудовища, не зримые людьми.
В. Брюсов “Чудовище”.*

*Так где же прячутся чудовища – в пучине
Морской или в наших душах!?
А. Поссе. Райские псы.*

В “Современной идее дикой природы” В.Е. Борейко немало говорится о священности дикой природы. Мне хотелось бы более подробно затронуть эту тему, опираясь на собственное исследование языческих природных священных объектов – святых рощ, гор, источников и т. п.

Придется начать с довольно длинной цитаты из “Тайной доктрины” Е.П. Блаватской: “Откуда пришли Четыре Стихии и Малаким евреев?... Символы их, родились ли они на берегах Оксуса, на жарких песках Верхнего Египта, или же в диких лесах, таинственных и холодных, покрывающих склоны и вершины священных гор Фессалии, или же в пампасах Америки – эти символы, повторяем мы, если их проследить до источника, всегда одни и те же. И Гений Локи, Местный Бог, был ли он Богом египтян или пеласгов, арийцев или семитов, всегда вмещал в своем единстве всю Природу, но не исключительно только четыре стихии или же какое-либо из их порождений, как деревья, реки, горы или звезды” [3]. Дальнейшие исследования Е.П. Блаватской показывают, что у народов всего мира боги были одними и теми же, как бы они не назывались. Яркие поэтические описания богов обычно считаются образными или суеверием. Но Е.П. Блаватская подчеркивает: “Мы считаем их ни тем и не другим, и что

возникли они лишь в силу тонкого чувства единства с Природою и проникновения в таинственное и разумное начало позади каждого естественного феномена, которыми наши современники больше не обладают” [3].

Действительно, боги являются глобальным, всемирным проявлением человеческого мышления, возникшего из “тонкого чувства единства с Природой”.

Исследуя феномен заповедного, я пришел к выводу, что заповедное является таким же глобальным всемирным явлением, как и божества древних народов. Нет ни одного народа мира от мыса Горн Южной Америки до мыса Барроу Северной Америки и от мыса Игольного на юге Африки до мыса Дежнева на крайнем северо-востоке Азии. По разному относились народы к своим заповедным сокровенным уголкам дикой природы, которые оставляли они нетронутыми “в силу тонкого чувства единства с Природой”.

“Страна льда и огня, воды, кипящей смолы и вертящегося дыма” (нынешняя территория Йеллоустонского национального парка) для краснокожих индейцев многих племен Северной Америки была неприкасаемой [1]. Они туда просто не заходили. Там, по их поверьям, обитал злой дух.

Для индейцев сиу, особенно для племени тетон, священным местом являют-

ся горы Блэк Хилс – источник духовной пищи их жизни. Здесь индейцы не появляются. Но в других священных местах, например в каньоне Крейвен, где изображены священные иероглифы племени, сиу приходят за видениями (прямой перевод “они уходят за пределами”) или чтобы устроить церемонию с парильней, пляску Солнца и другие обряды [15].

У алеутов Аляски были священные или заповедные места, называемые адагадах. Они находились при всяком селении и туда запрещалось заходить женщинам и молодым мужчинам. Нарушители этого обычая подвергались каре “дикой смерти” [5].

У хантов и манси Западной Сибири в верховьях Северной Сосьвы было священное озеро Ялпын-Тур. Туда окрестное население ездило на святилище один раз в три года [7].

У саамов (лопарей) Кольского полуострова было озеро Сейдъявр – Святое озеро. Саамы один раз в году ловили в нем рыбу. При этом соблюдалась особая церемония. Когда караван лодок входил в озеро, то на передней сидела самая красивая девушка, а при уходе с озера красавица перемещалась на последнюю лодку [24].

У лопарей (саамов) были довольно многочисленные святые горы “сейды” и “сейдушки”, куда приходили они и с радостью и с горем. Приносили подарки... [9]. Не просто так, походя, ходили лопари к своим природным богам, а только по случаю радости или горя.

У башкир на южном Урале была святая гора Иремель, на вершину которой к концу XIX в. едва поднялось десяток человек. Восходить на нее запрещалось неписанными законами. Священность этой горы среди башкир подтвердил случай с оренбургским губернатором, который поднялся на гору и поставил там палатку, но разразилась гроза, молния ударила в палатку и сожгла ее. “Святой Иремель его пугал” – говорили башкиры [13].

Гора Непубы-Нер или Телпоз – Из. Для ханты и коми ее окрестности были неприступны, восходить на нее вообще не осмеливались. Кто пробовал сделать это, просто не возвращались [28].

Священными и неприкосновенными считались вершины Гималайского хребта. В 1953 и 1956 годах местные жители препятствовали восхождениям британских и японских альпинистов на вершины Канченджангу и Манаслу. Лишь вмешательство властей с большим трудом и некоторыми ограничениями позволило альпинистам подняться на эти вершины [18].

Нганасаны не решались заглядывать в горы Бырранга – священные и страшные [23].

Племя галласов в Эфиопии поклоняется горам и большим рекам, принося им самые разнообразные жертвы от быка, барана и кончая пучком только что сорванной травы [14].

Равнинные казахи испытывали страшный ужас и священный трепет перед горой Белухой на Алтае. Они говорили: “Нам и смотреть на нее близко нельзя”. И, конечно, народным воображением был поселен на ее вершине злой дух Эрлике, которого никто никогда не видел [20]. Но этот дух жил в душах казахов.

Да и как не боготворить казахам главную вершину Алтая, когда даже представитель корпуса горных инженеров П. Чихаев писал о Белухе: “...Я схватил альбом, но рука моя дрожала: мне казалось, я вижу живого Бога, со всею его силою, красотою, и мне стало стыдно, что я бедный смертный, мечтал в картине передать его образ” [22]. Если высокообразованный офицер-топограф психологически воспринял гору Белуху как Бога, что говорить о чистых незамутненных знанием душах сынов природы казахов, или, как их называли тогда, киргизов.

Для славян и других народов Русской равнины вечно священным был

лес. Он являлся древнейшим народным святилищем. Здесь под открытым небом, у большого дерева, у скалы, приносились жертвы богам [12].

Литва еще в XIV веке была покрыта священными заповедными рощами. Порубка в этих рощах наказывалась смертью [10].

По всем землям украинским были Перуновы дубы, гаи, пуци, одна из которых сохранилось до сих пор под Каневом [17].

И опять можно привести свидетельства образованного путешественника по украинским землям некоего М.К. Он писал: “В четырех верстах от местечка Смотрич Сокил-гора с обилием родников, криниц. Проходя по лесу, вы со всех сторон слышите тихое журчание, которое с шелестом листьев производит впечатление чего-то таинственного и волшебного. В такой обстановке особенно становится понятно поклонение рощам и источникам в языческие времена” [14].

Если П. Чихачев увидел в горе Белухе Бога, то неизвестный М.К. слышал в шелесте листьев и в журчании ручьев леших, лесовиков, кикимор и других фантастических лесных обитателей, порожденных воображением человека.

Все народы мира желали сохранить “кусочки” дикой природы, хотя вокруг них разливалось целое дикоприродное море. Но уже на заре своего становления человек понимал, что происходит что-то не то вблизи его жилищ. Но он хотел остаться наедине с дикой природой. Внутренние психологические факторы заставляли человека быть бережливым к природе. Без нее он чувствовал себя не комфортно. А его психология, психология “тонкого чувства единства с природой”... “которым наши современники больше не обладают” ограничивала разрушительное действие человека по отношению к некоторым территориям. Человеку было так хоро-

шо, когда он был единым целым с ПРИРОДОЙ.

В отношении некоторых народов есть удивительные психологические зарисовки: На водоразделе Нила и Конго обитает пигмейское племя мбути. “Мбути неотделимы от леса... Верховный блюститель жизни мбути – лес. Для мбути лес – живое существо, великодушное, если с ним хорошо обходиться, раздражительное, если обращаться дурно... Когда пигмей очень счастлив, он может выйти на поляну и танцевать там в паре с лесом” [27].

Русский офицер-исследователь пишет о племени галласов в Эфиопии: “Он, (галлас – **А.Р.**) любит природу, чувствуя ее, живет с ней, и ему кажется, что она также одарена душой. Река гора, большое дерево – все это живые существа, и он им поклоняется” [4].

М. Даниел наблюдал за шерпами, этими великолепными горвосходителями, и писал о них: “Люди, живущие в постоянном контакте с природой, обладают органической способностью с ней сливаться” [8].

Можно подвести итог, что психология поведения нетехногенного человека есть способность не отделять себя от природы. Наличие уголков дикой природы близ поселений, на всей территории занимаемой племенем есть явление феномена заповедного в психологии человека. Атавизмы такой психологии поведения можно было наблюдать еще в конце XIX и начале XX вв.

Ф. Белявский описывает село Юровское на Иртыше в 1833 году: “Село сие занимает отлогость и ущелие двух сомкнувшихся гор; протекающий сбоку Иртыш, окрестные селения с обработанными полями и бесконечными заливными лугами, а за ними строго охраняемый лес, делают местоположение села Юровского приятным и живописным во всякое время года...” [2]. Зачем среди моря западно-сибирской тайги охранять лес? Ответ может быть

только один – это проявление все того же “тонкого единения с природой”, которое проявилось в юровской крестьянской общине.

“Близ русских поселков приходится иногда видеть дубравы, тщательно охраняемые самим населением, и хотя они служат местом гуляний для деревенской молодежи, но вследствие строгого воспрещения ломать ветви и портить деревья, дубравы эти имеют хороший наглядный вид”, – писала путешественница В. Некрасова [16].

Вот она психология поведения славянина-лесовика. Даже название “дубрава” он перенес сюда в северо-казахстанскую степь, где дубов и близко нет, есть жалкие березово-осиновые колки. Но чтобы чувствовать себя комфортно, русские мужички-переселенцы постарались оставить себе что-то дикое, с ласкающим слух названием “дубрава”, “дуброва”, “дубровушка”.

Это тоже психологоповеденческий атавизм “тонкого чувства единства с природой”. Природа породила в воображении человека богов, а боги сохраняли природу, ибо заповедные уголки дикой природы всегда посвящались богам, – добрым или злым не столь важно, – но богам.

Туарег Ахмед, житель Сахары, так объясняет появление священного куста в пустыне: “Как куст стал священным? Посмотри, кругом в пустыне ничего нет, а тут вырос целый куст...” [25]. Этого достаточно, чтобы ни один туарег не поднял на этот куст руку, чтобы сломать на нем хотя бы веточку.

Воображение человека родило воображаемых богов, но для богов нужно было сохранить что-то из того, что помогало породить богов. Без привычно природного окружения боги исчезали.

То есть, испокон веков человек старался сохранить близ себя уголки дикой природы. Она имела все права на существование.

Но это было возможно только в том случае, если человек всегда владел землей и распоряжался на ней по своему усмотрению. К сожалению, сейчас распоряжаются землей чиновники, психология которых далека от принципов охраны природы. Даже в названии ООПТ (особо охраняемые природные территории) природа выступает в виде прилагательного, а следовало бы называть “особо охраняемые территории природы”, где природа выступала бы именем существительным, а не прилагательным к территории.

Право распоряжаться землей на территории собственного проживания дало возможность русским старинным камчадалам совершить небывалое. Они по собственной инициативе создали крупнейший в мире заповедник дикой природы, куда не смел заходить никто. Это было миллионогектарное урочище “Кроноки” – нынешний Кроноцкий заповедник. Заповедность Кронок была настолько прочной, что к нему забыли дорогу все [26]. И это при всем том значении соболя для экономики камчадальской семьи и всей Камчатки, о чем писал В. Рубинский: “Малосильный, трусливый и беспечный в обыденной жизни, житель Камчатки становится неузнаваем в погоне за соболем. Ради него он готов на всевозможные лишения: целый день от зари до зари рыскает по тайге на лыжах, мужественно переносит голод, холод, усталость, а подчас, взбираясь на кручи и осыпи, рискует даже жизнью. Нужно удивляться выдержке этих полудикарей: при том огромном значении, какое имеет соболь в хозяйстве их, и при том стремлении, граничащем с жадностью, добыть, как можно, больше, они строго соблюдают правила промысла, установленные ими же...” никогда не охотятся в заповедных дачах Кроноки и Асача [19].

Но в государстве, которое было единственным и настоящим собственником земли, подобного уже не могло

произойти. Ханты были яростными противниками строительства г. Белоярска на священных песчаных холмах. Но кто их спрашивал!?

В настоящее время делаются попытки возродить старые традиции. “Российская газета” (11.07.2000 г.) сообщает: “Ежегодно в ночь с 6 на 7 июля, в день Ивана Купалы, на озере Светлояр (Нижегородская область – **А.Р.**) собираются поклонники древнего языческого праздника. По традиции начинается он прохождением вокруг озера со свечами, затем в полночь девушки бросают в воду венки, а заканчивается все это ВЕСЕЛЫМ ГУЛЯНИЕМ У КОСТРА”. Но такое поведение на озере Светлояр, в котором по легенде утонул Китеж-град, скрывшийся под воду от татар, не имеет ничего общего с древним праздником. Да и не такой уж древний этот праздник. Еще в 1877 году Гациский писал о святости озера Светлояр: “ Я ушел “на горы” подалее от озера отдохнуть да покурить при случае”. “На богомольных местах это было бы мальчишеством, неприличием!!!” (“Иногда, подалее от святых мест, в лесной чаще, раздавалась гармоника, принесенная на горы под полюю (тайно – **А.Р.**) и веселый смех, и девичий визг. Но близ озера, кроме божественных разговоров и песен – ничего” [6].

В.Л. Комарович писал: “Костры зажигаются на Светлоярских горах в ночь с 22 на 23 июня (старый стиль – **А.Р.**), съезжающиеся сюда богомольцы – без всяких игр” [11].

Мусор, в виде венков, в воду не положено было бросать. А сейчас это приветствуется!!!

Если подводить резюме, то можно все сформулировать следующим образом.

1. Сохранение дикой природы было заложено в психологии поведения человека. Именно среди дикой природы, которая породила самого человека, он чувствует себя наиболее комфортно.

2. В древности человек посещал или вовсе не посещал заповедные пространства. Посещение было ограничено временными рамками: раз в год или один раз в более длительный период. Но, главное, там запрещалось портить природные объекты.

3. В заповедных уголках сохранялся “ДУХ” народа данной территории. Посещая заповедное, народ набирался “ДУХА”.

4. Создание действительно заповедных территорий было возможно только при условии полной собственности на землю, где проживали народы. Они были хозяевами природных территорий и их психология подсказывала им оставить что-то заповедное.

5. Психолого-поведенческие заповедники были действительно заповедными пространствами неопределенно длительное время (пока существовала действительная власть народа над землей).

Литература

1. Алфеев И. Охрана природы и мировые национальные парки капиталистических стран // Природа и социалистическое хозяйство. – Т. 6. – 1933. – с. 158-169. – (с. 160).
2. Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. – (с. 6).
3. Блаватская Е.П. Тайная доктрина. – Т. 1. – М.: Эксмо-Пресс. – М.-Харьков. – 2000. – 878 с. – (с. 595, 600).
4. Булатович А.К. С войсками Менелика II. – М.: Наука. – 1971. – 351 с. (с. 76).
5. Венаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. – Ч. 2. – СПб., 1840. – (с. 123).
6. Гациский А. У невидимого града Китежа // Древняя и новая Россия. – Т. 3. – № 11. – 1877. – с. 267-278.
7. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. – Новосибирск: Наука. – 1989. – 174 с. – (с. 154).
8. Даниел М. Жизнь и смерть на вершинах мира. – М.: Мысль. – 1980. – 200 с. – (131 с.).
9. Золотарев Д.А. Лопарская экспедиция 1927 года. – Л. 1927. – 48 с. – (с. 31 – 32).
10. Карцев Г. Беловежская пуца. – СПб., 1903. – 409 с. – (с. 12).
11. Комарович В.Л. Китежская легенда. Опыт

- изучения местных легенд. – М.- Л., 1936. – 184 с.
12. Макушев В. Сказания иностранцев о быте и нравах славян. – СПб., - 1861. – (с. 95).
  13. Мамин-Сибиряк Д.Н. Гора Иремель // Землеведение. – Кн. 1. – М., 1894. – С. 47-54. – (с. 55).
  14. М.К. Путевые очерки Подолки // Киевская старина. – Т. VIII. – Киев. – 1884. – 365 с. – (с. 13).
  15. Натаров Л.Н. Желтый Гром – экологическая альтернатива индейцев-традиционалистов // Экология американских индейцев и эскимосов. – М., 1988. – С. 238-246. – (с. 241).
  16. Некрасова В. По киргизской степи. // Естествознание и география. – 1915. - № 3. – С. 1. – 23. – (с. 9).
  17. Плачинда С. Словник давньоукраїнської міфології. – Київ, 1993. – (с. 44).
  18. Рототаев П.С. Покоренные гиганты. – М.: Мысль. – 1975. – 287 с. – (с. 162, 183).
  19. Рубинский В. Соболиный промысел на Дальнем Востоке // Тр. Амурской экспедиции. “К вопросу об охотничьем промысле на Дальнем Востоке” – СПб., 1911. – 75 с. – (с. 49).
  20. Сапожников В.В. Катунь и ее истоки // Путешествия 1897–1899 годов. – Томск, 1891.
  21. Сборник сведений о Кавказе. – Т. 1. – Тифлис, 1871. – (с. 132).
  22. Супруненко П.П., Супруненко Ю.П. Белуха – царица Сибири // География. – 1994 - № 25-26.
  23. Урванцев Н.Н. Таймыр – край мой северный. – М.: Мысль. - 1978 – 237 с.
  24. Чарнолуский В.В. В краю летучего камня. – М.: Наука. – 1978. – 289 с.
  25. Чеглок А. Мои приключения в Сахаре и в Северной Африке. – М., 1918. – 78 с. – (с. 2).
  26. Шмидт П.Ю. Работа зоологического отдела на Камчатке в 1908 – 1909 годах // Камчатская экспедиция Ф.П. Рябушинского. – Вып. 1. – М., 1916. – (с. 95).
  27. Эдберг Р. Письма Колумбу. Дух долины. – М.: Прогресс. – 1986. – 356 с. – (с. 27).
  28. Юрьев Д. Топографическое описание Северного Урала и рек его обоих склонов // Зап. ИРГО. – Кн. VI. – СПб., 1852. – С. 265-382. – (с. 283).

Дикая природа на страницах Нового Завета.

В. Севостьянов

*Commander Islands & BC Nature Protection and Conservation Association
Victoria, BC, Canada – Moscow, Russia; e-mail: seaotter3@hotmail.com*

Только вид Живой Природы может спасти погрязший в обмане Мир!

Академик И.В. Петрянов-Соколов.

Задачей настоящего, тезисного очерка является попытка приоткрыть некоторые, на наш взгляд, чрезвычайно важные эпизоды из жизни Иоанна Крестителя и Иисуса Христа в дикой природе. Как известно, пророческий путь первого трагически оборвался в застенках тюрьмы Ирода Четвертовластника, а другой был распят на Голгофе.

Все Евангелия довольно скупо освещают детство, отрочество и зрелый период (до 30-33 лет) жизни двух ключевых фигур Нового Завета: Иоанна Крестителя и Иисуса из Назарета. Так, об Иоанне мы знаем, что “... младенец

возрастал и укреплялся духом, и был в пустынях, до явления своего...” народу (Евангелие от Луки, Библия, Российское Библейское общество, М., 1999).

Жизнь Иисуса протекала в кругу большой семьи, в освоении плотницкого ремесла и следованию религиозным обрядом своего народа – т. е. в строгом соблюдении догматов Ветхого Завета, в том числе и посещения Иерусалимского Храма в дни религиозных праздников. Именно в это время молодой человек обратил на себя внимание духовенства и простого народа своими удивительными знаниями святых книг.

“Каждый год родители его ходили в Иерусалим на праздник Пасхи... Все слушающие его дивились разуму и ответам его...” (Евангелие от Луки).

Так продолжалось до момента принятия Иисусом крещения от Иоанна Крестителя, в момент которого пустынный затворник – Предтеча – чувствует и определяет в Иисусе его мессианскую роль на Земле.

“И было в те дни, пришел Иисус из Назарета и крестился от Иоанна в Иордане. И когда выходил из воды, тотчас увидел Иоанн разверзающие небеса и Духа как голубя, сходящего на Него. И глас был с небес: Ты Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение“.

Немедленно, после этого, Иисус удаляется в пустыню, для самоутверждения своего предназначения от Бога перед людьми. По сути, молодой человек (30-33 года) оказывается перед труднейшим выбором – оставить привычный уклад жизни и ступить на тернистый путь учительства с известным ему трагическим концом.

Подвергаясь жестоким искушениям Дьявола, Иисус в течении 40 дней, вдали от суетного племени людей, проводит время в вопрошающих молитвах и борьбе, результатом которой становится его непреклонное решение нести Людям Земли Святое Слово Божие и основоопределяющие принципы Веры:

1. “Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих” (Евангелие от Матфея).

2. “Господу Богу твоему поклоняйся и ему одному служи” (Евангелие от Матфея).

И наконец выйдя на вершину храма, т. е. к людям, Иисус решительно прогоняет Дьявола, провозгласив свое последнее слово :” Не искушай Господа Бога твоего.” (Евангелие от Луки).

Таким образом, в течении 40 дней пустынных бдений выкристаллизовы-

ваются основополагающие принципы новой Христианской проповеди и осознанный, смертельно опасный для жизни Спасителя стереотип поведения – Учительство в человеческом социуме, погрязшем с точки зрения Бога в неразрешимых противоречиях-грехах.

Как мы можем видеть на этих примерах (Пророка Иоанна Крестителя и Сына Божия Иисуса Христа), переломные моменты их бытия протекали в **пустыне**, которая как экологический тип первозданной Природы, в представлении многих людей являет собой почти безжизненные участки планеты Земля, покрытые лишь сыпучими, раскаленными песками и дюнами. Полное отсутствие влаги дополняют эту унылую картину, делая их местом истинного страдания и экстремальных условий в борьбы за выживание.

Что же на самом деле представляет из себя эти уникальные образования Природы, например **пустыня Негев**, где Иоанн Креститель и Иисус Христос провели столь важные, с точки зрения осознания своей Мессианской роли на нашей Планете, периоды жизни?

Надо полагать что в то время **пустыни** были гораздо меньше затронуты разрушительным влиянием человеческой цивилизации и являли собой естественные природные биоценозы, возраст формирования некоторых из них современная наука определяет сотнями миллионов лет до Рождества Христова.

Итак, “... **пустыня Негев** расположена в центре огромного засушливого пояса, протянувшегося от Сахары до Гоби. Площадь ее – около 12,5 тысяч кв. км.

Всхолмленные равнины разграничены грядами высотой 200-450 м сложенными известняками. Выветренные песчаники образуют внутренние песчаные дюны и поля. Почвы в основном каменистые.

Климат Негева переходный от умеренно-пустынного с прохладной зимой

и теплым летом на севере до жаркого пустынного на юге. Характеризуется небольшим количеством осадков – от 25 до 200 мм, выпадающим в зимний период – с октября по апрель.

Для климата Негева характерны два явления: наличие *росы* и ветров *хамсин*. Хамсин – сухой, горячий ветер пустыни – обычно приходит в Негев с юго-востока, из пустынь Аравии. В период его прохождения температура может превышать 45 градусов.

Флору пустыни Негев составляют около 1200 видов растений, из которых 6% эндемичны. На щебнистых плоскогорьях произрастают кустарничковая форма южной полыни и белый саксаул. В низинных местах где почвы более насыщены влагой заросли лебеды образуют густой покров и являются кормовым биотопом для диких и домашний копытных. Обычен здесь также кустарник тимелия из коры которого изготавливают веревки. В обширных долинах на заболоченных солончаках вместе с другими растениями произрастает селитрянки, мелкие плоды которой вкусны и в сушеном виде напоминают изюм. На песчаных дюнах растет редкий древостой из акаций.

В *фауне* пустыни Негев насчитывается 40 видов млекопитающих, около 60 видов птиц, до 50 видов рептилий и всего один вид амфибий – зеленая жаба (Природа Мира, Пустыни. М.: Мысль, 1986).

Ни одно Евангелие не дает нам указания в какое время года произошло путешествие Иисуса по пустыни. Возможно, оно проходило в весенний период красочного цветения трав, пения пустынных птиц и повышенной жизненной активности других животных. В сочетании с поистине сказочным очертанием нагорий, скал и останцев – таких, например, как Соломоновы Столпы, перед ним должна была предстать поистине фантастическая карти-

на Живой Природы – как одного из наиболее древних творений Бога на Земле. Однако не следует забывать, что в другие времена года пустыни полны жизни.

Именно в таком окружении Иоанн Креститель и Иисус принимают в свои души Святые предназначения Пророчества и Учительства. Именно от этого животворящего источника они черпают силы и вдохновение для своих бессмертных проповедей, открывающих для всего человечества единственный путь к Спасению...

Очень важно отметить и другое обстоятельство из жизни Иисуса, которое складывается с ним в течение “Страстной Недели” и также протекает на лоне Природы: “... Иисус вместе со своими учениками покинул город и пошел на соседнюю Масленичную гору. Они направились на садовый участок, который именовался Гефсиманским, где он попросил учеников остаться с ним и бодрствовать. Он прошел немного дальше, опустился на землю и молился” (Давид Флуссера, Иисус, Урализдат, 1999). Вскоре, как известно, он был схвачен стражниками и осужден на распятие.

А его аллегорическая притча: “Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту, хотя бы на один локоть? Посмотрите на полевые лилии, как они растут...” (Евангелие от Матфея).

В этой его страстной речи явно просматривается посыл к людям – учиться гармоническому существованию с Природой. Оставить губительные попытки к достижению все больших и больших материальных благ за ее счет и любой ценой.

Конечно же, в этом, может быть на современный взгляд наивном обращении Христа, вовсе не предполагается

отказаться от всякой заботы о “хлебе насущном“. Нет! Оно лишь свидетельствует о крайней необходимости гармонизации экономической и политической активности Цивилизации. Собираясь в первую очередь с духовными потребностями людей и реальными возможностями рационального использования природных ресурсов планеты Земля.

И вообще, достаточно лишь внимательно перечитать Библию и убедиться, что большая часть времени Учителя Иисуса протекала в окружении Природы: “Проходя же близ моря..; И вышел Иисус опять к морю..; ...взошел на гору..; И опять начал учить при море..; ...пришли на другой берег моря..; Он был у моря..;...пойдите вы одни в пустынное место и отдохните немного.. (Евангелие от Марка).

“Нет сомнений, что Иисус сотни раз ночевал под открытым небом и отчасти поэтому так близко знал лилии и птиц в небе” (Александр Мень, Иконография Христа, Урализдат, 1999).

Необходимо подчеркнуть, что такие примеры в истории развития религиозного мировоззрения Человеческой цивилизации, вовсе не исключительны.

Практически все Основатели мировых религий, таких например как Буддизм, Бахаизм, а также Пророки многочисленных течений Индийских и Тибетских верований демонстрировали человечеству вдохновляющие первоисточники Божественного Бытия.

Пророк Моисей, вообще водил свой гонимый народ по пустыне более 40 лет.

Все это неоспоримо свидетельствует в том, что Живая Природа являясь первоисточником нашего Бытия, есть и наиболее очевидный пример Божественного Откровения, наиболее простого, но в то же время Фундаментального базиса нашего предназначения и смысла гармоничного развития Человечества.

Понимание этих утверждений было исключительно важным во все времена и для всех народов Земли, но для современного человека приобретает особую злободневность. Пренебрежение этим совершенно очевидно приводит нас в жесткое отрицание всех Святых пророчеств о судьбах Мира.

Такая точка зрения разделяется и подтверждается современной наукой. Да и для наиболее мыслящих граждан различных государств становится все более очевидным, что техногенная цивилизация стоит на краю глобальной экологической катастрофы – грозящей уничтожением не только цивилизации Человека Разумного, но и наиболее древнего творения единого Бога – Природы планеты Земля.

Я не льщу себя надеждой, что когда-нибудь эта краткая статья будет прочитана людьми, власть предрежащими, особенно в России... Страны прекрасной и многострадальной. Чудесной своей разнообразной, уникальной природой. Своими старейшими заповедниками, которые, как справедливо считает В.Е. Борейко, являются поистине святыми местами для врачевания душ людских... Но если все же такая невероятность случится, мне бы до боли хотелось надеяться, что новое правительство России проявит христианскую мудрость и прозорливость. Сможет явить Миру пример истинной заботы о природе. Не смотря на все тяжелые экономические трудности современного периода сможет остановить явную тенденцию к безудержной ее эксплуатации и разрушению. Сможет определить действенный контроль и правила рачительного, государственного строительства на благо живущих людей, во имя будущих поколений.

Ведь именно в этом и заключается самое главное, Святое предназначение Человека на Земле!

“Имеющий уши, да услышит!“ (Евангелие от Иоанна).

Некоторые мысли вслед

В.А. Сесин

Днепропетровский университет

Первое, с чего хотелось бы начать — это испытанная мною радость по прочтению эссе В.Е. Борейко “Современная идея дикой природы”. Причина этой радости кроется в самом факте появления работы, в том, что ростки экоцентричного мировоззрения пробиваются сквозь асфальт ограниченности, замкнутости, эгоизма и материализма, покрывшего коллективную душу нашего общества. То, что подобное экологическое направление вообще имеет место, вселяет в читателя надежду на “выздоровление” нашей страны. Ведь, говоря словами автора: “Дикая природа стала символом заботы об участках слабоизмененной человеком природы, мощным двигателем заповедного дела, ярким и понятным девизом для постиндустриального общества”. Значит, наше общество, если еще не стало постиндустриальным, то, по крайней мере, собирается, и процесс его “облагораживания” стимулируется усилиями таких вот интерактивных энтузиастов-одиночек.

Теперь попытаюсь изложить свои мысли конкретно по эссе. Большинство идей, разработанных В.Е. Борейко на ее страницах, нашли отклик и в моей душе. Я, как, вероятно, и многие мои товарищи, и раньше подозревал за природой такой широкий спектр как материальных, так и идеальных ценностей, хотя практически никогда о них не задумывался всерьез. А попытка аналитически развить эту тему до состояния философской, научно обоснованной теории, поистине достойна восхищения.

“Дикую природу надо охранять в первую очередь потому, что она красива, загадочна, дика, свободна, божественна и нравственна(!)”, — кричит нам автор. “Конечно, а почему же еще?”, — задал я себе вопрос. И тут истинным откровением для меня было узнать, что уже десятки лет мы охраняем природу

исходя из ее практической полезности! А когда мы построим ноосферу, то научимся заменять эти полезности более компактными, экономичными, безотказными и менее капризными механизмами, так, что надобность в природе вообще отпадет, как отпал когда-то хвост у обезьяны?! Эти идеи датируются началом XX века, а в те времена редко кто задумывался об экологии, не говоря уже о том, что “природа имеет врожденные моральные права на существование, наравне с человеком”. И мне немного жаль, что именно в нашей многострадальной стране они нашли наибольший резонанс и всеобщее признание, в результате чего много лет отечественное заповедное дело сидело на голодном пайке, а природоохранная элита деградировала в просвещенных природопользователей.

Хотя, как говорится, нет худа без добра, и сейчас, в это тяжелое для многих время ломки, когда старая, всем понятная идеология низвергнута, а новая еще не создана, возник своеобразный “идеологический вакуум”. А это прекрасные условия для того, чтобы втиснуть идею дикой природы в умы и сердца наших сограждан. Хорошо бы сделать идею сохранения дикой природы государственной доктриной, тогда мы могли бы даже опередить в этом отношении развитые капиталистические страны. Хотя речь идет не о международном соревновании, кто больше природы нас охраняет, а о качественном преобразовании всей общепланетарной системы хозяйствования человека. Это может быть достигнуто путем всемирно осуществляемой политики со скромным лозунгом “Спасение дикой природы суть спасение человечества”. Тут мы подошли к очень важному моменту, по которому я позволю себе вступить с автором в дискуссию.

Итак, мнение автора, что “глобальный контроль разума” абсолютно противостоит “необузданной дикости природы” и что ноосфера отторгнет от себя дикую природу, как нечто Совершенно Иное, ей не подвластное, верно, но это, на мой взгляд, отнюдь не катастрофа. При достаточном уровне развития экоцентрических представлений человечество не только отторгнет дикую природу, но и обнесет ее высоким забором и будет охранять ее от самого себя. А благодаря высокому уровню развития производительных сил и информационной системы, человечество сможет выделять все новые и новые участки для дальнейшего их одичания. Так могут образоваться те самые “заповедники гоблинов”, о которых мечтает автор. Вот только подобные представления должны закладываться уже сейчас, а сама идея ноосферы не так уж плоха, просто она нуждается в некоторой корректировке.

Обидно немного, что В.Е. Борейко в своем эссе пришлось использовать в основном зарубежные источники, на которые он опирается и с воодушевлением цитирует. Многие могут сказать, мол, идеи этих, побесившихся от благополучия американцев не выдерживают наших сегодняшних реалий, мол, о хлебе насущном думать надо, а не о том, как природу охранять... Не стоит отчаиваться! Просто эти люди не прочитали книгу до конца. Правильно сделал автор, поместив в конце эссе обзор культурных традиций России. Обратившись за помощью к классикам отечественной литературы, он посредством глубоко

поэтичных, умело подобранных отрывков обратился не только к нашему разуму, но и к душе. Образное, богатое красками слово родных поэтов намного доступнее, нежели сухость логических выкладок импортных теоретиков.

Очень затронули меня идеи экофилософов, что природе присущи три вида ценностей — хозяйственные, духовные, которые могут быть измерены и определены, и внутренние, которые не имеют цены, зато обладают достоинством. Чрезвычайно мудрые слова! Прошу прощения за банальность сравнения, но аналогии между природой-матерью и человеком-ребенком напрашиваются произвольно. Наши родители, проявив величайшее милосердие и подарив нам жизнь, не требуют ничего взамен. Но повзрослевшие дети, исповедующие справедливость, дети, преисполненные благодарности, должны обеспечить дикой матери-природе все условия для сохранения ее достоинства, для безбедного существования рядом с собой. Справедливость и благодарность — эти нравственные понятия, на мой взгляд, должны стать одними из ключевых в новой идеологии.

Эссе получилось мудрым, но написано оно в основном простым и понятным языком, хотя и не для широкого круга читателей. Очень жаль, но у нас такого не читают. Поэтому основная работа по популяризации изложенных идей ложится на плечи рядовых активистов. И это почетная миссия! Лично я воспринял эту работу как манифест новой идеологической революции, призыв к действиям!

“С каким Богом Вы общаетесь?”

М.Е. Кулешова

*Российский НИИ культурного и природного наследия,
кандидат географических наук*

Уважаемый Владимир Евгеньевич, ваши мировоззренческие установки со-держат условия, которые я принять не

могу, исходя из моей профессиональной, конфессиональной и просто человеческой этики и миропонимания.

Пользуясь Вашей терминологией, я нахожусь на позициях христианского антропоцентризма и не считаю это для себя оскорбительным. Вы рассматриваете антропоцентризм как философию потребительства и вседозволенности и не желаете разглядеть в нем также ответственность человеческой личности за все, что происходит в этом мире, и причастность ко всему, включая и заботы о дикой природе. Если для кого-то дикая природа — источник кубометров древесины или нарзана, то для другого — источник вдохновения, уединения, самопознания, озарения, прелести, трансцендентальности и прочих духовных субстанций. В обоих случаях заявляется право человеческой личности на те или иные свойства дикой природы. Экоцентризм — лишь разновидность антропоцентризма, претендующая на самостоятельность. Каковы этические нормы и нравственные ценности той или иной человеческой общности — таков будет и антропоцентризм. Защита дикой природы — это тоже вид антропогенной деятельности, которую Вы в целом столь невысоко цените, а не может быть частность больше, чем целое, следуя Вашим же рассуждениям.

Противопоставление почему-то стало обязательным атрибутом Вашей аргументации. Если дикое прекрасно и достойно восхищения и благоговения, то не дикое (окультуренное) награждается самыми презренными эпитетами. Вы сознательно отрицаете красоту человеческого творчества или только рисуетесь? Вы живете в таком красивом городе, как Киев, и не видите в нем ничего, достойного восхищения? А как же тогда возникла Ваша “Александрия” из “Крохоток”? Вы решили использовать “культурный” нигилизм для доказательства Ваших постулатов? Но ведь это совсем не тот случай, где требуются доказательства от обратного и, кроме того, не очень мудро воз-

водить свои субъективные предпочтения в ранг философского основания.

“Дикая природа ради себя самой и сама по себе самоценность”, — этот тезис в различных вариациях приводится как шаманское заклинание в различных Ваших работах и является чуть ли не главным основанием всех Ваших философских построений. Извините, Владимир Евгеньевич, за скудость моего ума, но я при всем моем старании не смогла понять, что Вы хотите возвестить миру вместе с избранными Вами зарубежными апологетами самоценной дикости. Если дикая природа “сама по себе” и вне человеческих ценностных ориентиров, а именно вне понятий о хорошем и плохом, о добром или злом и т. д. — то эта космическая реальность будет волновать человека так же, как и вопрос жизни на Марсе. То есть, Вы воспитываете тем самым индифферентность и безучастность, хотя проповедуется она в терминах активной защиты моральных и даже юридических прав подзащитной дикой природы. Эта философия деструктивна. Если на то будет воля Божья, то дикая природа превратит нас всех завтра в прах. Гораздо мудрее о высшей ценности природы рассуждали уважаемые Вами Франциск Ассизский и Юджин Харгроув, поскольку выводили ее ценность из факта творения Бога, а все сотворенное Богом заведомо обладает ценностью — в этом есть строгая богословская логика.

Если дикую природу и нужно защищать, то не как самоценность, а как человеческое право на жизнь в гармонии с природой, которая есть неотъемлемая часть нашего микрокосма. Бездумно уничтожая дикую природу, человек оскорбляет прежде всего себя. Если научить его хотя бы с уважением относиться к другой человеческой жизни и личности (чего мы в нашем просвещенном обществе пока не имеем), то и вопрос с дикой природой решится

очень просто. Подумайте, ведь в нашем цивилизованном мире права граждан только декларируются, а реально ими обладают те, кто способен за них заплатить, и способность эта, как правило, тем выше, чем меньше представлений у их обладателя об экологической этике. Юридические категории права, к которым Вы апеллируете, — это всего лишь одно из орудий исполнения поставленной задачи, но никак не постановка задачи. У таких участков дикой природы, как российские заповедники и национальные парки, уже есть юридические попечители, ведь эти формы охраны подразумевают образование юридического лица.

Поверхностность суждений о религии и святости совсем не украшает Ваши печатные работы — причем вне зависимости от того, о какой религии идет речь. Просто некоторые религии Вас вполне устраивают — пантеизм, буддизм. Другие — христианство — вызывают, очевидно, скрытую ярость и Вы приписываете ей малопривлекательные черты, ей вовсе не присущие. В христианстве больше “повезло” протестантам и католикам — они под “защитой” Франциска Ассизского и Альберта Швейцера. Однако странно, что опубликованный Вами же аббат Герман не производит на Вас аналогичного впечатления, Вы его как бы и не слышите. Хоть Вы и цитируете православных святых отцов, но выводы для себя делаете прямо противоположные их высказываниям. Причем вся Ваша нелюбовь к христианству и сопутствующие выдумки достались преимущественно православию. Конечно, уравнивать себя в правах и достоинствах души с обезьяной и принимать лягушек за ангела Серафима на этой богословской ниве не удастся, как Вы бы того хотели. Для такого сугубо личного предпочтения Вы используете иные теософские основания. Однако удивительно, как это Вы, умный и талантливый человек,

смогли увлечься теологической трескотней столь тщательно цитируемой вами Линды Грэбер? Море слов, которые завораживают видимостью смысла и от которых по прочтению остается только чувство пустоты... Вы предвосхищаете новую религию, но религия — это общение с Богом (см. Полный православный богословский энциклопедический словарь, М., 1992). А с каким Богом Вы общаетесь?

Критика существующих недостатков в деле охраны природы дается Вами, как всегда, очень ярко и выразительно. Упоминается и двойной стандарт морали в применении к одному классу явлений. Но критикуемый метод, надо понимать, должен быть изъят из собственного арсенала средств убеждения. Однако религию Вы привлекаете в чисто утилитарных целях, не религия нужна, а польза от нее для идеи дикой природы, и никакие внутренне присущие ей ценности Вас не интересуют. Чем же такое религиопользование отличается, к примеру, от подсочки сосняков для получения живицы? Очень определена на этот счет Ваша трактовка Эдвина Бернбаума и очень потребительский получается подход у борцов с потребительством.

Другой случай — воззвание о предоставлении полной свободы дикой природе, о запрете какого бы то было ее регулирования. Очень хорошо. Судить об оптимальной плотности популяции кабанов аморально, но как же при этом Вы обращаетесь к апологетам регулирования численности людей (Дэйв Формэн, Арне Нейс)? Ваше отношение к любому иному мнению, даже отчасти не совпадающему с Вашим, отличается по-юношески бездумной нетерпимостью, причем Вы не вдумываетесь в аргументы Ваших оппонентов, нарочито упрощаете и извращаете смысл иного мнения, иного мировоззрения, не заботясь об эпитетах и чувстве такта. Ваша дискуссия с К. Сельвиц-

ким прошла не в Вашу пользу, потому что он говорит о месте дикой природы в православном мировоззрении и никакое иное видение мира не оскорбляет, а Вы как будто не желаете понимать смысла его высказываний, но только ищете, на какой бы фразе полочнее “изобличить” оппонента, как будто он дурак или лицемер. И дело не в том, “что” Вы критикуете, а “как”.

Крайне критические высказывания Линн Уайт или Джона Мюира совсем не вызывают такого отторжения, они имели основания для своих высказываний и приводили эти основания, отделяя собственно мировоззрение от его носителей-пользователей-трансформаторов. Объясняю: можно взять карандаш и нарисовать красивый пейзаж, а можно одним росчерком этого каран-

даша распорядиться уничтожить еще один уголок дикой природы, но карандаш-то тут ни причем! То же самое относится и к Вашей критике рационального природопользования. И странное дело, в своей главе “Критика идеи дикой природы” из эссе о дикой природе Вы обсуждаете какой-то фантом, изобретаете дураков-противников, вступаете с ними в дебаты и выходите, естественно, победителем. Владимир Евгеньевич, Ваша “критика” большей частью не выдерживает никакой критики. И это происходит из-за очередного “двойного стандарта”. Вы требуете признания дикой природы как Совершенно Иного, а совершенно иное мнение/мировоззрение/миропонимание отказывается и понимать (не принимать!), и уважать.

Дикая природа как наследие общества и природы

К.Н. Горб

Днепропетровский университет, кандидат географических наук

... С идеями глубинной экологии я познакомился еще в свои студенческие годы, когда, обучаясь на географическом факультете МГУ, на занятиях по философии, проводимых Леонидом Николаевичем Самойловым, во время подготовки к ним мы усиленно штудировали вышедшую на русском языке брошюру “Думая как гора: на пути к Совету Всех Существ”. В то время это казалось чем-то абсолютно новым, неординарным, даже экзотическим на фоне традиционных для нас представлений о дикой природе. Позже, в рамках выполнения дипломной работы, я детально изучил сборник “Национальные парки: опыт СССР и США (по материалам совамериканского семинара, 1990 г.), где меня прежде всего поразил резкий контраст стилей подачи информации в советских и американских док-

ладах. Например: “... нельзя забывать, что особая охрана природных территорий — результат признания государством того, что на некоторой территории есть определенные нерешенные проблемы природопользования” (Иннокентий Иванов, Госгражданстрой СССР). Или: “... если Диснейленд или современный салун являются аналогами современных реальностей, то [национальные] парки — это хранилища реалий прошлого, альтернатива образу жизни человека, источник познания и храм для исканий” (Денис Галвин, Служба национальных парков США). Из этой же книги я глубоко проникся идеей интерпретации Джона Мюира и Фримена Тилдена...

Однако наиболее глубоко осознать и уяснить сущность глубинной экологии и подлинного экоцентризма я смог,

как мне кажется, лишь вдумчиво прочитав произведение В.Е. Борейко “Современная идея дикой природы”, за что заранее выражаю автору огромную благодарность. Однако в данном случае (к сожалению?) я уже не испытывал восхищения и изумления от прочитанного, мною “оперировали” другие впечатления, часто весьма противоречивые.

Я познакомился с Владимиром Борейко и его трудами в 1995 году и буквально сразу полностью разделил его точку зрения (тогдашнюю!) на охрану природы и заповедное дело. Его взгляды тогда характеризовались, если можно так выразиться, гуманным рационализмом по отношению к развитию данной сферы. Действительно, закостенелая система засилья в заповедниках биологов-прагматиков, во многом формальное ведение сухих “Летописей природы”, бюрократизм, явное пренебрежение гуманитарными, духовными составляющими развития заповедного дела, что неизбежно приводит к враждебному (наиболее часто) отношению к заповедным природным территориям местного населения — эти положения казались мне вполне обоснованными и потому актуальными. Одухотворенный этими идеями, я организовал социологические опросы местного населения на базе некоторых заповедников Украины, и даже провел природоохранный фестиваль в поселениях, расположенных в непосредственной близости с Днепровско-Орельским заповедником (Днепропетровская область). Данные идеи возникали у меня и раньше, но в этот период они укрепились во мне, как в представителе общественного крыла географической науки, наиболее отчетливо, за что опять же уважаемому идеологу большое спасибо.

Продолжая сотрудничать с В.Е. Борейко в природоохранной сфере, я замечал, что его идеалистические взгляды на окружающий мир и на дикую

природу в частности, неистово прогрессируют, продвигаясь от гуманного рационализма к экзальтированному радикализму, приобретая порой агрессивно-атакующие формы, и выходя таким образом иногда за рамки общепринятого порядка вещей. И вот, апогеем эволюции его идей в последние годы и стал достаточно фундаментальный (нельзя не признать!) труд “Современная идея дикой природы”, который и вызвал у меня неоднозначную реакцию и в целом двойственные впечатления.

Безусловно, охрана дикой природы и заповедное дело должны строиться на глубоких моральных принципах отношения к ней и ко всем ее элементам и компонентам, чего в последние годы в странах СНГ не то что не достает, а, можно сказать, данные принципы на уровне и власти, и науки, и практики, и “народных масс” фактически отсутствуют (за некоторыми, незначительными исключениями). Эта позиция автора, если упустить из виду необходимость тотальной абсолютизации и бездумного обожествления дикой природы, кажется мне вполне приемлемой. Кроме того, хороша идея непосредственно дикой природы как таковой, необходимости отдельного учета и охраны именно ее, а также и ранжирования данных участков по степени дикости. Это действительно для нас ново и интересно. Ведь многие “деятели” охраны природы в Украине сейчас гордятся тем, что за несколько лет “процент заповедности” страны увеличился в несколько раз, но все мы знаем, что львиная доля этих площадей — территории природы далеко-далеко не первозданной. В этом, на мой взгляд, основные достоинства книги.

Теперь о недостатках. Вернее, о том, с чем я в той или иной степени не согласен. Главное, что меня сразу (с первых же строк) насторожило — это неаргументированность и необоснованность многих принципиальных, одно-

значно трактуемых положений и доводов. В первом же абзаце первой главы встречаем: “Нам необходимо создать новые мифы...”. Но что такое миф? Изначально это неправда, вымысел, откровенная ложь. Значит, автор призывает верить в то, чего на самом деле нет, а это весьма спорно и для многих непонятно. И такими одиозными высказываниями и утверждениями, никак не поясненными, избилует вся книга, что неизбежно только раздражает “традиционно” мыслящего читателя.

И уж явное возмущение в этой связи у меня вызвал следующий абзац: “Некоторые истолковывают красоту свободной природы вместе с “рекреационным использованием”. У этих людей, верно, в жилах перетекает моча, а вместо глаз вращаются стеклянные шары. Красота свободной природы самоценна сама по себе”. Уж хотя бы не в столь резкой форме выражена была данная мысль... А вообще я всегда считал и считаю туризм одним из прогрессивнейших видов человеческой деятельности, весьма способствующей сохранению природы, если его разумно организовать, как бы антропоцентрично это ни звучало. Что плохого в том, что человек будет любоваться красотами природы и таким образом оздоравливать свой организм? И если принять, что Природа — субъект (знает, понимает, мыслит и чувствует), то в этом случае, думается, ей будет весьма приятно, что кто-то смог по достоинству оценить ее красоту.

В качестве встречного шага на пути к консенсусу в этой связи я мог бы предложить некоторым инициативным и азартным турфирмам предпринять попытку организации... так называемого “глубинного экологического туризма”, основанного хотя бы на тех же принципах интерпретации Фримена Тилдена. Думаю, в наших странах при соответствующей гуманной рекламе эта система сработала бы, поскольку дан-

ные принципы предполагают индивидуальный подход к каждому посетителю при “введении” его в таинственный мир дикой природы, а не навязывание массового ее бездумного обожествления, к чему пытается призвать уважаемый автор эссе.

И еще об этическом и религиозном в отношении к дикой природе. Я уверен, что между этими понятиями больше различий, чем сходств. Религиозное далеко-далеко не всегда морально, и наоборот. Могу привести пример. Проводя год назад исследование эстетических свойств участков дикой природы Украины как фактора ее заповедания по заданию самого В.Е. Борейко, мы провели опрос 40 различных людей (от рабочих до профессоров) на предмет того, какие ценности дикой природы являются основополагающими при ее заповедании. Так вот, среди шести предложенных ценностей (читай: мотиваций) этическая (с пояснением: сохранение природного наследия для потомков — моральная обязанность современного поколения) заняла первое место, а религиозная (с пояснением: участки дикой природы — предмет поклонения) — последнее! А автор настолько яростно и рьяно пропагандирует (даже местами навязывает) оголтелую, ничем не обоснованную тотальную сакрализацию дикой природы и представляет это как ведущий фактор ее охраны, что у меня невольно возникли определенные опасения в этой связи... Дело в том, что, как известно, в наших странах в современных демократически-полуанархистских условиях в последние годы появляется извне и развивается множество самых разнообразных, в том числе и весьма экзотических, новых религиозных верований и культов, многие из которых уже официально признаны деструктивными и социально опасными. Взять хотя бы широко известное и распространенное несколько лет назад “Белое брат-

ство”. И я подумал — не сможет ли навязываемая автором эссе “религия природоохраны”, при ее активном принятии большинством населения страны, в некотором будущем превратиться в нечто подобное? Безусловно, о том, что человек может приносить природе в жертву, например, свою жизнь, потому что природа более совершенна и возвышенна, в тексте прямо не говорится, но где-то глубоко в подтексте я это вижу. Очень хочу, чтобы я ошибался. А вообще, я не могу принять тезис, что абсолютизация чего-либо приведет к высокому эффекту. Уже “приводила” — и коммунистическая, и фашистская идеология — и известно, к чему привела. А ведь задумывались и они из самых добрых и благих намерений... Поэтому в охране природы я больше за моральность — и к человеку, и к Природе, а не за вульгарную “религию природоохраны”. Пусть каждый исповедует то, что ему ближе по душе, если это не угрожает уничтожению как человека, так и природы! И вообще, относиться к дикой природе с уважением и даже с любовью совсем не значит слепо ей поклоняться.

Следующий аспект, на котором я хотел бы остановиться — это характер восприятия разными слоями нашего населения идеи дикой природы в рассмотренном понимании в случае развертывания действительно массовой ее пропаганды. В этой связи следует отметить, что в целом книга достаточно сильно американизирована, автор так и сыпет цитатами заокеанских экофилософов, лишь слегка “разбавляя” свое эссе примерами из русской художественной литературы. И весьма мало, с моей точки зрения, уделяется внимание тому, как будут столь экзотические идеи “приживаться” у нас, исходя из ментальности наших народов. Дело в том, что автор использует достаточно тонкий идеалистический подход, мало понятный не только населению, но и

большинству отечественных природоохранников. Поэтому идея изначально предполагает весьма и весьма узкий слой тех людей, которые потенциально могут ее понять и принять, особенно в наших условиях. США, Канада, Австралия — это крупные, с большим количеством значительных участков неизменной природы, переселенческие страны с господством протестантских религий, в основе которых лежит неограниченное проповедничество и миссионерство. Поэтому здесь, на наш взгляд, идея дикой природы на несколько порядков более приемлема массово, чем, например, в католической Италии или православной Греции, не говоря уже о странах СНГ, где социалистический этап наложил на ментальность народов свои отпечатки.

И еще — автор при каждом удобном случае пытается “kozyрнуть” результатами социологических опросов, проведенных недавно в некоторых регионах Украины и России, состоящими в том, что 70% опрошенного населения считает дикую природу священной. Но при этом — никакой конкретизации методики опроса, не называется полностью сам вопрос и варианты предлагаемых ответов на него. Ведь можно спросить: “Почему дикую природу следует считать священной?”, перечислить десяток вариантов ответов на него и лишь в качестве последнего варианта предложить: “священной ее считать не следует”. При этом и возможен исход, на лево и направо иллюстрируемый многуважаемым автором. А можно сформулировать вопрос несколько иначе, более нейтрально и объективно: “Зачем надо охранять дикую природу?”, предложив равное количество в разной степени “утилитарно-прагматических” и “морально-духовных” ответов, среди которых один — “потому что она священна”, а последний вариант — “природе не надо охранять”, и тогда результат может получиться совершенно иным.

И еще одно замечание. В середине девяностых в своем незабвенном бестселлере “История заповедного дела в Украине” Владимир Борейко писал: “Но главное [в том, что в Украине туго с заповедным делом] видится в неудачной аргументации важности заповедников, в их бестолковой пропаганде. Людей вряд ли удастся завлечь мониторингом, эталонностью, сохранением биоресурсов и другими, пусть очень важными, но понятными только специалистам штучками. Массы далеки от биологии с экологией и вряд ли воспримут очередные околонучные откровения специалистов”. Чем же сейчас он предлагает привлекать массы к охране природы? А вот чем: “трансцендентальная сущность”, “метафизическое понимание”, “иерофания”, “Совершенно Иное”. Согласитесь, вещи намного более трудно постижимые, нежели те, на которые он сетовал несколькими годами ранее. То есть здесь мы имеем дело с резким креном от одной крайности к другой, еще более запутанной и непонятной.

При всем вышеизложенном, мне глубоко симпатична идея уважительного отношения человека к природе, признания ее и всех ее частей, как равных самому себе, но не выше себя; как субъекта, с которым можно общаться на равных, но не обожествлять и превозносить. В этой связи, с позиции привлечения широких масс к охране природы и в целом формирования идеологии отечественного заповедного дела, я являюсь приверженцем глубоко гуманной идеи единства культурного и природного наследия человечества и его социально-территориальных групп, сущность которой на наших просторах наиболее полно представлена в работах многоуважаемого профессора Юрия Александровича Веденина, а также его относительно немногочисленных пока единомышленников и последователей, к которым имею смелость отно-

сать и себя. Моя давняя мечта (но, к сожалению, совершенно несбыточная в современных условиях) — создать в Украине (как в стране, гражданином и патриотом которой являюсь) Министерство охраны и гуманного использования природного и культурного наследия, где объединились бы под одной “крышей” сфера охраны памятников истории, культуры и природы, музейное дело и заповедное дело. По такому принципу (в основном) работают и Служба национальных парков США, и Служба парков Канады, и Австралийская служба национальных парков и дикой природы.

И если с памятниками истории и культуры ситуация на “массовом” уровне более или менее понятна — это наше наследие, накопленное предками, которое мы морально обязаны сохранить для потомков, то для массовой популяризации данной трактовки применительно к природным заповедникам энтузиастам стоит немало потрудиться. И все же, думается, идея представления сохранившейся дикой природы как большой составной части общего Наследия Нации намного доступнее, понятнее и “применимее” для широких слоев нашего населения, нежели идея безудержной сакрализации дикой природы. Да, здесь есть определенная доля антропоцентризма, но он глубоко морален, и его не больше, чем подлинного эгоцентризма. И вот, когда будет достигнут уровень массового восприятия сохранившейся дикой природы, как Наследия Общества, можно предпринять осторожные попытки популяризации идеи равноправия Природы с Человеком, восприятия ее как самостоятельного субъекта, имеющего право голоса при принятии важных решений, свои интересы и потребности, с которыми человеку стоит считаться. Тогда и можно будет развивать идею дикой природы уже как Наследия самой Природы, при этом не исключая ее из на-

следея Общества. Я — за паритет в отношениях между Человеческим и Природным Обществами, и на современном этапе стержневой в заповедном деле считаю идею именно их наследия.

“Из ничего не творится ничто” (К вопросу о священности дикой природы)

Е.В. Поминова

Киевский эколого-культурный центр

*Если бы даже ангел с неба благовествовал
вам иначе, чем мы, да будет анафема.*

Тертуллиан.

Безмолвное страдание дикой природы, причиняемое ей человечеством, вынуждает природоохранников искать новые способы для ее защиты. Один из таких способов — “христианская идея спасения”, как ее назвала Татьяна Горичева в книге “Святые животные”. На эту тему достаточно много написано В.Е. Борейко. Целиком поддерживая идеи “священного в природе”, я хочу немного их расширить и в чем-то дополнить автора эссе “Современная идея дикой природы”.

Многим кажется, что убеждать здорового здравомыслящего человека в священности дикой природы глупо, т. к. этот человек, во-первых, может быть нерелигиозным, а следовательно — отрицающим или не понимающим термин “священное”, во-вторых — если верующим, то в какую-либо из религий, признающую священность только данной религии. Предполагая, что В.Е. Борейко верит в свою религию, т. е. религию природоохраны, но согласен признать любой термин “священности”, и даже священность любой религии ради идеи дикой природы, ради ее спасения, думаю необходимо попытаться понять, что же такого “священного” или чего-то другого, подразумеваемого под этим действием есть в природе. “Бог — это надежда для храброго, а не оправ-

дание для трусливого”, — сказал Плутарх. Признать божественность природы — в этом наша надежда.

Линда Грэбер, которую цитирует В.Е. Борейко, так объясняет понятие святого в пространстве. “М. Элиаде ввел термин “иерофания” (иерофаны — жрецы в Др. Греции), означающий “нечто святое, проявляющееся или показывающее себя нам”. “Иерофания” имеет место, когда нечто из порядка “Совершенно Иного” проявляется в объектах, являющихся интегральной частью нашего природного светского мира”. Некоторым экологами кажется, что призыв признать священность природы является призывом поверить в очередного мессию, полюбить эту святую силу и активно начать на нее (или за нее) молиться. Другая часть экологов полагает, что для сохранения остатков дикой природы необходим только научный подход — пересчитать, изучить, проконтролировать. Объявление священности природы для них непонятно.

Я лично уверена в том, что без признания духовности природы нельзя добиться успехов в ее сохранении. Кроме того, без создания сильной идеологии, т. е. системы правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых

будут четко осознаны и оценены наши взаимоотношения с природой, нет смысла продолжать заниматься природоохраной. В странах СНГ, по большому счету, где у людей есть “душа — потемки”, это принесет пользу не только в природоохране. Без священности природы нет ее идеи, стремления к идеалу, к совершенству. Возвращение статуса священности поможет простым, обыкновенным людям (неэкологам) изменить свое отношение к природе на уровне сознания. Никаким научным подходом нельзя этого добиться. Без душевного или хотя бы почтительного отношения к ней человечество будет только ее рационально использовать или, в крайнем случае, тщательно изучать — якобы с целью дальнейшей охраны.

Научный подход? Даже физики уже доказали, что картина реальности зависит от наблюдателя. “Мы теперь знаем, что когда за Луной никто не наблюдает, она находится совсем не там, где ей следует быть”, — известная шутка астрономов. Священность — это обретение панорамного видения, смена точки зрения, выбор нового непривычного для экологов угла зрения, трудно объяснимого. Однако состояние дикой природы на сегодняшний день требует, чтобы мы в какой-то мере сбросили часть “оков своих знаний”. “Я бы хотела научиться или вспомнить, как нужно жить. Я хочу сказать: я не думаю, что могу перенять у диких зверей какие-то их повадки — разве я могу пить теплую кровь, поднимать хвост, передвигаться так, чтобы следы моих ног совпадали с отпечатками, оставленными на снегу моими руками? — но я могла бы научиться безмятежности, ясности физических ощущений и величию жизни, лишенной каких бы то ни было страстей или корыстных целей. Жизнью ласки движет необходимость, в то время как мы живем под диктатом выбора, не выносим давления необходимости, но в конце концов самым жал-

ким образом увязаем в ее трясине”, — пишет Энни Диллард в своей книге “Учу камень разговаривать”.

Наука в поисках истины и реальности, а в нашем случае — с целью природоохраны — может, конечно, продвигаться еще дальше... Цитирую Генри Торо: “Давайте же приступим к делу и начнем пробираться сквозь грязь и распутицу мнений, предрассудков, традиций, заблуждений и иллюзий, этих наносов, что покрывают густым слоем земной шар, через Париж и Лондон, через Нью-Йорк, Бостон и Конкорд, через церкви и страны, через поэзию, философию и религию, до тех пор пока мы не доберемся до прочной основы, которую мы сможем назвать реальностью, и не скажем: “Нет сомнений, это оно”. Затем следует найти точку опоры, которой не страшен ни водный поток, ни мороз, ни огонь — место, на котором можно возвести стену, основать государство, надежно укрепить фонарный столб, а кроме того установить некий измерительный прибор, не какой-нибудь Пустотометр, а Реальнометр, с тем чтобы будущие поколения могли увидеть, насколько же глубоко пустили свои корни заблуждения и фальшь”.

“Знание, выходящее за пределы знания — вот мое знание”, — этот лозунг имеет прямое отношение к природе. Современные экофилософы, изобретая новые термины, пытаются дать объяснение многим удивительным свойствам природы. “Земля считается одной обширной иерофанией, но так как целую планету нашим слабым воображением мы не можем объять, то поэтому мы и фокусируем наше внимание на избранных местах”, — так Линда Грэбер трактует понятие геонабожности. Если хотя бы каждый пятый человек планеты сфокусирует свое внимание на кусочке земли как на священном месте, которое нельзя подвергать обработке, на котором могут расти любые сорняки,

тогда мы (экологи) пожнем гораздо больший урожай, чем тот, что мы имеем сегодня.

“Чувство священного само по себе не гарантирует сохранение окружающей среды. Хотя японцы почитают гору Фуджи как символ своей нации, они загрязнили ее снега и засыпали ее склоны мусором”, — пишет Эдвин Бернбаум в книге “Священные горы мира”. “Все это означает, что мы должны полностью осознавать последствия пробуждения чувства священного. Потому, что оно связано с вопросами конечной заботы — ценностями, ради которых мы готовы пожертвовать всем остальным — оно обладает способностью двигать нас к добру или злу. Оно может вдохновлять нас сохранять окружающую среду как что-то, что мы любим и лелеем, или вести нас к разрушению ее как чего-то, чего мы боимся или испытываем отвращение.

Только если оно поощряет нас почитать вещи как ценные сами по себе, а не как средства достижения других целей, какими бы благородными или возвышенными они не были, пробуждение чувства священного обеспечит нам прочное основание для усилий по сохранению редких животных и растений, других объектов дикой природы”. Люди, стремящиеся насладиться красотой природных пейзажей, могут избегать участков дикой, заброшенной природы. Но если признать такие участки непригодными для “рационального природопользования” — и не только пустыни или айсберги, а леса и болота, тогда можно считать, что экологи достигли высшей цели — охраны дикой природы как независимого государства, живущего по своим законам. Конечно, высшие цели зачастую находятся слишком высоко. Идея дикой природы В.Е. Борейко понятна очень немногим соотечественникам. “Раввин, которого прихожане не хотят изгнать из города — не раввин”, — гласит еврейская поговорка. Критические заме-

чания, высказываемые в отношении не только эссе, но и других книг В.Е. Борейко, конечно, кое в чем справедливы. Все новое и незнакомое приживается тяжело.

Что касается священности дикой природы — экологам необходимо отнестись к этой теме с особым вниманием. Это нужно в первую очередь для реабилитации их работы, для укрепления новой идеологии, для создания сильной поддержки среди сторонников охраны природы. “Природа, некогда строгий и внушавший страх учитель, ныне находится в подчиненном состоянии и нуждается в защите от человеческой власти. Однако, поскольку человек, независимо от того, каких интеллектуальных и технических высот он может достигнуть, остается неразрывно связанным с природой, тяжелая ноша давит также и на него, и та угроза, которой он подвергает землю, является угрозой и для него самого”, — говорит Джонатан Шелл. Мы лишили природу независимости, и это несет ей гибель. Джон Сид в “Глубинной экологии” пишет: “Перемена, которая от нас требуется — это не какая-то новая борьба с радиацией, а изменение сознания. Глубинная экология — это поиск жизнеспособного сознания”.

Признание святой силы дает человеку надежду на спасение. Любая сила вызывает у людей какие-либо чувства, чаще всего уважение. У священной силы природы человек ищет защиты, помощи. Так стоит ли нам, людям, лишать себя веры в силу, созданную даже не нашими руками, а создавшую саму себя и нас. Писатель и ученый Джон Фрэнклин, лауреат Пулитцеровской премии в книге “Молекулы разума” утверждает: “Мать Природа, хитрая и жестокая, но порой на удивление милостивая, внедрила один механизм в другой, чтобы помешать последнему полностью осознать свою механическую природу. Другими словами, сама вера — не более чем механизм”. Если

согласиться с вышеприведенными словами психолога, такой механизм необходим сейчас экологам для работы. Когда человек начинает осознавать, что он не в состоянии управлять не только окружающей средой, но часто собственной личностью, он обращается к религии. Все наши поиски, в конце концов, приводят к философии, которая,

подобно природе, лишена иной цели кроме той, чтобы быть самой собой.

Просто верьте.

Разве лепестки не опадают

Точно так же?

— урок, который дает нам природа, представленный в хайке Иссы. Давайте прислушаемся к нему.

Экологическая этика и биоцентризм: анализ философских подходов

И.А. Прохорова

*Российское представительство Всемирного фонда дикой природы,
109240, Россия, г. Москва, ул. Николаямская, 19-3,
кандидат социологических наук*

Основоположником экологической этики можно считать американского эколога Олдо Леопольда, который еще в начале 1930-х годов провозгласил лозунг экологического эгалитаризма.

Человек должен быть свергнут с трона монарха всего сущего, должен прекратить попытки управлять биосферой, превратиться в “простого гражданина биоты”. Таков был прозвучавший из-за океана ответ на идущую в это же время в Европе полемику вокруг концепции ноосферы.

Идеи новой демократии, равенства, свободы и децентрализации — эти черты, связанные с особенностями исторического опыта Северной Америки, определили тот факт, что США явились не только родиной экологической этики, но и по сей день представляют значительно большее развитие этого направления, чем, например, Европа. Экологическая этика получила признание в академических кругах, и в большинстве университетов США, где преподаются предметы, связанные с социальной экологией, экофилософией и т. д., общий курс носит название “Экологическая этика”.

На наш взгляд, очень удачное и образное объяснение сути экологической этики предложил в курсе лекций по экофилософии для студентов Университета Хельсинки финский экофилософ и социолог Олли Таммилехто: “...чтобы поймать основную проблематику, проследим за следующими положениями:

— у Кати есть права на жизнь;

— у Ивана много обязанностей по отношению к Кате;

— Катя не может рассматриваться как средство для достижения какой-либо цели;

— Кате присуща безусловная внутренняя ценность;

— Катина жизнь представляет собой ценность;

— Катя всегда должна приниматься во внимание, если кто-либо принимает решение этического порядка.

В том случае, если Катя — человек, все положения имеют смысл. Но что, если Катя, например, — корова?..

Некоторые положения из приведенных выше не теряют смысла, если Катя — животное. Весь вопрос заключается в том, где проходит граница, за которой начинается полный абсурд?

С другой стороны, в соответствии с работами многих специалистов в области экологической этики, Катя может быть:

- растением (Пол Тейлор);
- биологическим видом (Холмс Ролстон III);
- экосистемой;
- горой или озером;
- Землей или Геей ...”

Экологическая этика расширяет привычные границы и включает в рассмотрение окружающий человека мир. Как справедливо отмечает О. Таммилехто, принципиален вопрос о том, насколько расширяются границы этического поля. Ответ вряд ли может быть найден до тех пор, пока не решена центральная проблема экологической этики — чему и кому может быть приписана внутренняя ценность, и в чем она собственно состоит.

Не только центральной, но и основной дискуссионной проблемой экологической этики был и остается вопрос внутренней ценности, который, как упоминалось выше, был обозначен еще в рамках концепции сотрудничества с природой.

Двусмысленность попыток создания биоцентричной этики отмечается практически всеми исследователями.

Например, молодой философ и социолог К. Менес приводит в своей статье “Философия и задачи защиты среды” наиболее типичное рассуждение на эту тему: биоцентризм оставляет в пределах только две этические возможности: 1) идея внутренней ценности приписывает одинаковую моральную значимость всем формам жизни; 2) ценность нечеловеческих существ упорядочивается по неким моральным, интеллектуальным, эстетическим или иным стандартам.

Первая позиция ведет к абсурду: прихлопнуть муху — это тоже убийство. Кроме того, само положение, что различные формы жизни равны — не

может быть принято хотя бы потому, что в природе, в естественных экосистемах существует сложная сеть соподчинения, своеобразная иерархия, борьба интересов, а вовсе не равенство. Несмотря на очевидность, на первый взгляд, и убедительность этих доводов, именно идея равной моральной значимости всех объектов природного мира стала ключевой позицией глубинной экологии и экологической этики.

Вторая позиция, в конечном счете, превращает биоцентризм в антропоцентризм, поскольку защита нечеловеческого мира не может вестись иначе, чем в рамках человеческих оценочных понятий, какими бы тонкими и мудрыми они ни были. Типичным выходом является предложение ввести некую трансцендентную ценность, которая выше и человека, и природы, и человек может ей только служить. Такую модель действительно нельзя назвать антропоцентричной, но и биоцентричной она, фактически, более не является. Снова, не найдя логического завершения, уже на другом уровне социально-экологическая теория приходит к необходимости введения трансцендентного начала.

Можно согласиться с К. Менесом, который считает, что попытки изложения идеи возможного равенства различных форм жизни — это только позитивные формулировки негативного понятия, а именно: что у человечества нет привилегированного статуса по отношению к другим формам окружающего мира.

Если с точки зрения человеческой этики нельзя рассматривать людей как объекты использования, тот же принцип должен быть продолжен на животных, растения, реки, экосистемы и т. д. Дерево — нечто большее, чем цена кубометра дров. Таким образом, признание того, что вещи — нечто большее, чем использование их человеком, предлагается рассматривать, как сущность понятия внутренней ценности и

источник критики технологического тоталитаризма.

Феноменологический подход, подчеркивая фон традиций и опыта, на котором разворачиваются основные акты познания, обеспечивает убедительную базу для критики дуализма, ассоциирующегося с научным мышлением. Согласно феноменологии, поскольку мы всегда находимся в мире, полном значений, мир должен быть частью способа нашего существования, экзистенциальной структурой. Мы не соединены в одно целое с миром из отдельных, несвязанных вещей, и даже видеть вещи дискретными — это уже вторичный, производный способ знания или так называемая научная объективность. Таким образом, пропасть между ценностями природы и человека оказывается метафизической псевдопроблемой дезориентации теории познания. Ярким примером этого подхода является теория экологической коммуникации немецкого социолога Н. Лумана, сформировавшаяся под влиянием критического рационализма Франкфуртской школы и теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса.

К феноменологическому подходу можно отнести и концепцию экологического “я”. Отметим лишь, что критики феноменологии в социально-экологической теории утверждают, что необходимость введения трансцендентного субъекта не снимается (т. к. фактически функции трансцендентного субъекта передаются экологическому “я”). А это означает, что феноменологический подход оказывается неспособным убедительно обосновать категорию внутренней ценности.

Стратегия экологического холизма близка феноменологическому подходу и в некоторых аспектах смыкается с теорией экологической коммуникации. Например, практически всеми приверженцами этого направления разделяется утверждение о том, что любые цен-

ностные трактовки, в том числе и внутренняя ценность, могут рассматриваться лишь в контексте существующих связей, отношений в общей системе. П. Рассел предлагает для восприятия единства человека, общества и природы модель глобального социального организма. “Мы уже и сейчас — не что иное, как клетки различных органов, образующих общество”, — утверждает автор. На базе этого подхода делается отнюдь не новое заключение о нереальности индивидуального “я”, соотносящееся с идеями всеобщей взаимозависимости и психологическим опытом единства с миром.

В этой связи нельзя не отметить неординарную работу Б. Калликотта “Внутренняя ценность, квантовая теория и экологическая этика”, в которой автор пытается применить квантовую теорию для разрешения субъект/объектного противоречия и включения психологических характеристик “я” для обоснования понятия внутренней ценности.

Калликотт отмечает, что адекватная теория ценности остается центральной и наиболее неподатливой проблемой для неантропоцентрической этики. Такая теория должна предусматривать различную внутреннюю ценность диких и домашних животных и видов, индивидуального организма и иерархии сверхорганизменных образований — популяций, видов, биоценозов, биот и биосферы. Переосмысливая основы науки, метафизики и учения о психологическом “я”, Калликотт постепенно (особенно в своих дальнейших работах) переходит от поисков в общих квантовых основах естественной вне-человеческой внутренней ценности к обоснованию того, что саму теорию внутренней ценности можно не считать более центральной, необходимой и даже полезной. На смену внутренней ценности приходит идея холизма.

Формы холизма различны: упоми-

навшаяся уже организменная модель П. Рассела, сверхорганизменная Б. Калликотта, предлагаемая Э. Катцем модель “сообщества” и др. Объединяет их убеждение в том, что для обоснования ценности всего сообщества нет необходимости в обращении к внутренней ценности вообще. Ценность сообщества при этом принимается как данность, как аксиома, не требующая доказательств. Несмотря на логическую уязвимость, эта позиция оказалась плодотворной и стала одним из центральных принципов глубинной экологии.

Еще одним вариантом ухода от необходимости обоснования ценностной теории является мистицизм. Например, Ч. Джонс показывает, что мистицизм поднимает в нас совсем иное пространство, не похожее на “технологическое”, где нет пропасти между субъектом и

объектом, человеком и природой. Значит, технологический, рациональный взгляд на мир является просто заблуждением, преодолеть которое автор предлагает с помощью достижения определенного уровня просвещенности личности, но без помощи таких средств технологического мышления, как анализ.

Так или иначе, биоцентризм должен быть обращен в живой мир поведения людей, в котором природа уже полна смысла и ценностей. “Этика отношений с окружающей средой расцветет в садах социальной практики, а биоцентричное отношение к окружающей среде — последний резерв революционной энергии в технологическом наследии”, — так примерно звучит манифест практического биоцентризма, который и является стержнем глубинной экологии.

Абсолютная заповедность — последний оплот реальной охраны дикой природы

Ф.Р. Штильмарк

*Институт проблем экологии и эволюции РАН,
доктор биологических наук*

Проблема защиты дикой природы достойна БОЛЬШОЙ философии, а не нашей сугубо доморощенной, на уровне личных представлений. На тему “дикой природы” и отношения нашего к ней размышляли Шатобриан и Байрон, Шопенгауэр и Швейцер, Булгаков (философ, конечно, а не писатель!) и Флоренский, когда же Леонов пишет “любите природу дикую, а людей культурных”, то хотя это и верно, однако выражает “простоту хуже воровства”. Здесь проблема не только этически-моральная, но и религиозно-нравственная, проблема ДУХА и ТЕЛА, даже, если хотите, своего рода “борьба противоположностей”. Да, охота это страсть, но ведь чувства могут быть и

сильнее разума, ЛЮБОВЬ ТОЖЕ страстное чувство, а ведь прав Жан Дорст, что ПРИРОДУ СПАСЕТ ТОЛЬКО НАША ЛЮБОВЬ, то есть ЧУВСТВО, а НЕ РАСЧЕТ! Если мне придется все-таки писать о дикой природе, надо обратиться к творчеству двух братьев Кожевниковых, старший из которых был философом-идеалистом, а второй — экологом.

Хочу еще раз обратиться к Г.А. Кожевникову как к классику нашего отечественного заповедного дела. Нужно постоянно разъяснять, что есть “абсолютная заповедность”, я ведь за всю жизнь — учтите это! — не добавил ни одного слова к тому, что говорил и писал об этом Г.А. Кожевников. Замечу,

что в научно-методических записках “Заповедное дело” вып. 2, М., 1997 г. были помещены мои материалы о Г.А. (причем в оглавлении нет даже упоминания обо мне как авторе статьи о Кожевникове и составителе подборки его материалов). Не уместно ли сейчас еще раз напомнить: “Основной задачей охраны природы является СОХРАНЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ЕЕ В НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ (это и есть “абсолютная заповедность”! – **Ф.Ш.**) в целях научного изучения... Если мы взглянем глубже, то увидим, что познание природы есть основа как правильного миропонимания, так и материального благополучия отдельных людей и целых народов”. “А у нас, – писал Г.А., – “заповедным” ОФИЦИАЛЬНО считается Лосинный остров, превращенный в дачный поселок. Именно этот же тезис преподносят с важным видом сегодня руководители отечественного заповедного дела.

“Охранять ПЕРВОБЫТНУЮ ДИКУЮ ПРИРОДУ ради нее самой, смотря на прикладные вопросы, как на стоящие на втором плане, – вот основная идея охраны природы”. Отказ ОТ АБСОЛЮТА ради узких экономических интересов (это и экотуризм, а подчас и экопросвещение, чаще всего профанируемое ради элементарной выгоды – **Ф.Ш.**) с моей точки зрения ЕСТЬ ПОЛНЫЙ КРАХ идеи охраны природы. Всякое “хозяйство” (в том числе и так называемое “заповедное” – **Ф.Ш.**) по существу своему в корне противоречит идее охраны природы. Человеческое хозяйство есть всегда уродование природы. ТОЛЬКО НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО В ЖИЗНЬ ПРИРОДЫ СДЕЛАЕТ ПРИРОДУ НАУЧНО ИНТЕРЕСНОЙ. Если мы с этой позиции сойдем, то никогда не осуществим охрану природы в истинном смысле этого слова. Пусть это крайнее мнение, но оно истекает из сути дела. И мне было весьма грустно слышать, что вместо того, чтобы отстаивать идею ПОЛ-

НЫХ заповедников для охраны ПЕРВОБЫТНОЙ (конечно, в условном смысле “первобытной”, ибо глобальные формы тех или иных загрязнений и вмешательств проявлялись уже во времена Г.А. – **Ф.Ш.**) природы и изучения ее, отстаивать хотя и трудный, но ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ подход к делу, сразу переходят на защиту идеи более легко осуществимой, но чуждой всякого идейного интереса...”. В данном случае некоторые экологи, отказываясь от идеи абсолютной заповедности, защищают интересы ненавистных им охотничьих хозяйств. Ведь когда В.В. Докучаев и Г.А. Кожевников предлагают предоставить территории “абсолютно заповедных” участков природы в безраздельное владение “коренных обитателей!” (растений и животных), они вовсе не отвергают наличие НАУЧНЫХ СТАНЦИЙ, проведение научных исследований, конечно же, избегая при этом отстрелов и отловов, рубок и покопок. Печально, что нашу заповедную природу надо охранять не только от браконьеров, которых порой гонит голодуха, но и от иных доцентов с кандидатами... Известно немало печальных примеров более чем активного научного вмешательства в живую природу заповедников, и нередко наука оправдывает откровенное природопользование под видом всевозможных “регуляций” и “управлений биоценозами”. Поэтому-то столь необходимо само по себе понятие АБСОЛЮТНОЙ ЗАПОВЕДНОСТИ как едва ли не последнего оплота РЕАЛЬНОЙ и ДЕЙСТВЕННОЙ ОХРАНЫ ДИКОЙ ПРИРОДЫ.

Надеяться, что советские (пусть “пост-”, один черт) люди увидят в дикой природе нечто Священное, что они примут Религию природоохраны, увидят в В. Борейко или С. Забелине новых “Гуру”, конечно, более чем наивно. Общество СНГовное не только бездуховно и тупо, но и предельно материалистично + технократично. Ведь по-

чему я отстаиваю науку заповедную и заповедность “от людей для людей” (кстати, сей мотив звучит и в Законе США)? Потому что не поймут иного и не примут, раздавят как Чечню! Вот сегодня, слышно, обсуждают вопрос ООПТ в правительстве, похоже, что речь идет о передаче заповедников в Министерство госимущества, конечно, ради приватизации и коммерциализации, торговли ими — вот наша реальность, а не Священное пространство...

Разве я не знаю, что такое “заповедная наука” с учеными советами из бухгалтеров, сборами никому не нужных коллекций и методами сплошного отстрела? Когда мы плыли по Логате, то видели волков, “пасущих” стада диких оленей, а первое, за что взялся Таймырский “заповедник” — авиаотстрел на деньги, выделенные для патрулирования (и начальник отдела заповедников из главка в этом участвовал непосредственно). Примеров таких множество, но я рассматриваю заповедную науку лишь как ФОРМУ НАИМЕНЬШЕГО ЗЛА, ибо было бы хуже, если вместо этих жуликов пришли бы нефтяники и газовики. Наука — единственная реальная защита заповедности в на-

шем обществе, недаром Кожевников и Макаров обманывали — до поры до времени! — этим большевиков, пока не пришел “невинный” Малиновский. А у наших сегодняшних (не только министра МПР Яцкевича, но и у президента Путина!) психология абсолютно малиновская (она же — мичуринско-лысенковская), кроме уплаты парижских долгов и сбора налогов для них сегодня ничего более священного нет и не предвидится. Ельцин и тот был человечнее, хоть и груб, но не рядовой советский материалист, как эти.

И все-таки развернуть на примере США саму по себе ИДЕЮ охраны дикой природы совершенно необходимо и своевременно, надо только придать ей более рациональную и приемлемую для общества форму, не ориентироваться только на некое “светлое будущее”, а попытаться внедрить как уже принятую Западом (приходится прислушиваться!) и проверенную в реальности. Хотя в наших условиях это скорее всего будет чистая профанация, ибо даже с официальными ООПТ никто не считается, а так можно ВСЕ объявить особо охраняемым и повсюду творить что вздумается.

“Не то, что думаете вы, природа”

В.Н. Грищенко

*Каневский природный заповедник,
кандидат биологических наук*

Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит.

Н.В. Гоголь.

Необходимость выработки новой природоохранной идеологии лично у меня сомнения не вызывает. Ведь несмотря на значительный прогресс в охране природы, достигнутый за последнее столетие, она по-прежнему имеет прежде всего сугубо утилитарную

мотивацию. Но для того чтобы идея стала идеологией, нужно еще немало потрудиться. Чему, собственно говоря, и посвящен этот выпуск журнала.

Проблема прежде всего в том, что у В.Е. Борейко феноменальная способность хорошие идеи доводить до абсур-

да. Причина этого одна и та же: он берет одно направление охраны природы и абсолютизирует его, отмечая все остальное. Так не в меру пылкий влюбленный, увлекшись предметом своей страсти, не замечает ни его недостатков, ни других красавиц. Но если любовь иррациональна и непредсказуема по самой своей природе, то в практической деятельности нужно руководствоваться не чувством, а разумом. Тем более, что человек, претендующий на роль не просто теоретика, а идеолога, должен быть корректным и взвешенным в своих суждениях.

Так было, например, с эстетикой (Борейко, 1998а). Я совершенно согласен, что эстетический критерий должен учитываться в выработке приоритетов в охране природы, но когда его провозглашают главным — в пору хвататься за голову. Намного более важен ведь другой аспект — уязвимость вида или экосистемы. Если вид или ландшафт сказочно красивы, но им ничего не угрожает, нет никакого смысла кидаться сломя голову их спасать. Есть объекты более в этом нуждающиеся. Например, белый аист и лебедь-шипун имеют несомненную эстетическую ценность и большую популярность в народе. Но они сейчас прекрасно обходятся и без специальных мер по охране. Численность этих видов повсеместно растет. Достаточно просто не мешать им жить и помогать по мере возможности, исходя из простой человечности. А вот множество видов “неэстетичных” летучих мышей оказались в Красной книге. И уже недостаточно просто сохранять их в дикости, нужно помочь выжить. Для спасения глобально угрожаемых видов вообще нередко нужны чрезвычайные меры и специальные научные программы.

Теперь такой же абсолютизации подверглась идея охраны дикой природы. Она никак не увязана с охраной природы вообще, с интересами и мес-

том на планете человека. Главное — дикость, все остальное — по боку.

Подобные идеи не потому встречаются критику со всех сторон, что наши природоохранники такие уж ретрограды, а из-за того, что их автор нередко переходит границы здравого смысла. Проблема не в идеях, а в перегибах.

Все же, несмотря на многочисленные недостатки, работы В.Е. Борейко оказывают несомненно значительное положительное влияние на нашу охрану природы. По крайней мере, природоохранники бывшего Советского Союза сейчас запросто дискутируют о таких вещах, о которых лет десять назад просто ничего не знали или не задумывались. И даже если какие-то из высказанных в этих работах идей неприемлемы, они заставляют думать и спорить. А в спорах, как известно, и рождается истина...

Природа и дикость

Необходимость создания заповедников, wilderness areas и других охраняемых территорий, где природа могла бы жить по своим законам, возражения у специалистов не вызывает. Это одно из главных направлений охраны природы. Но тот максимализм, с которым все это преподносится, порождает, мягко говоря, неоднозначную реакцию. Дикая природа у В.Е. Борейко превращается в абстрактную философскую идею, и за лесом уже не видно деревьев. А ведь природа состоит из отдельных видов и экосистем. В.Е. Борейко утверждает, что вмешательство человека в дикую природу ухудшает ее. Однозначно оно нарушает одно — дикость, т. е. состояние природы. А вот дальше уже сложнее, потому что проблемы для одних оборачиваются благом для других. Появление озера из использованных для орошения вод в пустыне весьма благоприятно для водоплавающих птиц, но плохо для оби-

тателей барханов (хотя и для них — не всегда, появление водооя, например, может быть существенным положительным фактором). Глобальное потепление климата создает проблемы для одних видов и экосистем, но дает возможность безудержной экспансии для других. Все это природа, в том числе и дикая. Не нужно уподобляться школьной учительнице литературы, которая разделяет доску вертикальной чертой и выписывает с одной стороны положительных героев изучаемого произведения, а с другой — отрицательных. Уже старшие школьники понимают условность и упрощенность такого черно-белого видения мира. А ведь охраной природы занимаются вполне взрослые дяди и тети.

Прежде, чем ломать копыта по поводу новой идеологии, мы должны сначала решить, что нам важнее — сама природа или ее дикость. Ведь голая и безжизненная поверхность Луны — это тоже дикая природа, поскольку там нет человека.

По моему убеждению, мы должны прежде всего стремиться к сохранению богатства и разнообразия живой и неживой природы во всех ее проявлениях. Охрана дикой природы является одним из путей для достижения этого (Грищенко, 2001). Но если сохранение “дикости” превращается в самоцель, — это уже весьма далеко от реальной охраны природы. Это скорее чистая умозрительная философия. Далеко не всегда можно совместить сохранение самой природы и ее дикости.

Ну зачем всю сложность и многообразие проблемы сводить к такой школярско-примитивной схеме: “Уничтожение дикой природы есть зло. Защита дикой природы есть добро” (Борейко, 1998б)? А как быть, например, с теми случаями, когда дикая природа уничтожает самое себя? Должны ли мы умиленно все это созерцать или попытаться что-то предпринять? Предста-

вим, что наводнение или сель угрожают гибелью некоему эндемичному виду животных, обитающему в небольшой горной долине. Мы вполне можем построить дамбу и отвести угрозу, но это нарушит “дикость” этой территории и ее первозданную красоту. Можно сколько угодно спорить о том, как поступить в конкретной ситуации. Речь в данном случае о другом — жизнь неизмеримо сложнее столь примитивных формул.

Всех потрясла трагедия Аральского моря, но в истории Земли бывали катаклизмы и куда похлеще. Приведу лишь один пример, в чем-то похожий. В конце миоцена, примерно 6 млн. лет назад, из-за перемен климата Средиземное море высохло, превратившись в гигантскую соляную пустыню. На дне его накопилась двухкилометровая толща соли. Когда же волны Атлантического океана промыли Гибралтарский пролив, в соляную впадину хлынул грандиознейший водопад высотой 800 м и расходом воды в сотни Ниагар (Нессис, 2000).

За миллиарды лет существования жизни на Земле природа создала и уничтожила миллионы видов. И продолжает это успешно делать. Далеко не все виды исчезают по вине человека. Это вполне естественный процесс для дикой природы. Существует множество реликтовых форм, которые постепенно угасают. Должны мы их хоть как-то поддерживать или благословить на вымирание? Латимерия, гаттерия, яйцекладущие млекопитающие и много других обречены в эволюционном плане. Для дикой природы чем быстрее они исчезнут, тем раньше освободится место для других, более приспособленных форм. Как совместить сохранение природы в дикости и право видов на существование? Причем В.Е. Борейко (2001) ставит вопрос о правах уже не только в философском, но и в юридическом плане.

Дикая природа и биоразнообразии

Глава о биоразнообразии оставляет удручающее впечатление, поскольку постановка вопроса совершенно безграмотна. Употребляя популярные термины иностранного происхождения, полезно хоть не забывать первичное значение слов. Био-разнообразие — это разнообразие жизни. Если не жизнь мы охраняем, тогда что? К тому же то, о чем пишет В.Е. Борейко, на самом деле видовое богатство — лишь один из компонентов биоразнообразия. Биоразнообразие же включает в себя всю таксономическую вертикаль (от видов, подвидов и форм до царств) и все многообразие сообществ, экосистем, экологических отношений (см., например, Шеляг-Сосонко, Емельянов, 1997; Емельянов, 1999). Это понятие по сути охватывает всю живую природу. Дикая природа является составной частью биоразнообразия. Может ли часть быть важнее целого?

Столь же безграмотно и утверждение о том, что “виды флоры и фауны могут быть надежно защищены только в дикой природе”. Многим видам животных и растений там уже делать нечего. Найдите где-нибудь в дикой природе васильки или домового воробья. Дикая природа прекрасно освоила в свое время новые возможности, появившиеся в связи с выходом на арену жизни человека. И совершенно не заботилась о том, что стает уже не дикой, т. е. по нашим меркам как бы второсортной. Множество видов животных и растений прекрасно приспособились к жизни в измененной человеком среде. И без человека им будет гораздо хуже. Один лишь пример. С приближением зимы стаи грачей, синиц, снегирей и других птиц подтягиваются к населенным пунктам, где гораздо легче прокормиться. Немало водоплавающих птиц освоили для зимовки водоемы, не

замерзающие благодаря деятельности человека. Благоприятные условия зимовки снижают смертность птиц и повышают успешность размножения, а значит — растет их численность.

Презренный металл

Отдельно стоит остановиться на вопросе экономической оценки дикой природы. В.Е. Борейко (2000) выступает категорически против, считая это святотатством. В принципе, я с ним согласен. Однако, это, так сказать, поэзия. А проза жизни такова, что принятие решений об охране тех или иных участков природы зависит не от “правовверных” природоохранников, а от чиновников и политиков. А с ними лучше говорить на доступном для них языке. Я уверен, что из этой категории наших сограждан если не все 100%, то по крайней мере 99,9% считают разговоры о священности дикой природы, Совершенно Ином и т. д. полной ахинеей, если вообще хоть что-нибудь об этом слышали. Зато эти люди прекрасно представляют как выглядит сумма с шестью или девятью нулями. Если какой-нибудь полицейский начальник считает, что картину — шедевр мирового искусства — нужно охранять потому, что она стоит миллионы долларов, пусть так и будет. По крайней мере, это гораздо лучше, чем она останется без присмотра. Тем более, что оценивать можно по-разному. Никто ведь не говорит о цене “Моны Лизы”, речь идет о ее страховой стоимости. Можно сказать, что это всего лишь эвфемизм, но суть в том, что картину никто продавать не собирается. Высокая же оценка как раз способствует ее защите.

Да, нормальный человек не станет сейчас продавать мать, любимую, ребенка. В это предложение я не зря вставил слово “сейчас”, потому что когда-то все это было в порядке вещей. Прошли тысячелетия развития челове-

ства, чтобы такие отношения стали нормой. Сегодня они соответствуют морали всего общества. Отношение же к дикой природе как к святыне пока является только прекрасной мечтой. И не известно, когда эта идея станет материальной силой, овладев массами. А дикую природу надо охранять уже сейчас. И если карпатские пралесы будут сохранены только потому, что “в живом виде” они гораздо дороже кубометров древесины, кому от этого будет хуже? По крайней мере, они смогут дожить до того момента, когда люди станут смотреть на них другими глазами. Есть, например, данные, что экономический эффект использования лесов для рекреации в 20 раз превышает стоимость лесосырьевых ресурсов (Стойко, 2001). Это неплохой аргумент для чиновника, от которого, еще раз повторю, и зависит прежде всего судьба леса. Кто знает, если бы варвары, разграбившие Рим, соображали, что статуи стоят гораздо дороже золота и серебра, из которых они сделаны, может мы и сейчас могли бы любоваться шедеврами древних мастеров, думая уже не о звоне монет, а о вечном.

Б. Гржимек с успехом использовал экономические аргументы при создании национальных парков в Африке. Он смог убедить людей, что гораздо выгоднее получать деньги от туристов, приезжающих посмотреть на сохранившиеся участки дикой природы, чем ее угробить. Разговоры же о праве дикой природы на существование “ради самой себя” в нищей голодной стране — это пустое сотрясение воздуха.

От того, что мы “наставляем рога” экономистам, которые в кои-то веки пошли навстречу природоохранникам, мы только создаем себе дополнительные проблемы. А состояние дикой природы сейчас таково, что для ее защиты под свои знамена нужно собирать как можно больше союзников. Думаю, что экономический подход может быть вполне принят если не в плане стратегии,

то хотя бы тактики на современном этапе.

Мотивация охраны природы

В трудах В.Е. Борейко меня поражают неустрашимые противоречия и нестыковки, на которые автор просто не обращает внимания. Он перешагивает их и идет дальше, нанизывая бесконечные гирлянды цитат.

Вряд ли кто-то захочет оспаривать следующее утверждение: *“возможно сейчас имеется последний шанс для создания эффективной системы защиты дикой природы. В будущем такая задача станет еще более трудной как физически, так и финансово. То есть, территории дикой природы, которые мы спасем в ближайшее время, станут всем, что мы спасем...”*. Но если так, то стратегия и тактика охраны дикой природы должны учитывать реалии сегодняшнего дня. Нам же преподносятся совершенно “заоблачные” мотивации, которые может быть станут действительными в отдаленном будущем, да и то с существенной корректировкой. Пока же они вызывают аллергию даже у многих специалистов-природоохранников, что уж говорить о широкой публике. Идеалы должны быть по крайней мере понятны и приемлемы для общества, иначе грош им цена — они так и останутся очередными красочными утопиями.

В.Е. Борейко считает, что “человеку должно быть стыдно за уничтожение дикой природы”. А может быть и не стыдно. Все зависит от “угла зрения”. Осушение болота ведь можно рассматривать и как уничтожение уголка дикой природы, и как спасение людей, живущих возле него. Природоохранник будет придерживаться первой позиции, тракторист, получающий зарплату за рытье канавы, — второй. И оба будут вполне в ладах со своей совестью. Дикая природа священна? Может быть. Но и жизнь человека тоже священна. А вот вполне рациональный

аргумент, что без болота высохнет вытекающая из него речка, в колодцах исчезнет вода и тем же людям будет еще хуже, поможет найти общий язык обеим сторонам.

Человек вообще научился неплохо манипулировать и совестью, и верой (подробнее об этом см. Грищенко, 2000). Это можно считать одним из приспособлений вида *Homo sapiens*, позволившим ему занять доминирующее положение на планете. Если бы люди последовательно придерживались религиозных заповедей, мир был бы совершенно иным.

Вряд ли можно считать удачным ходом и перенесение на охрану природы политической риторики — “независимое государство”, “попираемое меньшинство” и т. д. Политика никогда не делалась чистыми руками, она всегда прагматична и нередко цинична. О какой морали идет речь? Дон Кихотам в политике делать нечего. Соседство высокопарных и высокоморальных философских изречений с политическими лозунгами их не украшает. Люди и между собой никак не разберутся и не поделятся, а уж признать дикую природу “независимым государством” и по-прежнему не захотят. Рассуждения о демократических ценностях, правах человека и т. п. не так уж редко оказываются банальным лицемерием. Если все это вступает в противоречие с коренными интересами государства (а то и отдельных политических деятелей), в первую очередь учитываются именно они. Лидеры великих держав преспокойно отдали Чехословакию “на съедение” Гитлеру, лишь бы он их самих оставил в покое. Почему Соединенные Штаты вкупе с союзниками объявили войну Ираку, спасая Кувейт, но никогда не трогали Израиль? Почему американские самолеты бомбили Югославию для защиты албанцев, но те же американцы не спешат защищать курдов, басков, ирландцев? Об индейцах я вообще молчу. В ходу мораль двойных стандар-

тов. Наивно полагать, что к дикой природе отношение будет принципиально иным. Убийство человека сейчас является признанным преступлением во всем мире. Кого-нибудь из политиков, разжигавших войну, это остановило? А подобное отношение к дикой природе пока является только отдаленным идеалом.

Сообщения средств массовой информации об эпидемии ящура в Великобритании полны жутких картин — по малейшему подозрению уничтожаются тысячи и тысячи ни в чем не повинных животных. О биоэтике, праве на жизнь, священности жизни “просвещенная Европа” как-то стыдливо замолчала. Журналисты жалеют в основном бедных фермеров, понесших значительные убытки. Если какая-либо серьезная угроза будет исходить от “святилища дикой природы”, например, болезнь вроде СПИДа, его священность на этом закончится. Никто, кроме части природоохранников, не станет вспоминать о “независимом государстве” и его правах. Да и государства “обламывают”, когда от них исходит угроза окружающему миру.

Нам нужна выработка идеалов, к которым следует стремиться, но зачем все сваливать в одну кучу и смешивать их со стратегией охраны природы в нынешних условиях? Нестыковка идеала с реалиями жизни “испортила всю обедню” большевикам. Они считали, что после революции откуда-то появятся другие люди, которые будут честно и самоотверженно трудиться на общее благо, умерив свои запросы. Но люди остались прежними, и вся затея с треском провалилась. Откуда возьмутся люди, которые будут считать дикую природу священной и трепетно беречь ее, если сегодня они относятся к ней совершенно по-другому? Будем перевоспитывать? Но кардинально перевоспитать человека не удалось еще никому. Он не перестал, например, ни убивать, ни воровать, хотя с этим уже ты-

сячелетия борются едва ли не все религии мира, мощные государственные институты, система образования и воспитания и т. п.

В.Е. Борейко утверждает, что “создание атомной бомбы навсегда обесславило науку”. Ну зачем делать такие глобальные обобщения? Г. Конвенц, В.В. Докучаев, Г.А. Кожевников, И.П. Бородин, В.И. Талиев, О. Леопольд, Б. Гржимек и другие ученые-природоохранники не имели к атомной бомбе никакого отношения. Да и принимали решение о ее применении политики, ученые как раз выступали против (было ведь знаменитое письмо президенту). Сделать нож и сунуть его под ребра — разные вещи. Некоторые выдающиеся ученые-ядерщики стали пламенными борцами за мир и разоружение. Ф. Жолио-Кюри и А.Д. Сахаров, например. И именно ученые предотвратили термоядерную мировую войну, показав политикам, чем все это может закончиться. Или может “сильные мира сего” вдруг слышали заповедь “не убий”, о существовании которой раньше не подзревали?

Да даже и создателям атомной бомбы предъявить моральные претензии не так-то просто. Шла ведь мировая война, и немцы первыми начали разработку и ядерного оружия, и ракетной техники. Бомба нужна была в качестве “контраргумента”. Если бы ракеты “Фау-1” и “Фау-2” получили ядерную “начинку”, всем было бы очень “весело”. В том числе и дикой природе.

Но дело не в этом, я не собираюсь никого оправдывать. Для меня в таком аргументе более интересно другое. Ведь если так, то это же самое “навсегда обесславило” и христианство. Именно христиане развязали две мировые войны в XX веке, создали атомную бомбу и испытали ее на людях. А уничтожение храмов и других святынь “конкурентов”, представляющих немалую культурную и историческую ценность,

инквизиция, религиозные войны, всплески кровавой резни на почве фанатизма и т. д. и т. п. не “обесславили” религию вообще? Один “Молот ведьм” чего стоит — непревзойденное практическое руководство по пыткам и “выбиванию” признаний. Написали сей “шедевр” два монаха, между прочим. Давайте уж быть последовательными в обобщениях. Ну и к чему они приведут? Но нам предлагается тщательно выискивать “зеленые” крупицы во всех религиозных верованиях*, наука же к охране природы отношения вроде бы и не имеет. Могу посоветовать В.Е. Борейко пролистать собственные книги о пионерах охраны природы и подсчитать, какую долю из этих пионеров составляют ученые.

А человечество в целом не обесславило себя алчностью, кровожадностью, эгоизмом, неразумным поведением? Можем ли мы уповать на то, что оно прозреет и изменится к лучшему?

Повторюсь еще раз: состояние охраны природы таково, что мы должны консолидировать все силы, везде искать союзников, а не плодить противников “на ровном месте”. Как бы ни относиться к науке, нельзя не признать, что ученые, научные и околонаучные организации играют ведущую роль в мировой охране природы. И если природоохранники начнут разбираться, кто важнее — жрец или мудрец, это будет только на руку их противникам.

В “природоохранном шаманизме” есть и обратная сторона медали. Священность какой-либо территории или объекта может послужить не только охранной грамотой, но и приговором. Проблема в том, что люди имеют дурную привычку специально уничтожать святыни своих противников или то, что не вписывается в догматы собственной

*Не могу не вспомнить Конфуция: “Очень трудно искать в темной комнате черную кошку. Особенно, если ее там нет”.

веры. Христианские священники уничтожали деревья-патриархи, которым по традиции продолжали поклоняться обращаемые в новую веру язычники. Обычные деревья такой неприязни не вызывали. Точно так же статуя какого-нибудь римского патриция не порождала такого праведного гнева у первых христиан, как изваяния Зевса или Аполлона. Что осталось от древнегреческих храмов? Где Александрийская библиотека? Совсем свежий пример — судьба статуй Будды в Афганистане. Покопавшись в учебнике истории, таких примеров можно найти сколько угодно. Вряд ли есть основания считать, что человечество станет более единым в обозримом будущем. И может ли кто-либо поручиться, что участок пралеса или целинной степи, которые мы объявим священными сегодня, не будут через какое-то время уничтожены как “идейно чуждые”, “обиталище бесов” или что-то в этом роде?

Дикая природа как миф

Мифопоэтизация дикой природы может помочь ее охране. Если кому-то легче жить с мифом — что ж, пусть будет так. Однако, в этом важно не переходить границы здравого смысла. Миф не должен заменять саму природу. Иначе тогда столь же мифичной будет и ее охрана. Кроме того, не все так безобидно и безоблачно. Жители бывшего Советского Союза совсем недавно пережили крах одного мифа, вполне возведенного, кстати, в ранг “священной традиции” и “откровения”. И далеко не для всех это прошло безболезненно. Миф страшен крушением. А его не избежать при столкновении с реальностью. Стоит ли уподобляться юной вертихвостке, выскочившей замуж после пары вечеров с новым приятелем на дискотеке? Потом быстренько разбежались — оказалось, что ее избранник не только сильный и красивый, умеет хорошо танцевать и тра-

вить байки, но также хочет регулярно кушать, что нужно мыть посуду и стирать грязные носки. Поэзия мифа не выдержала испытания прозой жизни. У природы таких “грязных носков” предостаточно. И прежде, чем объясняться ей в любви, желательнее познаться поближе. Меньше иллюзий — меньше разочарований.

Можно взглянуть на все это и с другой стороны. Если любишь человека, нужно любить его и на взлетах, и в падениях. Если любишь природу, принимай ее такой, какой она есть. Не нужно сочинять себе некий “возвышенный идеал”. Природа выше наших убогих представлений о ней. Как не вспомнить бессмертные слова Н.В. Гоголя, приведенные в эпиграфе. Тем более, что реальная природа далека от той лубочной картинки, которую нам рисуют некоторые экофилософы.

“Добро” и “зло” в природе

Я не понимаю, что такое “абсолютное добро” в дикой природе, о чем пишет В.Е. Борейко (19986). Добро и зло есть два полюса жизни. Они всегда относительны, потому что о добре или зле можно говорить лишь применительно к конкретному объекту. Лисица поймала зайца. Для самого зайца это зло, но для лисицы и ее детенышей — несомненное добро. Они погибнут от голода без этого. Подобных примеров можно привести тьму. Разделять добро и зло в природе можно с не большим успехом, чем разламывать магнитную стрелку компаса в надежде получить “абсолютно южный” ее конец. Не бывает южного магнитного полюса без северного. Если есть отрицательный электрический заряд, где-то имеется и равный ему по величине положительный. Это фундаментальные законы природы. Подобно этому в природе существует равновесие добра и зла. В конце концов, для того, чтобы что-то кому-то дать (добро), нужно его у кого-

то отнять. И материя, и энергия, как известно, не возникают из ничего. Об изначальности “добра” и “зла”, как одной из форм поляризации мира, пишет и С. Мухачев (1997).

“Абсолютное зло” в религиозном понимании этих слов является таковым лишь в системе координат человека. То есть, мы приходим все к тому же антропоцентризму, от которого нас пытаются всеми силами увести В.Е. Борейко.

Но даже и в этом случае его абсолютность является условной. Это всего лишь символ, жупел, необходимый для удержания паствы в повиновении. Можно привести немало примеров того, как добро ведет ко злу, и наоборот. Если ребенку с детства позволять делать все, что ему вздумается, высока вероятность того, что он вырастет подонком. Наказание же за мелкие проступки (зло с точки зрения ребенка) помогает избежать более крупных. С другой стороны, вспомните “Мастера и Маргариту” М. Булгакова: носители зла делают добро, наказывая подлецов. Да и само существование полюса “абсолютного зла” (мнимого или реального — неважно) не является ли в глобальном отношении добром? Ведь, чего лукавить, значительная часть религиозных людей старается не грешить и делать добрые дела, чтобы не попасть в ад. Как все сложно и запутано уже внутри человеческого общества!

В.Е. Борейко же ставит во главу угла дикую природу. Для нее жизнь отдельной особи да и вида в целом — вообще ничто. Это всего лишь капля в море, от испарения которой оно не обмелеет. Что тут можно назвать “абсолютным добром”? Может быть, жестокую борьбу за существование, в которой из сотен, тысяч, а то и миллионов особей выживают единицы? Да и то лишь затем, чтобы оставить потомство и уступить место другим. Может, добром было массовое вымирание животных и растений во время природных катаклизмов? Ледник стер с лица Зем-

ли жизнь на огромных пространствах. Трагедия это лишь с точки зрения человека. Природа же стоит выше наших понятий о добре и зле. Для Вечности это лишь эпизоды, болезни роста, как для ребенка потеря молочных зубов. Вырастут новые. Исчезли динозавры — на смену им пришли млекопитающие и птицы. Нет лесов из папоротников, хвощей и плаунов — на их месте буяют дебри из хвойных и лиственных деревьев. Каждый новый вид возникает “на костях” своих предшественников.

Или, может быть, “абсолютным добром” являются отношения внутри одного вида? В животном царстве можно найти немало примеров взаимопомощи, трогательной заботы друг о друге, верности и даже альтруизма. Но хватает и другого. Приходилось ли теоретикам “абсолютного добра” слышать, например, такие термины как “каинизм” и “кронизм”? Слово “каинизм” говорит само за себя. Суть этого явления в том, что у птенцов многих видов птиц в определенном возрасте проявляется неудержимая агрессия по отношению к сверстникам. Старший и более сильный птенец может убить и даже съесть того, что поменьше. Причем этот “кошмар”, с точки зрения человека, не является редким исключением. Например, у малого подорлика в Восточной Словакии от каинизма погибает 38% птенцов. У беркута выживает не более 30-50% птенцов, выплывшихся вторыми (Meuburg, 1981). Только у крупных хищных птиц каинизм отмечен для 27 видов (Meuburg, 1978). Родители никак не препятствуют такому выражению “братских чувств”.

Слово “кронизм” также многообещающе. Если читатель знаком с греческой мифологией, он должен знать, что бог Кронос проглатывал своих детей. Именно так назвал Э. Шюц (Schüz, 1957) описанное им на примере белого аиста явление, когда родители про-

глатывают маленьких птенцов. Еще больше их не съедается, а просто выбрасывается из гнезда. Причем все попытки вернуть выброшенного аистенка в гнездо заканчиваются безрезультатно. Среди причин гибели птенцов у белого аиста выбрасывание родителями стоит на первом месте. В Украине на это приходится 41,9% случаев с известной причиной гибели (Грищенко, Габер, 1990), в Польше — 38,6% (Jakubiec, 1991), в Восточной Германии — 55,2% (Zöllick, 1986). Цифры, как видим, достаточно близки. Это не случайность, а закономерность, причем явление распространено повсеместно. Важно отметить, что ни канинизм, ни кронизм не связаны с непосредственной угрозой голодной смерти. Это регуляция численности потомства, но срабатывает она гораздо раньше наступления критической ситуации. Какой “спусковой механизм” этой реакции, пока до конца не ясно, но с уверенностью можно сказать одно — как и всякое инстинктивное действие она проявляется не всегда адекватно ситуации.

Ах какая это жуть с точки зрения человека: “брат на брата”, “родитель на ребенка”! Но для природы наши охи-ахи смехотворны. Она жестока, но мудра: если не может выжить весь выводок, пусть выживет хоть кто-нибудь. Если умирающая от голода волчица съест своих детенышей и благодаря этому останется жить, она сможет произвести на свет новое потомство в будущем. Если же она погибнет, неминуемая смерть ожидает и ее отпрысков. Линия жизни прервется. Такие действия — зло для отдельной особи, но большое благо для вида в целом. Опять приходим к относительности добра и зла в природе.

И. Ефремов в “Часе быка” пишет: *“Пресловутый естественный отбор природы предстал как самое яркое выражение inferнальности, метод добиваться улучшения вслепую, как в игре,*

бросая кости несчетное количество раз. Но за каждым броском стоят миллионы жизней, погибающих в страдании и безысходности. Жестокый отбор формировал и направлял эволюцию по пути совершенствования организма только в одном, главном направлении — наибольшей свободы, независимости от внешней среды. Но это неизбежно требовало повышения остроты чувств — даже просто нервной деятельности — и вело за собой обязательное увеличение суммы страданий на жизненном пути...”

Ж. Блон (1975) описывает построение мигрирующего стада бизонов. В конце его бредут раненые и ослабевшие животные. *“Кое-как ковыляя то рысцой, то галопом, с поникшей головой, иногда с вырванным глазом, они старались не отбиться от стада, зная, что следующий раз будет последним. Почти всегда это старые животные, лет сорока или пятидесяти. Суровый закон отвел им место позади стада, да и сами они его выбрали, примирившись со своей судьбой. Среди них несколько бизонов помоложе, изнуренные болезнью или случайной раной. Волки всегда нападают сзади, а стадо продолжает свой путь. Никакой жалости к старым и слабым”*. А вот картина водопооя на реке, когда изнуренное жаждой огромное стадо кидается к топкому берегу: *“Десятки тысяч бизонов летели к воде, как тяжёлые паровозы на полной скорости. Животные первых рядов не успели ничего предпринять, чтобы выбраться из топи, да и не пытались это сделать, так как напавшие сзади уже опрокинули их, прошли по ним и в свою очередь сразу завязли в грязи и тут же оказались под ногами других”*. Итогом этой “Ходынки” были тысячи втоптаных в грязь умирающих бизонов.

По такому же жестокому “закону Джунглей” не так давно жили и люди. Обычай убивать или оставлять на го-

лодную смерть стариков был широко распространен у самых разных народов на ранних ступенях развития. Хватало и всевозможных человеческих жертвоприношений. Можем вспомнить также нравы древней Спарты — убийство слабых детей. Так что не надо идеализировать ни дикую природу, ни первобытного человека, жившего в гармонии с ней. По мнению Дж. Фрэзера (1980), он вообще был в большей степени рабом, чем во все последующие исторические эпохи, поскольку вся жизнь от рождения до смерти была жестко регламентирована наследственным обычаем и религиозными предписаниями.

В этологии есть такой термин — “избыточное убийство”. Это хорошо известный синдром волка в овчарне, когда оказавшись среди изобилия жертв хищник начинает крушить все налево и направо. Вот оно первобытное зло во всей своей “звериной” сущности: лужи крови, груды искромсанной плоти, хрипы и стоны умирающих живых существ... Однако давайте опустим занавес и попытаемся трезво осмыслить эту драму жизни, абстрагировавшись от эмоций хозяина, потерявшего в одну ночь все стадо. Ведь когда подобные действия хищников приводят к гибели врагов человека, отрицательных эмоций это не вызывает, хотя финал драмы примерно тот же (см. выше). Например, ласка, пробравшись в мышиную нору, может запросто уничтожить всех ее обитателей. Кому-нибудь придет в голову преследовать ее за это как кровожадного хищника?

Волк “в здравом уме” не станет гоняться за десятком овец по всему пастбищу. Ему хватит одной. Но в овчарне животные не могут спастись, и агрессию хищника “зашкаливает”. Вот здесь мы подходим к разгадке. Такое происходит обычно в том случае, когда хищник видит перед собой и избыточную и неубывающую плот-

ность жертв. В природе такой “срыв” служит одним из эффективных способов подавления всплесков численности животных. Во время инвазий грызунов, например, питающиеся ими животные убивают больше зверьков, чем могут съесть. Природа в целом от этого только выигрывает, поскольку поддерживается стабильность экосистемы.

Что такое смерть? Конкретный индивид воспринимает ее как несомненное зло. Последуем определению А. Швейцера (1973): добро — это то, “что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь и препятствует ей”. В.Е. Борейко (1998б), вслед за греческой поэтессой Сафо, считает смерть злом. Это верно с точки зрения человека или любого другого биологического вида. Но природа и сама жизнь невозможны без смерти. Без нее немислима смена поколений и элементарное развитие. Это понимал еще Сенека, римский мыслитель I в. н. э: “Жизнь дана нам под условием смерти и сама есть путь к ней” (цит. по: Щербатых, Ноздрачев, 2000). В глобальном масштабе смерть оказывается уже благом. Гибель отдельных особей, видов, таксономических групп и экосистем расчищает место для других. Благодаря этому “злу” жизнь на Земле развилась до того уровня, который мы видим сейчас. Более того, живой организм — открытая система. Он должен получать энергию и “строительный материал” извне. Далеко не все живые существа научились фотосинтезировать. Для многих из них, чтобы жить, нужно кого-нибудь съесть. Да и для растений необходимы минеральные и органические вещества в почве. А попадают они туда не в последнюю очередь благодаря разложению погибших ранее живых организмов. Сохранение и развитие жизни по А. Швейцеру есть добро. Так еще раз: смерть — это добро или зло?

В.А. Кутырев (1994) писал: “...

смерть вплетена в саму суть жизни, в ее природу. Все рожденное должно умереть, чтобы родилось новое. (...) Акт рождения и смерти — самый глубокий, самый фундаментальный и драматический фазис обновления, связанный с превращением живого в неживое и наоборот. Исключить этап смерти, значит лишить бытие основательности, полюсов пульсирования, создающих необходимое напряжение для его развития”.

Кто-то может усмотреть в сказанном выше чуть ли не апологетику зла. Да ничего подобного. Просто я воспринимаю мир таким, каким он есть. Можно ответить словами А. Блока: “Узнаю тебя, жизнь! Принимаю! И приветствую звоном щита”. Причем слово “щит” здесь как раз к месту. Жизнь — это борьба.

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой. —

Подводит итог в последние свои минуты Фауст.

Попытки втиснуть живую природу в прокрустово ложе человеческих представлений о добре и зле будут иметь не больше успеха, чем потуги муравья постичь, что же такое египетские пирамиды. Существо, живущему в двумерном пространстве, не дано познать таких вещей как высота и объем. Точно так же невозможно “объять необъятное” и понять принципы устройства и функционирования биосферы, будучи всего лишь одним из видов, в нее входящих. Но у человека, в отличие от того же муравья, есть инструмент, позволяющий оторваться от своей “плоскости”. Это — разум. Он ведет по пути познания окружающего мира. Разумом и знаниями и нужно руководствоваться в охране природы, а не эмоциями.

“Весь мир насилья мы разрушим”?

Как профессионального биолога да и просто здравомыслящего человека

меня поражает, что некоторые умные и образованные люди пишут о “перевоспитании” биосферы, о принципиальной возможности устранить “хищничество, паразитизм и иные способы существования, связанные с причинением смерти или страданий одним существом другому” (Мухачев, 1997). Увы, биосфера устроена на других принципах. Ее нельзя “перестроить”, нужно просто создать заново. Ну не может волк питаться морковкой, организм у него по-другому устроен. Можно возразить, что домашние собаки и кошки вполне способны обходиться без мясной пищи. Да, но их кормит человек. Дикие животные должны добывать себе пропитание сами, и каждому из них природой отведена вполне определенная роль в экосистеме. Одицавшие собаки и кошки тоже ведь переходят ко вполне “кровожадному” образу жизни своих предков.

С. Мухачев (1997) пишет о такой перестройке биосферы — “сотворчестве с Богом” — как о деле “пока еще далекого будущего”. Но, позвольте, зачем так скромничать? Не подобным ли “сотворчеством” человек занимался по крайней мере несколько последних тысячелетий, “перевоспитывая” природу по мере возможности — выжигая и вырубая леса, осушая болота, обводняя пустыни, уничтожая одни виды и расселяя другие? Результат, как мы сейчас можем судить, получился не ахти. Воистину правы Стругацкие: “Трудно быть богом”. Давно ли нам рассказывали, что Творец не в ту сторону повернул северные реки и надо бы эту оплошность исправить? Подобные проекты у наших природоохранников уже давно пиетета не вызывают. Вот глобальное разрушение цепей питания — это да! Это мы еще не пробовали. Наглядный пример того, к чему приводит игнорирование экологической науки. Без нее природоохранник похож на дикаря на подводной лодке. Желает

тельно все-таки знать, на какие кнопки можно нажимать, а какие лучше не трогать.

Сейчас вся Европа “стоит на ушах” из-за набирающей обороты эпидемии губчатоподобной энцефалопатии, в просторечии — “коровьего бешенства”. А началось все с того, что коров — исконно травоядных животных — заставили есть белковые добавки из мясокостной муки. В результате вяло тлевший очаг прионных инфекций (прионная болезнь овец скрепи известна еще с XVIII века) вспыхнул с новой силой. Это напоминает попытку поставить стог сена на пригасший костер. Ничего противопоставить “коровьему бешенству” медицина пока не может. Прион — даже не вирус, а просто белок. Контагиозность его невообразима. А ведь в природе есть “противоядие” против этой заразы, иначе плотоядные животные давно бы исчезли с лица Земли. Просто коровы должны есть траву, а волки — мясо. Кто может предсказать, какие еще “подарки” ждут человека на тернистом пути “перевоспитания биосферы”?

Д. Андреев (1997) вообще предлагает не просто “перевоспитать” животных, чтобы никто никого не ел и не обижал, но и научить их уму-разуму. При этом “не подавшиеся” хищники должны быть уничтожены. Ответ на вполне естественный вопрос, который приходит в голову даже человеку, далекому от биологии, — где разместится все это скопище живых существ и чем будет питаться — ничтоже сумняшеся переносится на наших потомков: авось придумают. Но дело не в этом. Опускаться до серьезной дискуссии на эту тему с позиций биологии и экологии я не собираюсь. Поговорим о философских вещах. Такой “биосферный коммунизм” может быть построен только путем бесконечного насилия над всей живой природой. Перевоспитывать придется не только хищников. Все это

уже было в человеческом обществе: и передовая теория, и обещания светлого будущего, и разглагольствования о демократии и гуманизме, и воспитание нового человека. А также миллионы жертв по ходу дела. И полный крах, как закономерный финал. Большевики ведь тоже были уверены, что вооружены единственно верным учением, взялись кардинально перестраивать мир, вопреки “негуманным” законам “дикой” экономики, перевоспитывали сомневающихся (не в последнюю очередь при помощи концлагерей) и уничтожали хищников-эксплуататоров. Все один к одному, только вместо кулаков и дворян к стенке предполагается ставить волков и медведей.

Интересно, что единственный способ ограничения прироста населения “осчастливленных” животных, который пришел в голову Д. Андрееву, тоже чисто командно-административный, вполне в духе китайского социализма, — квотирование на размножение отдельных видов. Да, до такого варианта “царства всеобщего благоденствия” не додумались даже авторы знаменитых антиутопий XX века.

Давайте немного пофантазируем. Возможно, в будущем успехи геной инженерии и других наук позволят конструировать виды с любыми желаемыми свойствами. Они смогут полностью вытеснить и заменить собой дикие формы. Представим идеальный вариант, что не будет выхода ситуации из-под контроля (вспомните, хотя бы, “Парк юрского периода”), не “убегут” из лабораторий новые сметающие все на своем пути инфекции и т. д. Допустим, удастся изменить и экологические отношения. То, что в результате получится, — уже будет другая биосфера. Совершенно искусственная, населенная фактически биороботами. Парк — не лес, как бы он нас не услаждал. Тем более, если в нем растут искусственные деревья. То есть, человек, отпихнув

Создателя, попытается его заменить собой. Я глубоко сомневаюсь, что у него из этого что-нибудь получится (мы уже имели возможность убедиться, что разрушить старый мир “до основания” можно, но вот с “затем” начинаются проблемы), но для нас более важен другой аспект: сохранение дикой природы — это еще и уважение ее Творца. И совершенно не важно, что в данном случае подразумевать под этим словом — личного Бога, космический Разум или эволюционный процесс.

“Всякое творение Божие хорошо”

Некоторым чересчур ревностным святошам может быть хотелось бы, чтобы у человека не было “греховных” органов и он размножался почкованием, чтобы были одни высокие порывы и не было такой “мерзости”, как мочеиспускание, дефекация и т. п. Увы, все функционирует так, как функционирует. Если вы признаете Творца, принимайте и творение таким, каким оно есть. Не нужно его переделывать, хотя бы и в своем воображении. Если кто-то хочет поиграться в бога — уже есть соответствующие компьютерные игры. Вы можете создать свою вселенную, и она будет функционировать по заданным вами законам. Можете, кстати, поэкспериментировать, можно ли сделать так, чтобы никто никого не ел, чтобы не было страданий, смерти и т. п.

Я — за дикость природы и в глобальном масштабе. За дикость, как естественный ход событий. За то, чтобы никакие “мудрецы” не перекраивали природу по своим меркам.

Литература

Андреев Д. (1997): Отношение к царству живому. - Любовь к природе: Мат-лы междунар. школы-семинара “Трибуна-6”. Киев. 140-156.
Блон Ж. (1975): Великие кочевья. М.: Мысль. 1-158.
Борейко В.Е. (1998а): Введение в природоохранную эстетику. Киев. 1-91.

Борейко В.Е. (1998б): Святилища дикой природы. Наброски к идеологии заповедного дела. Киев. 1-107.
Борейко В.Е. (2000): Биоразнообразие не имеет цены. Ибо оно бесценно. - Гуман. экол. ж. 2 (2): 5-11.
Борейко В.Е. (2001): Зачем нужны права дикой природе. - Гуман. экол. ж. 3 (1): 67-69.
Грищенко В.Н. (2000): Охрана природы и религия: от науки к утопии? - Гуман. экол. ж. 2 (2): 11-26.
Грищенко В.Н. (2001): Четвертая идеология заповедного дела. - Гуман. экол. ж. 3 (1): 42-56.
Грищенко В.Н., Габер Н.А. (1990): Соотношение причин гибели взрослых белых аистов и их птенцов на Украине. - Аисты: распр., экология, охрана. Минск: Навука і тэхніка. 90-93.
Емельянов И.Г. (1999): Разнообразие и его роль в функциональной устойчивости и эволюции экосистем. Киев. 1-168.
Кутырев В.А. (1994): Естественная и искусственная борьба миров. Н. Новгород: Изд-во “Н. Новгород”. 1-200.
Мухачев С. (1997): Уравнение глобальной этики как исток безнравственности. - Любовь к природе: Мат-лы междунар. школы-семинара “Трибуна-6”. Киев. 174-181.
Несис К.Н. (2000): Когда Средиземное море высохло и что за этим последовало. - Природа. 4: 3-5.
Стойко С. (2001): Паводки в Закарпатье и судьба горных лесов. - Зеркало недели. 7.04. 14: 12.
Фрэзер Дж.Дж. (1980): Золотая ветвь. М.: Политиздат. 1-832.
Швейцер А. (1973): Культура и этика. М.: Прогресс. 1-342.
Шеляг-Сосонко Ю.Р., Емельянов И.Г. (1997): Экологические аспекты концепции биоразнообразия. - Экологія та ноосферологія. 3 (1-2): 131-140.
Щербатых Ю.В., Ноздрачев А.Д. (2000): Физиология и психология страха. - Природа. 5: 61-67.
Jakubiec Z. (1991): Causes of breeding losses and adult mortality in White Stork *Ciconia ciconia* (L.) in Poland. - Population of White Stork *Ciconia ciconia* (L.) in Poland. Part II. Some aspects of the biology and ecology of White Stork. Kraków. 107-124.
Meyburg B.-U. (1978): Productivity manipulation in wild eagles. - Birds of Prey Management Techniques. Oxford: Brit. Falconers' Club. 81-93.
Meyburg B.-U. (1981): Notwendigkeit und Möglichkeit des Populationsmanagements bei Greifvögeln. - Ökol. Vögel. 3 (Sonderheft): 317-334.
Schüz E. (1957): Das Verschlingen eigener Junger (“Kronismus”) bei Vögeln und seine Bedeutung. - Vogelwarte. 19 (1): 1-15.
Zöllick H. (1986): Ergebnisse der vierten internationalen Bestandserfassung vom Weißstorch im Bezirk Rostock 1984. - Falke. 33 (3): 82-83.

Абсолютная заповедность как высшая форма экологической этики

Ф.Р. Штильмарк

*Институт проблем экологии и эволюции РАН,
доктор биологических наук*

Начнем со словарных определений. В известных словарях по экологии и природопользованию Н.Ф. Реймерса (1980, 1990 и др.), также как и в более позднем словаре Б.М. Миркина и Л.Г. Наумовой (1999), понятия об экологической этике отсутствуют. В словарях-справочниках В.В. Снакина (1995, 2000) “Этика экологическая” определяется как “учение о должном в отношении человека, его хозяйственной деятельности и природы, основанное на внутренних самоочевидных нравственных принципах” (дословно повторено также в словаре В.Ф. Протасова и А.В. Молчанова, 1997). Этика же сама по себе определяется чаще всего как учение о морали и нравственности, их роли в обществе и общественном развитии.

Надо ли пояснять, сколь различны могут быть подходы к этике и морали у людей в зависимости от их рас и наций, от верований и образованности, от множества других факторов, даже в условиях одной страны (пусть России). Экологисты превозносят мудрость и правоту природы, но согласятся ли с ними те, кто пострадали от стихийных бедствий? Даже на примере резко различного отношения людей к охоте на зверей и птиц, которую одни прославляют, а другие яростно кланут, можно видеть, сколь неоднородны наши взгляды на экологическую этику. Поэтому приведенное определение вряд ли может быть однозначно принято. То, что вполне “самоочевидно” одному человеку, оказывается совершенно неприемлемым для другого, и споры между ними могут длиться до бесконечности.

Если говорить о современном обществе нашей страны, то надо учитывать, что оно пребывает в очень специфическом постсоветском историческом пространстве, своеобразном “Зазеркалье”, когда ранее усердно прививаемые идеалы разрушены, а новые по существу отсутствуют. Между тем, идеалы — будь то Царство Божье, “научный” ли коммунизм или научное — без кавычек — понятие о ноосфере, как результата коэволюции природы и общества, жизненно необходимы людям. Идеалы, как считают философы, вовсе не должны быть реальной целью, нет, они почти всегда практически недостижимы, но лишь **УКАЗЫВАЮТ ВЕРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ**. Ни один государственный заповедник СССР по сути не был в полной мере **ЗАПОВЕДНЫМ**, представляя сложный конгломерат из элементов охраны природы, науки, экопросвещения и разных форм ограниченного хозяйствования. Однако же первоначально приданный на переломе XIX и XX веков идеал **АБСОЛЮТНОГО ЗАПОВЕДАНИЯ** или **ПРИНЦИП НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ** заповедной природы в определенной мере все же обеспечивал такую деятельность нашей заповедной системы, которая была признана всем миром как лучшая для охраняемых природных территорий планеты. Пусть абсолютная заповедность “не является гарантом сохранения коренных ландшафтов” (из словаря Снакина), пусть даже на каком-то этапе сукцессий это приведет к появлению “эталонов деградации” (временных, надо учесть!) — все

равно, только принцип неприкосновенности превращает наши заповедники в особые, поистине “священные пространства”, перед которыми будут благоговеть и наши потомки. Красоты же природы пусть хранятся в национальных парках.

Сама по себе мечта об абсолютном заповедании безусловно идеалистическая, как и учение о ноосфере (“Сфере Разума”). Но не пора ли нам, наконец, хотя бы понемногу отвыкать от советских стереотипов, когда только сугубо материалистические подходы рассматривались как положительные, а словом “идеалист” клеймили некие “буржуазные” представления? Ведь при всем своем бесконечном разнообразии МИР ЕДИН, и ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НА ЗЕМЛЕ ОДНО. Подобно тому, как смешаны в людях физическая телесность и духовная нравственность (хотя никто души человеческой не видел), так и материализм не способен отвергнуть идеалистическую основу человека. И экологическая этика, и понятия о подлинной заповедности опирается на ВЫСШИЕ человеческие ценности, а НЕ ТОЛЬКО на сугубо научные взгляды об эталонах природы, системах ООПТ и сохранении биоразнообразия.

Умственность довлеет над чувствами, но все-таки именно они, ЧУВ-

СТВА, подчас управляют людьми, определяя их поступки и поведение. Поэтому идеалисты, считающие, что спасти природу может только ЛЮБОВЬ, по нашему убеждению, более правы, чем те, кто призывает к разумному управлению биоценозами, регуляции численности животных, рациональному природопользованию и т. д., и т. п. Существенная разница лишь в том, что все формы идеализма (яркий пример тому — религия) в нашем советском обществе на протяжении долгих десятилетий жестко преследовались государством, а “воинствующий материализм” (причем подчас весьма агрессивный) всячески поощрялся. Недаром же таким успехом пользовались и “мичуринская биология”, и биотехническая школа П.А. Мантейфеля, многочисленные ученики которого продолжают и сегодня активную и направленную деятельность (в частности, и в заповедной сфере). Но поскольку наше общество сегодня явно испытывает ностальгию по всему советскому прошлому, рецидивы примитивного материализма, к сожалению, вполне естественны. И все-таки впереди огни! У человечества нет иного выбора, кроме признания экологического императива и соблюдения подлинной, а не мнимой экологической этики.

Идея дикой природы с позиций наследиецентризма

К.Н. Горб

Днепропетровский университет, кандидат географических наук

Наш контрастный, бурно эволюционирующий “природно-человеческий” материально-энергетический мир для объяснения своего устройства и развития со временем все больше обогащается разнообразием идеологических

взглядов, теоретических конструкций, методологических баз, парадигмальных установок, философских концепций, мировоззренческих позиций и политических платформ. И человечество или его группа строит свое развитие, исхо-

дя из тех “отправных пунктов”, которые господствуют в данное время в данном месте.

В период осознания обществом того, что текущий “базовый идеологический остов” жизни исчерпывает себя, оно пытается найти новый, более подходящий к наступившим условиям. И на постсоветском пространстве зачастую происходит именно так, что вначале, “изнемогая” от жизни в рамках одной из идеологических крайностей, общество, получив возможность “освобождения”, совершает резкий рывок и впадает в другую, прямо противоположную предыдущей, крайность, а затем, трезво и всесторонне оценив ситуацию, через некоторое время частично возвращается, найдя наиболее удобную и “красивую” “золотую середину”. В разгар “постперестроечных” времен, например, в Украине существовало определенное опасение полного запрещения русского языка (даже на бытовом уровне), атеизм признавали как полное падение нравственности, а чрезмерно централизованно управляемая экономика тут же сменилась стихийно безумствующим рынком. Но чуть позже эти процессы немного отступили, однако не возвратились до предыдущего состояния. Так происходило во многих сферах общественной жизни — политической, экономической, образовательной и др. И лишь в экологической сфере, на наш взгляд, мы прогрессируем к противоположной утопической крайности до сих пор, пытаясь стать на рельсы экологической этики, в частности, весьма сомнительного ее учения, проповедуемого В.Е. Борейко, — идеи дикой природы (Этики дикой природы) [1, 2, 3]. Но наше общество, безусловно, вернется и в природоохранной сфере в “центральную золотую нишу”. В качестве такой ниши, по нашему мнению, выступает учение о наследии и культурном ландшафте [4, 5, 6].

Исходя из общих принципов логи-

ки и систематизации, в связи с вышесказанным нами была построена представленная на прилагаемом рисунке схематическая симметричная конструкция интерпретации дикой природы с точки зрения различных теорий и идеологий, причем в линейной системе координат — от радикального экоцентризма до воинствующего антропоцентризма, то есть от крайнего проявления одной утопической концепции до крайнего проявления другой утопической же концепции, прямо противоположной первой. Смысловая сущность нашей схемы состоит в том, что экоцентризм и антропоцентризм чем ближе находятся друг к другу, или чем дальше от ортодоксально-агрессивного своего проявления и ближе к более мягкому и гуманному, тем более безопасны и даже полезны они для жизни в будущем как человека, так и природы. То есть, наследиецентризм в данном случае как идеологическая основа захватывает наиболее мягкие стороны и антропо-, и экоцентризма, и интерпретирует дикую природу как наследие (предназначенное не только для хранения, но и размножения) и Общества, и самой Природы одновременно. Только в рамках наследиецентризма, с нашей точки зрения, и экоцентризм, и антропоцентризм не являются утопическими.

Целесообразным представляется кратко и бегло сравнить и проанализировать только два идеологических подхода к дикой природе — экоэтический и наследиеведческий, то есть левую и центральную часть сконструированной схемы, поскольку третья, правая составляющая — ресурсоведческая — в современных условиях практически утратила свое значение и ее критика уже, на наш взгляд, почти не актуальна.

Для анализа мы выбираем следующие четыре важных параметра. Во-первых, **благородность** идеи, или готовность бескорыстно поступиться

Интерпретационный признак	Интерпретационные характеристики дикой природы																
Философско-идеологическая основа отношения к дикой природе	ЭКОЦЕНТРИЗМ				АНТРОПОЦЕНТРИЗМ												
	дикая природа — трансцендентальная сущность			дикая природа — наследие природы		общества		дикая природа — природные ресурсы									
Теоретико-методологическая основа отношения к дикой природе (научное направление)	Экологическая этика			Наследиеведение			Экономика природных ресурсов										
Толкование мер по сохранению дикой природы	защита прав и свобод дикой природы			сохранение и приумножение наследия прошлого для потомков			временная охрана природных ресурсов для большей экономической выгоды в будущем										
Трактовка и характер мер по использованию дикой природы	неиспользование и неконтролируемое самовосстановление			оптимальное использование и контролируемое восстановление			хищническое практически неконтролируемое разрушение и истощение										
Основной "девиз"	всё — во имя Природы, даже если это в ущерб интересам людей			всё — во имя сохранения и развития культурного и природного генетического фонда Земли			всё — во имя Человека, даже если это предполагает массовую гибель компонентов и комплексов природы и культуры										
Перцепционные особенности мотиваций к действиям человека по отношению к дикой природе	характер	готовность жертвовать своими интересами ради дикой природы		преклонение перед силой природы		поштение и звание дикой природы		понимание и уважение дикой природы		оптимальное использование дикой природы, обогащение культурного ландшафта		рациональное использование дикой природы		интенсивное использование дикой природы		экономное использование дикой природы	
	тип	агрессивное		религиозное		возвышенное		гуманное		гуманное		прагматическое		утилитарное		агрессивное	
Особенности субъект-объектных отношений между человеком и природой	природа — субъект, имеет только права, человек — только объект, обязанности перед природой				природа и человек — субъекты, у каждого из которых друг перед другом — равные права и обязанности				природа — объект, полностью подвластный воле человека								
Ключевая фраза	Природа — Бог				Природа — Друг				Природа — Враг или Рад								

Концептуальная схема разноидеологической интерпретации дикой природы.

сиюминутными собственными выгодами, интересами, потребностями ради кого-то или чего-то другого. В этой связи обе идеи (и самоценности дикой природы, и ее ценности как наследия) представляются в равной степени благородными. Во вторых, **ответственность перед будущими поколениями людей**, сохранность их культуры, возможность благополучной их жизни, как нам кажется, более полно представлена во второй идее. В-третьих, **ответственность перед “будущими поколениями” природы**, очевидно, сильнее выражена в первой. Хотя и одну, и другую ответственность можно наблюдать в обеих идеях, но экоэтика рассматривает человека в основном лишь как биологическое существо, в наследиецентризме же важно представление человека как социального субъекта. Наконец, в-четвертых, **соответствие менталитету народа (народов)**. Здесь очевидно, что в странах СНГ наследиецентризм имеет явное и бесспорное преимущество перед этикой и религией дикой природы. После всего того, что с нашими народными массами сделали за весь двадцатый век, экспериментировать с тем, как они воспринимали бы дикую природу в качестве трансцендентальной сущности, спекулировать религиозными чувствами людей было бы по меньшей мере неэтично, даже с позиций самой же экоэтики. К тому же очень это “туманно” и непонятно на массовом уровне. Иная ситуация — представление дикой природы как наследия прошлого для потомков, которое не будет казаться ни чрезмерно сложным для обывателя, ни чрезмерно примитивным для профессионала.

В целом следует подчеркнуть, что вообще нет особой опасности и угрозы от существования различных идеологических интерпретаций дикой природы, в том числе и экоэтической, на уровне неэкстремистских общественных движений и даже политических партий. Однако на уровне идеологи-

ческой основы **официальной природоохранной политики государства** идея наследия на порядок более приемлема, чем идея этики дикой природы как наиболее леворадикального крыла экологической этики. При анализе и оценке окончательной обоснованности последней неизбежно возникают определенные сомнения, наиболее существенными среди которых можно обозначить следующие.

Во-первых, сомнительно утверждение о том, что якобы в господстве антропоцентричных мировоззрений и религий кроются корни глобального экологического кризиса. И в странах с экоэтическими религиями сохранность природы и вообще экологическая обстановка часто очень далека от идеального состояния (в Индии, например, даже проводятся ядерные испытания, хотя религия здесь природу возвеличивает).

Во-вторых, исходя из положений этики дикой природы, неизбежно возникает путаница в толковании отдельных терминов. Так, с данной точки зрения понятия “гуманный” и “хищнический” вообще теряют первоначальный смысл, а по сути — просто меняются местами. “Гуманность” означает прежде всего “человечность” (изначально как характеристику доброты, искренности, душевности человека), а с позиций экоэтики это понятие “тянет за собой” так неугодный ей антропоцентризм. Тогда “человеческий поступок” — это нечто неправильное, а “хищнический” (т. е. совершенный по образу и подобию хищника из дикой природы) — правильное, в том числе и, таким образом, “хищническая эксплуатация природных ресурсов”, приводящая практически опять же к праворадикальному антропоцентризму. То есть, данный замкнутый терминологический круг должен быть обязательно разрешен.

В-третьих, сомнительно утверждение об абсолютном моральном праве

всех видов дикой природы на существование. Как тогда оценивать предусмотренные самой же природой и неизбежные в этой связи трофические цепи? В соответствии с анализируемым экзотическим учением волк, съевший зайца, должен осознавать великий грех, поскольку совершил убийство. То же касается и свирепой львицы, раздирающей трепетную антилопу, и совершенно безобидной, казалось бы, райской птички, заглатывающей невинное насекомое. Но действительно ли должны и они это осознавать? Если нет, то почему тогда в такой же ситуации чувство согрешения должен испытывать человек? То есть и здесь далеко не все логически обосновано.

В-четвертых, расширяя сферу распространения демократических прав и свобод от всех социальных групп людей до всех видов дикой природы, идеологи этики дикой природы не замечают (случайно или преднамеренно?) еще одно важное обстоятельство. Поскольку в данном случае дикой природе предоставляются права на свободное существование, это предполагает ее идеализированное одухотворение, субъективизацию, наделение ее собственными интересами и потребностями, правом не только существовать, но и “действовать”: иметь своеобразный “голос” при принятии важных решений по развитию геосферы и ее составляющих. Однако наделение субъекта правами неизбежно предусматривает и наличие у него и определенных **обязанностей**, и ограниченности прав в целом, о чем идеологи упорно молчат, не преминув упомянуть при этом, однако, что дикую природу можно рассматривать как “отдельное государство” или “отдельную особую цивилизацию”. Почему человек должен иметь обязанности, а природа — нет, если они оба — субъекты.

Таким образом, идея этики дикой природы, преследующая, на первый взгляд, самые благородные и добрые

намерения и цели, на самом деле, если и может быть как-то использована для формирования стратегии и идеологии развития природоохранной сферы страны, то предварительно должна пройти основательную теоретико-методологическую “шлифовку”, исключить неоднозначность каких-либо трактовок и ответить на все невыясненные вопросы. Наследиецентристская же позиция трактовки дикой природы, являющаяся для стран СНГ (особенно Украины) также пока достаточно нетрадиционной, в связи со всем вышесказанным представляется в современных условиях как та поистине **золотая середина** меж двух радикальных сомнительных крайностей, имеющая все предпосылки стать в ближайшее время основополагающим базовым идеологическим фундаментом для развития природоохранной сферы в наших государствах. В Украине в 2000 г. принят закон “Об охране культурного наследия”. Для принятия аналогичного закона о природном наследии, а затем — для соединения этих двух законов, ситуация в ближайшем будущем назреет неизбежно.

Литература

1. Борейко В.Е. (1999): Прорыв в экологическую этику. К.: Киевский эколого-культурный центр. 1-128.
2. Борейко В.Е. (2001): Современная идея дикой природы. К.: КЭКЦ. 1-124.
3. Борейко В.Е. (1999): Эссе о дикой природе. К.: КЭКЦ. 1-148.
4. Веденин Ю.А. (1995): Необходимость нового подхода к культурному и природному наследию России. - Актуальные проблемы культурного и природного наследия. М.: Институт Наследия. 5-20.
5. Веденин Ю.А. (1997): Очерки по географии искусства. - СПб: “Дмитрий Буланин”. 1-224.
6. Кулешова М.Е. (1994): Понятийно-терминологическая система “Природное и культурное наследие”: содержание и основные понятия. - Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов. Сб. науч. тр. М.: РНИИ культурного и природного наследия. 40-46.

Все — оружие для защиты природы

Е.Д. Яблоновская-Грищенко
Каневский природный заповедник

Экологическая этика — великий шаг вперед в сознании человечества. Но... человечество не готово воспринять ее. Как ни печально. Сколько времени потребовалось для того, чтобы люди представителей своего вида — лишь другой расы, нации или вероисповедания — научились считать достойными равных с собою прав (и то, не доучились еще!). А тут предлагают нечто совершенно чуждое, на четырехбегающее, а то и вовсе молча произрастающее признать равным “венцу всего живущего”! Да и вообще свойственно многим и многим людям считать свою выгоду, а не проявлять “бессмысленный” альтруизм...

Сразу же хочу оговорить, что из разных направлений экологической этики мне ближе всего этика земли О. Леопольда (1983), в силу ее экологичности и гармоничности, сравнимой, на мой взгляд, лишь с гармоничностью “Планеты людей” и “Маленького Принца” А. де Сент-Экзюпери. Именно этика земли подразумевает наиболее гармоничные отношения Человека и Биосферы, без экстремизма и ненужных крайностей. Поэтому в этой статье именно она избрана ориентиром.

...Должны мы опираться на экологическую этику, должны учиться жить в соответствии с нею. И учить наших детей. Как учить — тема отдельного разговора. Но экологическая этика подразумевает понимание процессов, происходящих в природе, через точные и биологические науки, с одной стороны, и серьезное знание гуманитарных наук, философии в частности, и высокий культурный уровень, с другой. А в школе (речь идет об обычной средней школе, без учета специализи-

рованных школ и лицеев — их все-таки очень мало) сейчас ударение делается на точные науки как на самое важное в обучении, биология практически не изучается (в среднем 1-2 часа биологии в неделю против 6-8 — математики), гуманитарные науки ограничиваются практически изучением родного и одного иностранного языка и литературоведением (и то в весьма урезанном виде) и минимальным добавлением философии. Искусствоведение практически отсутствует. Творчество крайне ограничено. Результатом обучения есть зазубривание набора фактов и использование “линейной” логики типа “если — то”, без понимания процессов, рассматриваемых теми или иными науками. Учебники представляют собой сборники фактов для запоминания или шаблонов для решения типовых задач, причем написанные так, что понять их сложно порою даже взрослому человеку.

Тут нельзя не вспомнить “Лезвие бритвы” И. Ефремова — именно такую тенденцию в образовании он считал вредной: “Нас с детства учат логике, но однолинейной, однобокой, математической...”, “Очень долго бытовал у нас взгляд на биологию, особенно зоологию, анатомию, морфологию как на второсортные науки...”, “...усиленные занятия математикой, с ее прямолинейной и абстрагированной логикой, создают склонность к параноидальной психике...”. Понятно, что такая односторонность в образовании не даст массу гармонично развитых людей, готовых к восприятию экологической этики, и она пока останется уделом незначительного круга людей. Для того, чтобы она стала общепринятой, необхо-

димо в первую очередь научиться учить детей по-другому. Но это — работа на перспективу.

Нынешнее же поколение не воспримет экологическую этику не только потому, что это нечто новое, но и потому, что оно непривычно, то есть не вошло в привычку. Для нормального человека нормальным и привычным является запрет на убийство другого человека (речь не идет о войнах), но не надо забывать, что убийство (дуэль со смертельным исходом — убийство равного по статусу!, и тем более убийство холопа) было явлением нормальным и привычным не так уж давно. То есть, я хочу сказать, что экологическая этика, чтобы начать действовать, должна стать привычной и стать привычкой. Именно привычкой, тем, что человек выполняет не задумываясь.

Но это осуществится не сегодня и не завтра.

Можно представить себе ситуацию, когда в споре с министерским чиновником мы попробуем убедить его в том, что природа имеет ценность иную, кроме, скажем, кубометров древесины. Ведь когда-то сотрудник минэкобезопасности (!), оказавшись в нашем заповедном лесу, спросил: “А почему в заповеднике не ведутся рубки? У вас же прекрасный лес, и вы бы могли на этом зарабатывать!” — а тут “священность дикой природы” и “благоговение перед жизнью”! Увы...

А дикая природа ждать не может. Поскольку ее обкусывают со всех сторон и непрерывно. И без решительных действий по ее охране мы рискуем остаться с этикой без природы.

Что же можно предпринять сейчас?

Действовать по всем направлениям. Использовать уже имеющиеся привычки, и отработанные технологии, и проверенные аргументы. Говорить на языке тех, с кем придется работать. С постепенным добавлением нового. Но не слишком большими дозами — в силу

вышесказанного... И при этом воспитывать людей — прежде всего детей — в духе экологической этики.

Полагаю, приемы природоохранной деятельности должны быть такими.

1. Активная научная деятельность — от поиска перспективных для охраны территорий до исследования отдельных видов с целью их сохранения в природе и даже в питомниках и зоопарках с дальнейшей реинтродукцией в прежние места обитания.

2. Использование возможностей власть имущих для сохранения природы. Вот тут и становятся необходимыми такие маневры, как экономические расчеты, аргументы типа “так делают на Западе” и т. д.

3. Подготовка людей к восприятию экологической этики через эстетику, традиции, личное участие (информирование о “флагманских” видах, использование фольклора, и даже желания самовыражения (Руденко, 2000) и т. д.)

4. Постепенное внедрение экологической этики (работа на перспективу).

Обо всем этом говорилось уже не раз. Но это суть тактические задачи. Как же может выглядеть *стратегия* охраны природы?

Мы очень много спорим, должна ли быть наука в дикой природе или нет, правомочно ли использование экономических расчетов для охраны природы или нет, допустимо ли вмешательство в дикую природу или нет и так далее. Но ведь вопрос должен ставиться, на мой взгляд, не так.

Надеюсь, со мною согласятся, что *идеалом* можно считать сохранение дикой природы с максимальным биологическим и ландшафтным разнообразием и гармоничное сосуществование человека с природой, без вмешательства в ее дела, но с возможностью для человека контакта с дикой природой, пребывания в ней, любования ею и/или ее обожествления.

Но достижение такого идеала, разумеется, невозможно, а стремление к нему непременно распадается на несколько направлений, в которых и следует избирать способы действий. Решения для каждого направления относятся к текущему моменту, а не к некоторому идеальному будущему.

1. Сохранение дикой природы.

В данном случае работает принцип невмешательства в суверенные дела “государства” — значительного пространства дикой природы.

Но. Дикая невырожденная природа без вмешательства человека может существовать только на значительной территории, где могли бы осуществляться нормальные трофические связи и процессы обмена, и где не были бы истреблены крупные травоядные и хищники (Бигон и др., 1989; Рыжиков, 1997) — это необходимо для длительного существования охраняемого комплекса без его трансформации. Например, для длительного существования степи нужно наличие крупных травоядных, без которых она деградирует.

Кроме того, такая территория во избежание использования человеком (браконьерство, незаконные рубки и строительство и т. д.) — должна охраняться, абсолютная дикость будет нарушаться для сохранения дикости вообще.

Отсюда — *задача первая*. Создание крупных ООПТ с необходимой охраной для защиты их от использования человеком и с постоянным мониторингом стабильности комплекса.

2. Сохранение биологического и ландшафтного разнообразия.

Для этого необходим весь спектр действий: от невмешательства в устойчивые комплексы — до активной поддержки природных комплексов или видов, вплоть до активных действий в местах произрастания популяций исчезающих растений или поддержания популяций в питомниках и зоопарках.

Необходимость такого воздействия

связана с тем, что в идеале мы стремимся сохранить максимум богатства и разнообразия живой и неживой природы (Грищенко, 2001).

Отсюда — *задача вторая*: необходимость широкомасштабных научных исследований, обязательное наличие сети охраняемых природных территорий с различными функциями (Грищенко, 2001). Для решения этих задач необходимо доказывать при помощи любых аргументов необходимость создания новых охраняемых природных территорий и максимальной поддержки существующих; проводить научные исследования для обоснования новых охраняемых природных территорий, вести мониторинговые работы, охранять уникальные или типичные биоценозы, оберегать редкие и исчезающие виды. Ни в коем случае нельзя сворачивать научные исследования в заповедниках — безграмотная охрана хуже равнодушия.

Ни в коем случае не должна ослабляться и охрана на заповедной территории, без этого ни о каком сохранении их речь не может идти. Ведь даже при наличии охраны браконьерство не исчезает и даже процветает, особенно при нынешней экономической ситуации, а без охраны дикая природа будет освоена мгновенно.

Возможно, необходимо даже изменение (ужесточение) законодательства с тем, чтобы заповедники не были беспомощными в борьбе с браконьерством. Так как сейчас они не имеют реальной власти для пресечения браконьерства (“суровая” мера — мизерные штрафы), а охрана заповедника оказывается виноватой и в том, что не борется с браконьерством, и в том, что пытается ему противостоять. Известно немало примеров, когда браконьеры, убившие лесника, оставались безнаказанными, а лесники, случайно убившие браконьера, оказывавшего сопротивление при задержании, оказывались под судом.

3. Гармоничное сосуществование человека с природой.

Для этого необходимо образование людей и внедрение экологической этики. Об этой, *третьей, задаче* уже было сказано выше.

4. Контакт человека с природой.

Непосредственный контакт человека с природой может существовать в разных формах — от пикников в лесочке, охоты и рыбалки до поклонения священным деревьям.

Исходя из этого, обозначаем *четвертую задачу* охраны природы — добиться минимизации вреда, наносимого человеком при непосредственном контакте с дикой природой. Этого можно добиваться уже сейчас. Создавая, помимо заповедников, национальные парки, где люди могут получить информацию о природе и где квалифицированный персонал сможет проконтролировать поведение людей — начиная с банального “не сорить” и до обучения основам экологической этики. Ужесточая контроль и делая неотвратимым наказание за нарушение природоохранного законодательства. Создавая места отдыха на природе, благодаря которым значительная часть в первую очередь пригородных лесов будет избавлена от пикников (как правило, такие компании требуют определенных удобств и охотно используют организованные места для отдыха). Постоянно разъясняя в средствах массовой информации правила поведения в природе. Показывая красоту природы — с акцентом на том, как ее сохранить, практически не прилагая усилий, просто не повреждая бездумными действиями.

Пятая задача — взаимодействие с религиями, использование местных традиций, поверий и т. д. как фона, на котором облегчается охрана природы. Коренное население склонно к более гармоничным взаимоотношениям с природой, чем пришлые “перекачиполя”. Из-за отсутствия “корней” возни-

кает отношение “после нас — хоть потоп”. Кстати, полагаю, что варварское отношение к природе в бывшем СССР во многом связано и с политикой постоянного перемещения населения и непостоянства пребывания людей в той или иной местности.

5. Охрана природы от опосредованного воздействия человека.

Все-таки непосредственные контакты человека с дикой природой менее травматичны для нее, чем его опосредованное влияние. Что толку в объяснении, как себя вести в лесу, и даже в заповедании огромной территории, если ее уничтожат кислотные дожди или нарушение гидрорежима?

Отсюда — *шестая задача*: максимально оградить дикую природу от воздействия человека. Международное сотрудничество в этой области уже многократно рассматривалось. Отметим лишь, что это могут быть как совместные действия по охране той или иной территории (от межгосударственных заповедников или национальных парков до охраны целого континента — Антарктиды), совместное изучение тех или иных видов или сообществ, определение приоритетов охраны или же декларативные акты (например, о сокращении выброса парниковых газов в атмосферу). На местном уровне решение этой задачи может иметь вид акций протеста против загрязнения рек или воздуха отдельными предприятиями (что могут делать заинтересованные в чистом воздухе и чистой воде для своих детей жители), взаимодействие с санитарно-эпидемиологической службой и даже применение закона против загрязнителей окружающей среды.

Особое внимание следует уделить экспертной работе экологов при создании новых предприятий и контроле работы уже существующих. Это может предотвратить уничтожение природы из-за безграмотности при их функцио-

нировании и обеспечить безопасность людей ведь безграмотное создание водоемов, рубки и т. д. могут создать угрозу подтопления, схода селей и лавин и другие бедствия, что мы наблюдаем сейчас в Карпатах.

6. Уменьшение численности человечества как особая форма охраны природы.

Еще одним, и достаточно естественным, способом уменьшения воздействия человека на природу может стать снижение численности населения. При этом произойдет уменьшение нагрузки на экосистемы, что также будет способствовать охране природы, уменьшится и прямое, и опосредованное воздействие человека на природу. Поэтому не нужно пугаться превышения смертности над рождаемостью и в патристическом порыве всеми силами стимулировать последнюю. Можно сколько угодно спорить о том, какое количество людей может прокормить планета Земля, но нельзя не признать одно — при безудержном росте численности человечества *дикой* природе рано или поздно придет конец. Для нее просто не останется места среди полей, заводов, городов и свалок. А самого человека может ждать судьба других видов, численность которых превысила допустимые пределы.

Отсюда — *седьмая задача*: убедить людей не бояться естественного уменьшения численности человечества. При нынешнем уровне технологии это не ухудшит состояние ни каждого отдельного человека, ни общества в целом, но облегчит участь природы и, соответственно, и людей.

7. Изменение мотивации охраны природы.

Еще одной, и быть может, *самой важной задачей* считаю *необходимость изменения мотивации* охраны природы. Это необходимо понять в первую очередь самим природоохранникам. Мы просим человека подвинуться, ус-

тупить место природе, УЩЕМИТЬ СЕБЯ. И ставим все с ног на голову. Ущемлять себя не захочет никто. А вот ПОМОЧЬ, ПОДАРИТЬ, ПОДЕЛИТЬСЯ — это совсем другое. Заботиться — приятно, несмотря на неудобства. Первой должна быть радость от того, что делаешь добро, мысль о помощи, а не об ущемлении.

Решая перечисленные задачи, мы будем стремиться к достижению идеала. Но ни в коем случае не следует заикливаться на одном направлении. Чем шире будет поле деятельности, чем больше направлений будет охвачено природоохранниками, тем большим будет успех охраны природы.

Эффективно только совместное действие как разных направлений охраны природы (Пруденко, 2000), так и различных к ней подходов. Поскольку для разных людей необходимы разные аргументы. И потому что любое направление — оружие для защиты природы. Но в любом случае надо помнить, что применение того или иного действия должно быть оправдано для каждого конкретного случая. То есть, в охране природы всегда и во всем следует опираться на знания, на науку.

Оберегать — понимая.

Литература

- Бигон М., Харпер Дж., Таунсенд К. (1989): Экология. М.: Мир. 1: 1-477.
- Гриценко В.Н. (2001): Четвертая идеология заповедного дела. - Гуман. экол. ж. 3 (1): 42-56.
- Ефремов И.А. (1991): Лезвие бритвы. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во. 1-635.
- Леопольд О. (1983): Календарь песчаного графства. М.: Мир. 1-248.
- Пруденко В.Ф. (2000): Повышение престижа природных объектов с целью улучшения их охраны. - Гуман. экол. ж. 2 (2): 98-102.
- Рыжиков А.И. (1997): Теоретические основы проектирования заповедных систем и их развитие во времени. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 1-104.
- Пруденко О.Д. (2000): Экологические воззрения в Библии и современность. - Гуман. экол. ж. 2 (2): 26-31.

Аргументы в защиту дикой природы

Майкл Нельсон

Многочисленные и разнообразные аргументы выдвигают люди в защиту дикой природы. От туристов до бюрократов, от романтиков до толстокожих, от социалистов до крестьян, от историков до охотников, от философов до филантропов, люди поют дифирамбы землям, которые они считают “первозданными”.

Стоит проанализировать эти аргументы ради истории и пересмотра взгляда на дикую природу вообще. Но есть и другая причина для пересмотра. Принципы, которыми мы руководствуемся ради чего-либо, включая дикую природу, отображают наше собственное отношение и оценку, что влияет на способы защиты участков дикой природы.

1. Аргумент естественных ресурсов.

На многих территориях, которые мы относим к дикой природе, существует большое количество ресурсов. Определенные территории имеют широкий спектр ресурсов, и мы, люди, можем обеспечить себе будущее, сохраняя эти ресурсы. Это один из самых антропоцентристских, инструментальных и простых аргументов в пользу охраны дикой природы, а поэтому — самый эффективный и популярный.

2. Аргумент охоты.

Один из самых ранних и самых популярных аргументов в защиту дикой природы — это предоставление возможности охоты.

Олдо Леопольд, популярный защитник природы, был заядлым охотником. Он отправлялся в местности Сьерра Мадр Оксидентал в Северной Мексике охотиться. Он написал эссе под названием “Защита дикой природы для охоты”. Он потребовал

отвести специальные территории только для охоты. “Организация территорий дикой природы, — писал он, — позволила бы охотиться на таких животных, как лось, баран, медведь... Территории дикой природы — это предпосылки сохранять уголки дикой природы, где можно поохотиться”. То есть, для организации охоты на дикую фауну, надо охранять ее среду обитания.

3. Фармакологический аргумент.

Другой особый случай, служащий поводом защиты ресурсов дикой природы — медицина. Настоящее и возможное фармакологическое применение ресурсов дикой природы — убедительный аргумент. Территории дикой природы — как амазонские леса и леса северного побережья Тихого океана — содержат самое большое количество видов. Более 80% медицинских препаратов, получаемых из живых форм, содержится в этих уникальных природных ресурсах. Так как эти территории “осваиваются”, многие из этих видов исчезают. То есть, мы навсегда теряем то, что они могут дать нам. Донелла Мэдоус называет это “аргументом мадагаскарского барвинка” — растения Мадагаскара, из которого добываются препараты винкристина и винбластина, применяемые в лечении лейкемии.

4. Аргумент поддержания среды обитания человека.

В добавление к естественным ресурсам, которые поставляет дикая природа, следует отметить и многочисленные другие. Влажные земли помогают сохранять русла знаменитых рек. Леса поставляют в атмосферу кислород и забирают углекислый газ. Это жизненно необходимо для нас, людей, так как мы зависим от чистой воды и чистого воздуха.

5. Аргумент поддержания жизни.

Холмс Ролстон утверждает, что существует “параллель между благосостоянием системы и индивидуума”. Более того, мы зависим от здорового функционирования

Опубликовано: The great new wilderness debate. (Eds. B. Callicott, M. Nelson). The University of Georgia Press, Athens and London, 1998. 697 p. Пер. О. Гайсинской. Печатается с сокращениями.

различных экосистем. Экосистемы тем ценнее для нас, чем они независимее от нас или, как заключил Ролстон: “Поскольку мы — отображения экосистемы, наши нужды должны быть в пределах возможностей биологической экосистемы, надо обращать особое внимание на ее свойства”.

6. Аргумент физиотерапии.

Утверждают, что любая деятельность на территориях дикой природы — прекрасный и замечательный путь к улучшению и укреплению физического здоровья. Примитивисты, например, призывают оказываться как можно ближе к природе, чтобы быть здоровыми. То есть, если дикая природа — самая чистая форма природы, то мы будем здоровее, когда начнем проводить физзарядки на таких территориях.

7. Аргумент спорта.

Даже больше, чем просто давать запас бодрости и физического здоровья, защита дикой природы нужна и для того, чтобы обеспечить превосходными и несравненными местами для атлетических соревнований и оздоровления.

На различных территориях дикой природы мы можем найти: катание на санях и лыжах, охоту, плавание, альпинизм, туризм, плавание на каноэ, катание на лошадях, отдых в кемпингах. Олдо Леопольд видел в этом главную цель общественных диких земель: “Дикие земли прежде всего — средство продолжения в форме спорта примитивных навыков путешествий, искусства путешествий по территориям дикой природы, особенно на каноэ, с рюкзаками, верхом на мулах и лошадях. Оздоровление возможно пропорционально интенсивности практики и степени отличия от повседневной жизни”.

8. Аргумент ментальной терапии.

Возможно, даже более важным, чем физическое действие, окажется действие дикой природы на психологическое здоровье человека. Защитники дикой природы утверждают, что дикая природа является психическим терапевтом и даже может помочь в лечении психически нездоровых людей.

Отмечая растущее желание людей по-

сетить национальные парки Америки, Дж. Мюир указал как одну из причин, психическую дисфункцию и называл городских жителей “уставшими, черствыми, перецивилизованными”, “наполовину сумасшедшими”, “в паутине грехов и забот”. По Мюиру, посещение уголков дикой природы (что необходимо для нас, но угрожающе для нее) — это верный путь решения проблемы. Рецепт ментального здоровья по Мюиру — “дикая природа”, а дикие места — “фонтан жизни”.

9. Аргумент галереи искусств.

Многие люди ищут в дикой природе прекрасное. Они говорят, там можно найти красоту и величие. Поэтому мы должны сохранять территории дикой природы, так как они — гигантские “галереи искусств”.

Действительно, эстетическое чувство, возникающее на дикой природе, сродни религиозному и мистическому. Р. Нэш поддерживает мысль, что общение с дикой природой — “благоговение перед могучими и неизменными силами природы — штормами, ливнями, горами и пустынями”. Вордсворт писал, что общение с красотой дикой природы “создает чувство и подъем духа, неповторимое ощущение”. Далее, некоторые утверждают, что территории дикой природы — места, где можно понять самую суть эстетического наслаждения, и прежде всего красота — это дикая природа, ее виды. Мюир говорил, что “ландшафты природы не могут быть уродливы, пока они дикие”.

10. Аргумент вдохновения.

Многие утверждают, что дикая природа должна сохраняться для тех артистических и интеллектуально одаренных людей, которые черпают в ней вдохновение. Своими творениями дикая природа помогает культуре. Многочисленные деятели искусств — художники Томас Кол, Томас Моран, Альберт Бирштадт, фотографы Анжел Адамс, Г. Роуэлл, писатели Д. Купер, К. Флетчер, и “кактус” Э. Эббей (не говоря об Эмерсоне и Торо), музыканты Д. Денвер и Д. Столц, поэты У. Уитмен, В. Вордсворт — нашли вдохновение в дикой природе.

Для них природа — удивительная тема для искусства. Некоторые даже утверждают, что она вдохновляет работников умственного труда. Философы — особенно философы природы — считают, что природа является катализатором мыслей и основным вопросом философии.

11. Религиозный аргумент.

Для некоторых дикая природа — место для духовного, мистического и религиозного подъема, место общения с тайной, морального возрождения, духовного обогащения, значения, одиночества, объединения, чуда, благоговения, вдохновения, гармонии с другими существами — все разновидности религиозного опыта. Дикая природа — место, где можно прийти к пониманию религии. И люди, которые это понимают, приходят к ней, как в церковь, собор, синагогу. Поэтому нельзя разрушать природу, так как для многих она — место поклонения Богу.

Забегая вперед, скажу, что многие считают, что природа — самое близкое к Богу творение его рук; разрушить ее — значит, разрушить создание Бога.

Дж. Мюир верил, что чем ближе человек к природе, тем ближе он к Богу. “Дикая природа — это высшее состояние природы, окно, открытое к небу и зеркало, отражающее Создателя”, и все части его видны “как блеск Божественной Души”. Йосемитская долина Хетч-Хетчи была для Мюира местом, символизирующим дикую природу, храмом высшего существования, разрушение которого подобно разрушению святыни. По этой причине Мюир защищал Хетч-Хетчи: “Разрушители этого храма, стражи оголенного коммерционализма, кажутся имеющими уважение к Природе, но вместо того, чтобы поднять глаза к Богу, поклоняются Всемогущему Доллару.

Дамба Хетч-Хетчи! Сделать плотину для водохранилища из соборов и церквей, потому что нет более святого места для человеческого сердца”.

Действительно, это довольно весомый аргумент для диких территорий. В США, например, дикая природа может быть отнесена к месту религиозной деятельности. То

есть, дикая природа должна быть защищена на конституционной основе свободы вероисповедания. Несмотря на то, что размеры и типы дикой природы различны, и немногие “идут в храмы на природе”, дикая природа должна быть сохранена как место поклонения.

12. Аргумент научной лаборатории.

Некоторые ученые утверждают, что дикую природу надо охранять уже затем, что она служит прекрасным местом и естественным материалом для различного рода научных исследований. Для того, чтобы проводить свои работы, защитники природы требуют различного вида естественные территории, остающиеся в первоначальном состоянии. Это научное изучение важно не только для науки, но и для лучшего понимания самих себя, мира вокруг нас, своей роли в нем. Дикая природа — прекрасное место для такого изучения.

13. Аргумент эталона.

Аргументы Олдо Леопольда в защиту дикой природы расширились с развитием его мысли. Позднее он признавал, что дикая природа важна для научных и оздоровительных целей. О. Леопольд утверждал, что “все территории дикой земли имеют ценность ... для науки о земле... Оздоровление — не единственная и не принципиальная ценность”. Для О. Леопольда важный “научный” принцип использования дикой природы — это стандарт здоровой земли, модель нормального баланса ландшафта. По Леопольду, дикая природа служит средством характеристики “состояния земли, каким оно было, есть и должно быть”, представляя собой эталон экологически здоровой земли, норматив для будущего состояния.

14. Аргумент генетической информации.

Принимая во внимание аргумент лаборатории, а также многие другие, биологи отмечают, что многие земные и водные простотства дикой природы надо сохранять уже потому, что они содержат большое разнообразие видов, имеющих обширную генетическую информацию и которые про-

фессор Гарвардского университета Э. Вильсон называет разнообразием жизни. Помимо аргумента, что люди не имеют морального права вмешиваться в эволюционную и экологическую работу всех экосистем и типов, поддержка этих источников генной информации очень важна, ибо они функционируют как единый слаженный механизм, поддерживая большую часть накопленного миром эволюционной и экологической мудрости.

15. Аргумент школы.

Те, кто часто или иногда бывают на территориях дикой природы, знают, что она может быть школой для изучения ценных предметов.

Конечно, общение с природой может стать важным средством образования: мы можем изучить норвежский клен, магнолию, лесного волка. Мы можем изучать их везде, но некоторые виды животных обитают только на определенных диких территориях. “Дикая природа” — лучший способ изучить повадки, перемещение и способы выживания, понять особенности регионов.

16. Аргумент генной инженерии.

В общем и в частности мы, люди, как и все живые существа, развиваемся по определенному закону. Мы стали такими, какими мы есть под влиянием среды, в которой мы находимся. Кто-то может возразить, что то, что называют дикой природой — это парадигматичная форма природы, ее процессов, и что дикая природа — прежде всего океаническая, а потом уже и земная — есть и остается источником нашего развития. То есть, предполагаемая дикая природа в ее многочисленных формах не только может, но и должна быть сохранена для нашей эволюции.

Мы можем рассматривать защиту дикой природы как символический знак любви и уважения за эволюционный, генный механизм и, возможно, как защиту эволюционного будущего.

17. Аргумент многообразия культуры.

В своей самой знаменитой работе “Прогулки” Г. Торо пишет: “Наши предки были дикарями. История Ромула и Рема, спасен-

ных и вскормленных волчицей — не фантастическая легенда. Основатели государств, достигших могущества, черпали поддержку и силы из подобных источников дикой природы... На этой почве выросли Гомер и Конфуций и другие философы и поэты; такая местность была прибежищем реформатора, питающегося акридами и диким медом”.

Ясно, что как люди, получающие все по генетическому коду, различные виды культур тоже получают все и зависят от этого кода. И большое разнообразие культур определяется разнообразием экосистем. По утверждению Леопольда, “богатое разнообразие мировой культуры отражает многообразие дикой природы, которая родила их”. Источники культуры — в природе. По словам Нэша “дикая природа — материал для культуры”.

Все территории дикой природы нужно оберегать, так как они есть основа всех культур. Как мы ценим определенную культуру, также и все разнообразие культур, настолько мы должны ценить и территории дикой природы. “Мы хотим сберечь дикую природу, — говорил Ролстон, — потому что она — источник всех культур, дает нам чувство сопричастности и общности”.

18. Аргумент национального характера.

В США дикая природа — памятник, символ и национальное достояние. Наша американская общность часто связывается с существованием дикой природы. Для многих американцев США — место, где парят орлы, водятся буйволы, резвятся антилопы и олени. У. Стегнер называет природу “чем-то сформировавшим наш характер и определившим историю народа”. Территории дикой природы должны сохраняться, так как они — “часть географии надежды”. Многие американские мыслители, в том числе Г. Штайн и Д. Тернер отмечали, что дикая природа США — это “испытание для американского характера”.

Считается, что дикую природу нужно охранять уже потому, что она формирует и совершенствует основные американские

ценности. Нэш отмечает, что американский президент Т. Рузвельт ценил аргумент, что “дикая природа отточила наш национальный характер и институции, из чего следует, что главная роль природы — хранить эти ценности и институции”. Философ природы М. Сагофф идет дальше, предлагая обсудить конституционные основы в вопросе защиты природы: если ограничение использования нашей природы должно быть адекватным, это должно быть внесено в саму Конституцию... Чтобы занести этот вопрос в Конституцию, не обязательно отводить специальную статью или абзац, аргументы в защиту природы должны входить в общую структуру Конституции, как инструмент, действующий во всех ее частях. Разумно принять, что культурные традиции и ценности составляют условия — причинные — наших политических свобод, и поскольку Конституция защищает наше национальное и политическое положение, она должна защищать и наше культурное развитие. Гражданство должно включать не только политические права и обязанности, но и культурные тоже. Право... требовать, чтобы наши горы оставили как символ величия, как качество, особо важное для истории культуры, сохранения традиций, национальных символов, право сохранять в природе качества, связанные с нашим национальным характером, американской нацией. Понятие “национальность” должно включать это право, по этой причине оно конституционно обоснованно”.

19. Аргумент самореализации.

Один из основных аргументов экологии — возможность самореализации. Опираясь на работы Мюира, Торо, Леопольда, романтические и американские трансцендентальные традиции, экологи утверждают, что для того, чтобы принять и понять этот мир, наше место и наши обязанности в нем, мы должны сначала избавиться от разделения на свое и природное. Мы должны добратся до сути, включая мир вещей и животных. В добавление к общему характеру и формированию самосознания, отмеченных ранее, охрана дикой природы становится

основной проблемой для экологии, так как дикая природа — важный компонент в процессе самореализации — что-то вроде убежища, где идеал может обрести какую-то форму. Мы должны поддерживать территории дикой природы, чтобы достичь полного самосознания. Территории дикой природы — основополагающий момент в развитии индивидуума и его существовании. Отсутствие территорий дикой природы означает отсутствие самореализации, экологии, мировоззрения, заботы о себе и мире, длительного самосуществования.

20. Аргумент борьбы с болезнями.

Это новый и очень значительный аргумент в пользу защиты дикой природы.

Как уже отмечалось, более половины всех видов животных и растений на Земле водятся в тропиках, и многие из них еще не изучены. Так как многие виды высших животных — носители различных вирусов, можно предположить, что все виды высших животных — носители различных вирусов, если не больше. Что мы знаем точно, так это то, что вирусы приспосабливаются к своим носителям. Но с ростом численности человечества усиливается интерес к тропическим районам, человек нарушает границы существования видов. Человек сталкивается с ранее неизвестными видами, мы стремимся туда, где не ступала нога человека. По мере вмешательства людей в новую среду вирусы бросают своих прежних носителей и устремляются на человека. Последствия этих действий ужасны, особенно, если дело касается смертоносных вирусов, против которых нет вакцины или противоядия. Такие известные вирусы, как гуапарито и марбургский, недавно “возникший” вирус Q-лихорадки и манкирокс — лишь часть большого списка вирусов, поразивших человека с тяжелыми последствиями.

Так как большинство вызывающих болезни вирусов живет на оставшихся территориях дикой природы, наше вмешательство в эти территории нежелательно. Поэтому многие территории дикой природы служат преградой для болезней, защища-

ют от возможных вирусных и бактериальных инфекций.

21. Аргумент спасения свободы.

В своем романе “Отшельник пустыни”, посвященном песчаным диким пространствам южной Юты — Арчскому национальному памятнику, Э. Эббей отстаивает защиту дикой природы по политическим мотивам. Он утверждает, что нам нужны действительно дикие территории, независимо от того, будет ли там ступать наша нога или нет, чтобы служить как возможное убежище от давления правительственных структур. Как писал Эббей: “Дикая природа может понадобиться нам однажды, чтобы отделиться не только от индустриализма, но и от авторитаризма правительства, политического давления. Гранд Каньон, Биг Бенд, Йеллоустон и Хай-Сьерра могут при случае служить как плацдарм в войне против тирании”.

Эббей напоминает, что в современном политическом мире могут произойти изменения, города могут стать концентрационными лагерями, любой диктаторский режим в своей ключевой стратегии может потребовать разрушить до основания дикую природу. Возвести плотины на реках, затопить каньоны, высушить болота, вырубить леса, пробурить холмы, срезать горы, оросить пустыни, а национальные парки превратить в площадки для парковок”.

Чтобы предотвратить возмущенные возражения, что это — плод больной фантазии, Эббей приводит примеры из истории, что самые жестокие тираны появились в странах индустриально развитых, где отсутствовали участки дикой природы. Диктаторские режимы возникли в Германии, Венгрии и Доминиканской республике, по словам Эббея, потому, что “урбанизация дает преимущество власти, вооруженной технологиями”. С другой стороны, аграрные революции, например, на Кубе, в Албании, американских колониях, Вьетнаме, возникли потому, что там существуют “горы, пустыни, джунгли или территории, которые можно отнести к диким”. Дальнейшие аргументы в поддержку взглядов Эб-

бея можно взять из Ветхого Завета — историю исхода евреев из Египта и историю Иоанна Крестителя — из Нового Завета. Политические угрозы со стороны государств, не имеющих участков дикой природы, отображены в работе О. Хаксли “О дивный новый мир” и у Дж. Оруэлла “1984”.

Следует отметить, что выводы Эббея шокирующе, так как подтвердились примером Советского Союза с его широкой экспансией против “дикой природы”.

Подводя итог, в соответствии с этим аргументом, территории дикой природы в общем могут служить местом, куда можно скрыться и бороться с тоталитарным режимом и местом, которое дает ощущение свободы. По мнению многих, включая Эббея, мы должны защищать дикую природу для того, чтобы оберегать свою свободу.

22. Мифопоэтический аргумент.

В своей мифопоэтической книге “Идея дикой природы” М. Оелшлегер пишет, что “идея дикой природы в контексте постмодернизма — это поиск истины — для создания историй новой мифологии — которая ведет человечество из тюрьмы гомоцентризма в космические дали дикой природы”. Территории дикой природы действуют как источник для будущего человечества.

Книга “Движение Человека” — прекрасный пример мифопоэтического применения природы. В поиске новых путей понимания и осознания мужества, все включенные в движение имели твердую решимость найти и возродить былую мужественность в охоте, в поисках зверя в дикой природе. В добавление к этому Р. Блай (центральная фигура “мифопоэтического” крыла движения) проповедует идеал “дикого человека”, который стал одной из основных целей движения. Мужчины должны бороться, по словам Блая, чтобы быть крепкими, здоровыми и энергичными, осознавая свою дикую сущность в глубине своего сознания. Он не говорит о том, что должны быть предпосылки иррационального психического нездорового разума, но утверждает, что мужчинам нужно быть ближе к своим природным корням. Мужская мифология, со-

ответственно, требует дикой природы и для всех в “Движении Человека” без “дикой природы”, чувство истории, будущее создание мифов теряется.

Этот аргумент основывается на постулате: “дикая природа” — душа или лучший источник будущей мифологии, наше будущее бедно без этого источника мифов, и другие территории не могут сослужить такую же службу для создания мифов.

23. Аргумент необходимости.

Как мы уже заметили ранее, некоторые защитники дикой природы верят, что с точки зрения истории, никакой цивилизованный мир не развился бы без дикой природы. Как заявлял Леопольд, “дикая природа — это стройматериал, из которого человек руками сотворил цивилизацию”. Но другие возразят, что “дикая природа” — это необходимость в философском смысле. Другие заявляют, что идея дикой природы — логически и метафизически необходима для существования и полного понимания концепции культуры и цивилизации.

24. Аргумент защиты демократии.

Враги дикой природы любят обвинять ее защитников в грехе элитарности. Они утверждают, что дикая природа не нуждается в охране, так как только небольшое количество людей посещают ее. “Энвайронменталисты, — продолжают они, — обеспеченные люди, которые хотят оставить большие пространства земли для физически и экономически обеспеченных людей. Дикая природа — только для элиты, для меньшинства, не служит общему благу, которое подразумевает больше хорошего для большинства”.

Как бы то ни было, этот популистский аргумент часто эффективен, но его легко повернуть против тех, кто его выдвигает. Не отрицая обвинения в элитаризме, сделанного оппонентами защиты окружающей среды, можно утверждать, поскольку защита дикой природы отвечает интересам меньшинства, это можно расценивать как знак возрастающей демократизации общества. Существование опер, галерей искусств, бассейнов и территорий дикой природы — мест для небольшого количества людей —

знак уважения к их правам или, как сказал Нэш, “факт, что эти вещи существуют — признак того, что нация уважает и защищает интересы меньшинства, что является частью ее политической идеологии”. Поддерживая этот аргумент, Леопольд писал: “Есть такие, что обвиняют дикую природу в недемократичности из-за того, что ее оздоровительные возможности невелики, их можно сравнить лишь с площадкой для гольфа или туристическим лагерем. Механизированное оздоровление охватило 9/10 количества лесов и гор, но мы проявляем уважение к 1/10 части, которую составляет дикая природа”.

25. Аргумент социальных связей.

Поддерживая аргумент, защищающий интересы меньшинства, кто-то может заявить, что многие территории дикой природы служат как механизм в процессах социальных связей. Те, которые коллективно отдыхали на территориях дикой природы, часто говорят об установлении новых контактов. Драйвер, Нэш и Хаас иллюстрируют это, утверждая, что главная причина, по которой люди выбирают отдых на дикой природе, это установление контактов, обмен опытом, демонстрация своих возможностей, знаний, умений.

26. Аргумент животного мира.

Развивая неантропоцентристские позиции для защиты дикой природы, мы должны отметить, что, как и мы, дикие животные тоже зависят от состояния окружающей среды. И поскольку их считают частью биологического союза, мы не должны разрушать их среду обитания. Уже в 1970-х годах появились тенденции требовать сохранения жизни всем животным, не допускать вреда им со стороны человека. Поэтому мы, люди, не имеем права вмешиваться в их жизнь, свободу. И поскольку территории дикой природы — это место реализации их свободы, эти территории должны охраняться как резервуары экологической свободы.

27. Аргумент гипотезы Гея.

Расширяя предыдущий аргумент, мы должны обратиться к неантропоцентристскому аспекту, другому живому организму — а именно, к Земле, Гею. Ученый Д. Лов-

лок отстаивает свою позицию и то, что он называет гипотезой Геи, поясняя, что Земля сама по себе, как саморегулирующаяся система — живая, относится к живым организмам. Как живой организм, ее части функционируют слаженно. Относясь к Земле или Геи, все экосистемы тоже живые. Эти экосистемы — как часть, орган многоклеточного организма. Территории дикой природы представляют собой определенный вид деятельности, необходимой для функционирования всего организма, подобно функции легких в организме человека. Без легких человек не может жить, возможно, и Земля не может жить без дикой природы. То есть для продления существования системы планет и Земли, территории дикой природы надо сохранять.

28. Аргумент будущих поколений.

Следующий аргумент в защиту дикой природы обращается вокруг морального долга живущих людей перед нашим будущим поколением. Можно утверждать, что современное человечество должно передать потомкам мир в том виде, в котором мы его унаследовали, с таким количеством территорий дикой природы, как мы получили. Как говорится в старой индейской поговорке: “Мы не наследуем землю от своих предков, мы заимствуем ее у наших детей”.

29. Аргумент неизвестной и косвенной пользы.

Одной из самых важных причин, почему мы должны предпринимать попытки сохранять как можно больше территорий дикой природы, с теоретической точки зрения — это то, что большая польза от них — в не прямой, косвенной (Драйвер, Нэш и Хаас называют ее “скрытой” ценностью, и что экономисты обычно называют альтернативной ценностью) и неизвестной форме.

30. Аргумент внутренней ценности.

Многие горячие поклонники дикой природы утверждают, что просто зная о существовании территорий дикой природы, независимо от того, будут или нет их как-то использовать, для них достаточно, чтобы

захотеть защитить их. Для таких людей “дикая природа” ценна уже тем, что она существует. Дикая природа поэтому имеет ценность сама по себе.

Мы должны прочувствовать, что территории дикой природы важны и ценны просто потому, что они есть, невзирая на то, захотим мы или нет посещать их, использовать, изучать и применять их. Тогда это будет настоящий призыв к защите дикой природы.

Итоговый вывод из этого аргумента — если территории дикой природы действительно имеют внутреннюю ценность, их охрана и защита неоспоримы, они ценны и их нужно сохранять. Конечно, много еще можно обсуждать в вопросе внутренней ценности дикой природы, я не все аспекты представляю здесь. Действительно, как сказал Годфри-Смит, определить ценность таких вещей, как “дикая природа”, очень сложная работа, которую необходимо сделать. Это может стать одной из важнейших задач экологической философии — организация таких дебатов, и мы должны ускорить эту работу, найти ответ на вопрос об истинной ценности дикой природы, чему отдать предпочтение — инструментальной или внутренней ценности, и как, когда и почему внутренняя ценность таких понятий, как дикая природа — если она вообще существует — превосходит другие ценности.

Если мы можем определить внутреннюю ценность территорий дикой природы, определить уровень морального значения, то охрана дикой природы немедленно станет делом морального фактора. Территории дикой природы получают значительную моральную поддержку. Это немного меняет аргумент в пользу защиты дикой природы; возникнет необходимость доказательства его. Те, кто хотел бы разрушить территории дикой природы, будут обременены ответственностью, они должны будут показать, что нечто большой социальной ценности будет принесено в жертву ради небольшой инструментальной пользы.

Классические работы о современной идее дикой природы

Рецензия на книги:

Nash R. Wilderness and the american mind. New Haven and London: Yale University Press, 1982. 430 p.

Oelschlaeger M. The idea of wilderness. New Haven and London: Yale University Press, 1991. 477 p.

Turner J. The abstract wild. The University of Arizona Press, 1996. 136 p.

The great new wilderness debate. (Ed. B. Callicott, M. Nelson). Athens and London: The University of Georgia Press, 1998. 697 p.

В 1967 году тогда еще молодой американский историк природоохраны Родерик Нэш опубликовал свою первую книгу “Дикая природа и американский разум”, которая была признана классической и вскоре выдержала несколько изданий. Величайшая заслуга автора в том, что он впервые с исторических позиций проанализировал зарождение и развитие идеи дикой природы – важнейшего “изобретения” американцев, той идеи, которая сейчас является одной из базовых современной природоохраны.

Нэш пишет: *“Нужны были идеи защиты дикой природы в виде философии свободы, лежащей в основе защиты гражданских прав. Защитники же природы были склонны к чувственным проявлениям, давшим волю воображению. Только подойдя к границе 1990 г., они начали мыслить обобщенно и систематично”*.

Нэш один из первых подчеркнул такое важное качество дикой природы как свобода. По его мнению, участки дикой природы – это настоящие “резервуары свободы”. Любопытна его ссылка на авторов антиутопий Д. Оруэлла и А. Хаксли, которые полагали, что все тоталитарные государства обя-

зательно воюют с дикой природой, так как она поддерживает свободу мыслей и действий.

Родерик Нэш проанализировал огромное количество первичного материала – американскую поэзию, художественную литературу, стенограммы заседаний Конгресса США, специализированные природоохранные издания на протяжении последних полутора веков, что позволило создать ему впечатляющее полотно развития американской природоохранной идеологии.

Значимыми аргументами в защиту дикой природы автор считает следующее: дикая природа как Совершенно Иное, как антипод человеческой цивилизации имеет право быть независимой от интересов человека. Это во-первых. И, во-вторых, она красива, загадочна, божественна, своевольна, свободна, нравственна. И мы обязаны ценить ее за эту неповторимость.

Тему, поднятую Родериком Нэшем продолжил известный американский экофилософ Макс Оелшлегер, издав в 1991 г. книгу “Идея дикой природы”. Если Нэш, как историк, в основном рассматривал идею дикой природы с исторических позиций, то Оелшлегер подвергает ее еще и философскому ана-

лизу. Он делает системное исследование взглядов американских творцов идеи дикой природы – Генри Торо, Джона Мюира, Олдо Леопольда, Гарри Снайдера. Автор полагает, что в настоящее время определяющей линии в идее дикой природы не существует, это скорее рефлекторный синтез, возникающий из разнообразных, даже несогласующихся позиций, таких как ресурсизм, классическое заповедание и эгоцентризм.

Исследуя идею дикой природы, автор уверен, что важнейшей ее составляющей является священность дикой природы.

“Мы должны задуматься, – пишет экофилософ, – является ли какая-либо экологическая этика осуществляемой без какого-то постоянного ощущения священности дикой природы?.. Без постмодернистской иерофании? (...) Наше исследование идеи дикой природы требует определенного рассмотрения, пусть даже и краткого, возможности постмодернистской иерофании. Такое раскрытие божества является для постмодернистского разума укорененным в нашем сознании...”

Джек Тернер, также современный американский экофилософ, но в отличие от своих коллег, он оставил преподавательскую и научную деятельность и подался в дикую природу. В настоящее время он работает инструктором-гидом в горах Гранд Тетон, много путешествует по другим горам мира. В 1996 г. он выпустил книгу “Абстрактное дикое”, сразу обратившую на себя внимание защитников дикой природы. Стоя на радикальных позициях эгоцентризма, Джон Тернер категорически против любого вмешательства, любого контроля за дикой природой: “... *никаких дорог, никаких троп, никакого спутникового наблюдения, никаких полетов на вертолетах, никаких новейших радиопередатчиков, никаких измерительных приборов... Пусть об-*

ласть дикой природы снова станет белым пятном на наших картах”.

По мнению экофилософа, человеку мешают научиться любить и уважать дикую природу склонность к экономике и экономической мысли, вестернизация и гомогенизация мировой культуры. Тернер призывает в своей книге к эмоциональной связи с дикой природой, подчеркивает значение ритуальности и священности в обращении с ней. Он остро критикует современные американские национальные парки, где главные принципы – контроль, управление и развлечение, а совсем не автономия, независимость и свобода дикой природы. Такая контролируемая и управляемая дикая природа, по его мнению, фикция. Мы не можем сохранять дикую природу как сохраняют клубнику – собранную, сваренную и закрытую в банки. Сохранять дикую природу по Тернеру – прежде всего означает сохранять ее автономию и свободу. По мнению экофилософа, наука и политика существует для контроля и управления природой. Вместо них нам нужна новая мораль, основанная не на контроле, а на свободе, естественности, хаосе и путанице.

Совсем недавно в США была издана еще одна классическая книга о современной идее дикой природы – “Великий новый спор о дикой природе”. Ее соавители, американские философы Бэрд Калликотт и Майкл Нельсон, наверное, собрали воедино все важные эссе о дикой природе, изданные в США за последние полтора века. В книге можно встретить работы таких классиков как Ральф Эмерсон, Генри Торо, Джон Мюир, Олдо Леопольд, познакомиться с полным текстом Закона США “О дикой природе”, принятого в 1964 г., ощутить пыл дискуссий об идее дикой природы, которые в свое время вели Бэрд Калликотт, Холмс Ролстон III, Дейв Формэн и другие экологи и экофилософы на стра-

ницах журналов “Экологический профессионал”, “Экологическая этика” и “Дикая Земля”.

Имеются в сборнике и оригинальные статьи, написанные специально для этой интереснейшей книги. Так, эколог Марк Вудс в своем эссе “Федеральная защита дикой природы в США” поднимает вопрос о сохранении естественности как главного признака дикой природы. По его мнению, экосистемы тем ценнее для людей, чем они независимые от них.

Один из составителей сборника, Майкл Нельсон, опубликовал большую работу, посвященную разбору и систематизации различных ценностей дикой природы. В ней он оперирует такими

новыми ценностями, как ценность убежища, ценность вдохновения, ценность защиты от новых болезней и ценность поддержания жизни.

Несомненно, рецензируемые работы окажутся несколько сложными для восприятия отечественными природоохранниками, знакомыми в основном с марксистско-ленинской философией. Но начинать переучиваться с чего-то все равно надо. И книги Родерика Нэша, Макса Оелшлегера, Джека Тернера, Бэярда Калликота и Майкла Нельсона – прекрасные для этого собеседники и учебники.

В.Е. Борейко

Литература о современной идее дикой природы

1. Бернбаум Э., 2000, Горы и святая власть, Гуманитарный экологический журнал, т. 2, вып. 1, стр. 57-73.
2. Бизэ А., 1891, Историческое развитие чувства природы, Спб, 391.
3. Борейко В.Е., 1998, Святые места дикой природы, Киев, Киевский эколого-культурный центр, 112 стр.
4. Борейко В.Е., 1999, Основные этические принципы заповедного дела, Заповідна справа в Україні, т. 5, вып. 2, стр. 1-3.
5. Борейко В.Е., 1999, Прорыв в экологическую этику, Киев, Киевский эколого-культурный центр, 128 стр.
6. Борейко В.Е., 1999, Радикальный взгляд на заповедное дело, Нематериальные ценности ООПТ, М., Экоцентр “Заповедники”, 23 стр.
7. Борейко В.Е., 1999, Священные горы, Киев, Киевский эколого-культурный центр, 56 стр.
8. Борейко В.Е., 1999, Введение в природоохранную эстетику, издание второе, дополненное, Киев, Киевский эколого-культурный центр, 128 стр.
9. Борейко В.Е., Поминова Е.В., 2000, Зарубежные философы дикой природы, Киев, Киевский эколого-культурный центр, 124 стр.
10. Борейко В.Е., 2000, Эссе о дикой природе, Киев, Киевский эколого-культурный центр, 143 стр.
11. Борейко В.Е., 2000, Постигание экологической теологии, Киев, Киевский эколого-культурный центр, 88 стр.
12. Борейко В.Е., 2000, Лесной фольклор. Древа жизни и священные рощи, Киев, Киевский эколого-культурный центр, 212 стр.
13. Борейко В.Е., 2000, Биоразнообразие не имеет цены. Ибо оно бесценно, Гуманитарный экологический журнал, т. 2, вып. 2, стр. 5-11.
14. Борейко В.Е., 1999, Божественное в дикой природе: попытка анализа и религия охраны природы, Гуманитарный экологический журнал, т. 1, вып. 2, стр. 38-40.
15. Борейко В.Е., 2001, Три идеологии современного заповедного дела, Гуманитарный экологический журнал, т. 3, вып. 1, 33-42.
16. Бородин И.П., 1914, Охрана памятников природы, Русское Географическое общество, Спб, 31 стр.

17. Грищенко В.Н., 2001, Четвертая идеология заповедного дела, Гуманитарный экологический журнал, т. 3, вып. 1, стр. 42-56.
18. Грэбер Л., 1999, Дикая природа как священное пространство, Киев, Киевский эколого-культурный центр, 56 стр.
19. Дежкин В.В., Борейко В.Е., Данилина Н.Р., Лихацкий Ю.П., 2000, Заповедная природа: для нас и потомков, М.: Логата, 176 стр.
20. Дискуссия о нематериальных ценностях, священности и культе дикой природы (В.Е. Борейко, К. Сельвицкий), 2000, Гуманитарный экологический журнал, т. 2, вып. 1, стр. 27-47.
21. Дискуссия об абсолютной заповедности (Ф.Р. Штильмарк, В.Е. Борейко, Е.А. Симонов), 1999, Гуманитарный экологический журнал, т. 1, вып. 1, стр. 33-56.
22. Думая как гора: на пути к совету всех существ, 1992, М., Голубка, 126 стр.
23. Жирмунский В., 1914, Немецкий романтизм и современная мистика, Спб, 206 стр.
24. Забелин С.И., 2000, Проект новой концепции охраны дикой природы, Гуманитарный экологический журнал, т. 2, вып. 1, стр. 1-6.
25. Кант И., 1964, Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного. В кн.: Сочинения, М.: Мысль, т. 2, стр. 127-130.
26. Конвенц Г., 2000, Практика охраны памятников природы, Киев, Киевский эколого-культурный центр, 88 стр.
27. Леопольд О., 1980, Календарь песчаного графства, М.: Мир, 216 стр.
28. Лосева Н.Г., 1985, О нравственно-эстетическом аспекте оценки природных ландшафтов. В кн.: Вопросы обоснования размещения охраняемых природных территорий, Сборник научных трудов, М., стр. 103-108.
29. Милтон К., 2000, Природа уже священна, Гуманитарный экологический журнал, т. 2, вып. 2, стр. 51-55.
30. Мэй Р., 1996, Отношение к природе в литературе России и США, Спецвыпуск бюллетеня "Охрана дикой природы", Про Эко, № 11, стр. 46-49.
31. Никольский А.А., 1996, Этика благоговения перед жизнью как концепция заповедного дела, Спецвыпуск бюллетеня "Охрана дикой природы", Про Эко, № 1, стр. 15-17.
32. Пимен, 1989, Красота природы, Журнал Московской Патриархии, № 10, стр. 33-38.
33. Никольский А.А., 2000, Профессионализм и добрая воля - альтернатива убийству, Гуманитарный экологический журнал, т. 2, вып. 1, стр. 16-19.
34. Саймак К., 1988, Заповедник гоблинов. В кн.: Избранное, М.: Мир, стр. 241-409.
35. Сизеранн Р., 1900, Рескин и религия красоты, М., 202 стр.
36. Талиев В.И., 1914, Охраняйте природу!, Харьков, 38 стр.
37. Торо Г., 1986, Уолден, или жизнь в лесу. В кн.: Ральф Эмерсон. Эссе, Генри Торо, Уолден, или жизнь в лесу, М.: Худ. литература, стр. 385-614.
38. Торо Г., 1990, Дневники, Прогулка. В кн.: Сделать прекрасным наш день..., М.: Прогресс, стр. 117-225, 150-285.
39. Формэн Д., 1999, Ставлю Землю на первое место. В кн.: Борейко В.Е., Прорыв в экологическую этику, Киев, Киевский эколого-культурный центр, стр. 115-122.
40. Шмидт Р.В., 1928, К вопросу о возникновении культа деревьев, Доклады АН СССР, № 6, сер. В., стр. 121-123.
41. Штильмарк Ф.Р., 1981, Принципы заповедности (теоретические, правовые и практические аспекты). В кн.: Географическое размещение заповедников РСФСР и организация их деятельности, М.: Главохота, РСФСР.
42. Экологическая антология, 1992, Москва-Бостон, Голубка, 268 стр.
43. Эмерсон Р., 1977, Природа. В кн.: Эстетика американского романтизма, М.: Искусство.
44. Эплет Г.Х., 2000, О природе дикости: исследования того, что действительно защищает дику природу, Гуманитарный экологический журнал, т. 2, вып. 2, стр. 38-51.
45. Эрингис К.И., Будрюнас А.Р., 1971, Растительность и эстетика ландшафта. В кн.: Вопросы охраны ботанических объектов, Л.: Наука, стр. 84-92.
46. Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле. Из отечественных классических работ, сост. В.Е. Борейко, 1999, издание второе, дополненное, Киев, Киевский эколого-культурный центр, 260 стр.
47. Ямпольский М.Б., 1984, К символике водопада. В кн.: Труды по знаковым системам, Тарту, ТГУ, стр. 26-41.
48. Bernbaum E., 1998, Sacred mountains of the world, University of California Press, Berkeley-Los Angeles-London, 291 p.

49. Birch T., The incarceration of wilderness: wilderness areas as prison, *Environmental ethics*, v. 12, pp. 3-26.
50. Callicott B., The philosophical value of wildlife, In: *Economic and social values of wildlife*, ed. D. Decker, G. Groff, Boulder, CO: Westview Press, pp. 214-221.
51. Foreman D., Howie W., 1989, *The big outside*, Tucson, Ned Ludd Books.
52. Fox S., 1989, *The American conservation movement. John Muir and his Legacy*, University of Wisconsin Press.
53. Frome M., 1995, *Wilderness does work*, *Wild Earth*, spring, pp. 67-73.
54. Hargrove E., 1988, *Foundation of environmental ethics*, New Jersey, Prentice Hall, 229 p.
55. Hasford J., Vest C., 1987, The philosophical significance of wilderness solitude, *Environmental ethics*, № 9, pp. 302-330.
56. Hughes J.D., 1996, Francis of Assisi and the diversity of creation, *Environmental ethics*, v. 18, № 3, pp. 311-321.
57. Kellert S., 1997, *Kinship to mastery*, Island Press-Shearwater Books, Washington, D.C.: Covelo, California, 256 p.
58. Kolbuszewski J., 1992, *Ochrona przyrody a kultura*, Wrocław, 206 p.
59. La Chapelle D., 1978, *Earth wisdom*, Silverton Finn Hill Arts.
60. Milton K., 1999, Nature is already sacred, *Environmental values*, v. 8, № 4, pp. 437-451.
61. Naess A., 1989, *Ecology, community and life-style*, Cambridge University Press, Cambridge.
62. Nash R., 1982, *Wilderness and the American mind*, Yale Univ. Press, New-Haven and London, 430 p.
63. Nash R., 1988, *The rights of nature. A history of environmental ethics*, The University of Wisconsin Press, Madison, 290 p.
64. Neil R., Terry G., 1998, The idea of nature in English poetry, In: *Literature of nature*, Chicago-London, Fitzroy Deaborn Publishers, pp. 166-177.
65. Oelschlaeger M., 1991, *The idea of wilderness*, Yale University Press, New Haven and London, pp. 243-281.
66. Pawlikowski J.G., 1913, *Kultura a natura*, Lamus, Kraków-Warszawa, t. 4.
67. Pawlikowski J.G., 1938, *O lice ziemi*, Lamus, Warszawa, 450 p.
68. *Place of the wild*, ed. D. Burks, 1994, Island Press - Shearwater Books, Washington, D.C., Covelo, California.
69. Rolston H. III, 1992, *Philosophy gone wild*, Prometheus books, Buffalo, New York, 269 p.
70. Smith P., Watson R., 1979, New wilderness boundaries, *Environmental ethics*, № 1, pp. 61-64.
71. Snyder G., 1984, *Good, wild, sacred*, Five Seasons Press, Madley, Hereford.
72. Snyder G., 1995, *A place in space: ethics, aesthetics and watersheds*, Washington, 263 p.
73. Snyder G., 1998, *The practice of the wild*, North Point Press, Farrar, Straus and Giroux, New York, 190 p.
74. Stone C., 1984, Should trees have standing? - Toward legal rights for natural objects, In: *People, penguins and plastic trees*, ed. D. VanDeVeer, C. Piera, Belmont, California, Wadsworth Publishing Company, pp. 83-96.
75. Swan J., 1990, *Sacred places in nature*, Santa Fe, N.M.: Bear.
76. *The great new wilderness debate*, 1998, ed. B. Callicott, M. Nelson, The University of Georgia Press, Athens and London, 697 p.
77. *The wilderness condition: essays on environmental and civilisation*, ed. M. Oelschlaeger, San Francisco, Sierra Club Books.
78. Thompson J., 1995, Aesthetics and value of nature, *Environmental ethics*, № 3, pp. 291-305.
79. Turner J., 1996, *The abstract wild*, Tucson, University of Arizona Press, 136 p.
80. *Uncommon ground: toward reinventing nature*, ed. W. Cronon, 1995, W.W. Norton Company, New York-London, 390 p.
81. *Voices for the wilderness*, ed. W. Schwartz, 1969, Ballantine Books, New York.
82. *Wild ideas*, ed. D. Rothenberg, 1995, Minneapolis University of Minnesota Press, 225 p.
83. *Wilderness: America's living heritage*, 1961, ed. D. Brower, Sierra Club Books, San Francisco, 220 p.
84. *Wilderness: The way a head*, ed. M. Yance, M. Inglis, 1984, Middleton, WI: Lorian Press.

Составитель В.Е. Борейко

От редакции: желающие познакомиться с зарубежными материалами о современной идее дикой природы и защите участков дикой природы могут обратиться к сайтам: <http://www.wilderness.net> и <http://www.wilderness.org>.

Правила для авторов

1. “Гуманитарный экологический журнал” публикует статьи по гуманитарным аспектам экологии и охраны природы: экологическая этика, эстетика, теология, этнософия, этнография, культурология, социология, социальные проблемы охраны природы, конфликтология, история охраны природы и т. п.
2. Принимаются статьи объемом до 1 печатного листа (24 стр. машинописи или около 40 тыс. знаков компьютерного текста). При компьютерном наборе предпочтительны файлы в текстовом формате (не использовать выравнивание, переносы и линии в таблицах!) или подготовленные в одной из версий Word for Windows. Помимо файла (на дискете или электронной почтой) в редакцию нужно высылать и распечатку текста статьи.
3. Работы печатаются на русском или английском языках. По желанию авторов статьи на русском языке могут сопровождаться английскими резюме.
4. Иллюстрации должны быть готовы к непосредственному воспроизведению, выполнены на белой бумаге черной тушью или распечатаны на лазерном принтере. Все подписи печатаются на отдельной странице. Фотографии должны быть хорошего качества на глянцевой бумаге.
5. Редакция оставляет за собой право сокращать и править полученные материалы, а также отклонять не отвечающие данным требованиям.

— Исповедовал ли ты экологию? Благоговел ли ты перед жизнью? Сотрудничал ли ты с журналом Гуманитарным экологическим?

Рис. Э.Д. Шукурова

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
-------------------	---

Тема номера

Борейко В.Е. Современная идея дикой природы	4
---	---

Наука и публицистика

Стойко С.М. Охрана пралесов – реликвии дикой природы	38
Горб К.Н., Сесин В.А. Дикая природа в оценках населения Украины: общая концепция и первые результаты перцепционно-географического исследования	45

Дискуссии

Дежкин В.В. Я – за природу. В том числе и за дикую	61
Крылов А.Р., Крылова И.А. Экология – наука, движение, философия... религия?	65
Морохин Н.В. Дикая природа и поэзия	74
Никольский А.А. Фетишизация дикой природы: нужна ли она?	78
Подобайло А.В. Идея дикой природы в понимании студентами- биологами	82
Поминова Е.В. Внутренняя ценность дикой природы. Что это такое?	84
Рыжиков А.И. Священные объекты дикой природы	87
Севостьянов В. Дикая природа на страницах Нового Завета	92
Сесин В.А. Некоторые мысли вслед	96
Кулешова М.Е. “С каким Богом Вы общаетесь?”	97
Горб К.Н. Дикая природа как наследие общества и природы	100
Поминова Е.В. “Из ничего не творится ничто” (К вопросу о священности дикой природы)	105
Прохорова И.А. Экологическая этика как идеологический базис охраны дикой природы	108
Штильмарк Ф.Р. Абсолютная заповедность – последний оплот реальной охраны дикой природы	111
Грищенко В.Н. “Не то, что мните вы, природа”	113
Штильмарк Ф.Р. Абсолютная заповедность как высшая форма экологической этики	127
Горб К.Н. Идея дикой природы с позиций наследиецентризма	128
Яблоновская-Грищенко Е.Д. Все – оружие для защиты природы	133

Экодайджест

Нельсон М. Аргументы в защиту дикой природы	138
---	-----

Критика и библиография

Борейко В.Е. Классические работы о современной идее дикой природы ...	146
Литература о современной идее дикой природы	148